Часть первая

Эней детина был проворный
И парень - хоть куда казак.
На дело злой, в беде упорный,
Отчаяннейший из гуляк.
Когда спалили греки Трою,
Сровняв ее навек с землею,
Эней, не тратя лишних слов,
Собрал оставшихся троянцев,
Отпетых смуглых оборванцев,
Котомку взял и был таков.

У моря сколотил он челны
И, посадив троянцев в ряд,
Доверившись судьбе и волнам,
Махнул, куда глаза глядят.
Но тут Юнона, сучья дочка,
Вдруг раскудахталась, как квочка,
Что вовсе не к лицу богам.
Давно уже она хотела,
Душа Энея чтоб летела
Прямехонько ко всем чертям.

Эней был сильно не по сердцу
Юноне, все ее гневил;
Был для нее он горше перцу,
Хоть зла ей ввек не причинил.
Он тем ей, вишь, не полюбился,
Что в Трое славной народился
И мамою Венеру звал,
И что Парис - покойный дядя, -
На красоту Венеры глядя,
Ей яблочко в подарок дал.

И вот, когда шепнула Геба,
Что пан Эней плывет в челнах,
Взглянула вниз Юнона с неба
И рассердилась просто страх!
Готовя недругу расправу,
Впрягла в резные санки паву;
Моментом прибрана коса;
Корсет и юбку нацепила,
Хлеб-соль в тарелке прихватила
И мчит к Эолу, как оса.

"Почтенье дорогому свату!
Гей, пан Эол, ну как живешь? -
Промолвила, влетая в хату,
Юнона. - Не гостей ли ждешь?"
Поставила тарелку с хлебом
Перед Эолом - старым дедом,
На лавку села у дверей.
"Будь ласков, сватушка, как другу,
Мне нынче окажи услугу -
Энея с панталыку сбей.

Ты знаешь, он какой гуляка,
Как на разбой и драку лих;
Бродя по свету, забияка
Прольет немало слез людских.
Казни бродягу, не жалея,
Чтоб люди все, что при Энее,
Пропали, чтоб пропал он сам.
Коль это все исполнишь живо,
Красотку-девку всем на диво

Тебе, ей-ей, в награду дам.

Не дай удачи супостату!"
Эол, насупившись, в ответ:
"На все готов за эту плату,
Да, вишь, ветров-то дома нет.
Борей с похмелья не проспится,
А Нот на свадьбе веселится,
Зефир - известный негодяй -
С дивчатами заженихался,
А Эвр в поденщики нанялся.
Вот тут как хочешь и смекай!

Но для тебя я постараюсь
Энею по загривку дать;
Единым духом обещаюсь
Ко всем чертям его загнать.
Прощай же! Мигом собирайся
И попроворней убирайся,
Да девку живо присылай.
Коли обманешь - хоть разбейся,
На милость после не надейся,
Не дам подмоги, так и знай!"

Эол, один оставшись, вскоре
Все ветры в хату пособрал,
Враз поднял кутерьму на море,
Погоду портить приказал!
Все море мигом потемнело,
Заклокотало, закипело;
Эней заплакал, зарыдал,
Запричитал, завыл, забился,
Обшарпался, окровянился,
Затылок в струпья расчесал.

Беда с проклятыми ветрами.
На море шторм ревмя ревет;
Троянцы облились слезами,
Энея оторопь берет;
Все их челны пораскидало;
Немало войска тут пропало;
Хлебнув в пути беды с лихвой,
Кричит Эней: мол, я Нептуну
Сам четвертак в ладони суну,
Коль даст нам справиться с волной!

Нептуну сладки эти речи.
Энея слыша голосок,
Сквалыга мигом спрыгнул с печи, -
Ему и четвертак - кусок!..
Немедля старый забияка
Велел седлать большого рака
И, всплыв из моря, как карась,
На ветры гаркнул что есть мочи:
"Вы, вижу, дуть зазря охочи.
А ну-ка, прочь отсюда, мразь!"

Тут ветры мигом спохватились
И, будучи как пух легки,
От бога вод бежать пустились,
Как от ежа бегут хорьки.
Нептун же тотчас взял метелку
И вымел море, как светелку;
Тут солнце глянуло на свет.
Эней как будто вновь родился,
Раз пять подряд перекрестился
И приказал подать обед.

Настлали в ряд досок сосновых,

На них - горшков и мисок взвод;
И все, не говоря ни слова,
Понабивали кашей рот.
Глотали сало, и галушки,
И саламату, и пампушки,
Потом на брагу налегли;
Горилку взапуски хлестали,
Из-за стола насилу встали
И спать вповалку полегли.

Венера - сводня и проныра,
Чтоб чорт ее совсем побрал,
Увидя, что сынка-задиру
Эол порядком напугал,
Тотчас прибралась и умылась,
Как к празднику принарядилась,
Хоть на гулянку в добрый час!
Чепец надела для порядку,
Люстриновую кофту в складку
И к Зевсу вихрем понеслась.

Зевес в тот час глушил сивуху
И сельдью жирной заедал;
Седьмую вылакав осьмуху,
Остатки кварты допивал.
Пришла Венера, заскулила,
Вздохнула, нюни распустила
И стала всхлипывать пред ним:
"За что, скажи мне, тата милый,
Энею жребий дан постылый,
Как в бабки все играют им!

Как видно, он дойдет до Рима,
Когда сам дьявол пропадет,
Хан станет вновь владыкой Крыма
И в жены сыч сову возьмет.
Юнона моего Энея
Преследовала, как злодея.
Ужель весь век ему страдать?
Ничто б с Энеем не случилось,
Когда б Юнона не бесилась.
Вели-ка ты ее унять".

Допив горилочку из кубка,
Зевес огладил пышный чуб;
"Ох, доченька, моя голубка!
Я в правде крепок, точно дуб.
Эней по вышнему веленью
Воздвигнет царство. По владенью
Немалый, мыслю, будет пан.
Ему народы покорятся,
А там и дети расплодятся,
И всем он будет атаман.

Заедет по пути к Дидоне
И пропирует много дней;
Там все печали он схоронит
И беса тешить будет с ней.
Иди, голубка, бог с тобою,
Постись, молись, я все устрою,
Все будет так, как я сказал".
Венера низко поклонилась,
С отцом на этом распростилась,
И он ее поцеловал.

Эней очухался, проспался
И голяков своих созвал.
Не тратя времени, собрался
И наугад челны погнал.

Все плыл да плыл - аж надоело.
А море так осатанело,
Что чортом на него глядел:
"Уж лучше б смерть принять за Трою,
Чем волочить вслед за собою
По свету горький свой удел".

Потом, до берега доплывши,
С троянским воинством Эней,
На землю твердую ступивши,
Велел поесть ватаге всей.
Все закусили понемногу,
Чтоб сил набраться на дорогу,
А после берегом морским
Кто где до устали шатался;
Эней невесть куда забрался,
Ан глянь - вдруг город перед ним.

Тот город Карфагеном звался,
Дидона в нем тогда жила;
Всяк встречный ею любовался:
Всегда проворна, весела,
Заботлива и деловита,
Ловка, смазлива, сановита.
Бедняжка, будучи вдовой,
Одна по городу гуляла,
Как вдруг троянцев повстречала,
Что наобум брели толпой.

"Откуда голытьба такая?
Аль рыбу с Дона привезли?
Аль спьяну забрели, гуляя?
Аль богомольцами пришли?
Какой вас чорт сюда направил?
Что за герой сюда причалил?
И что за банда с ним гуляк?"
Троянцы тут забормотали,
Дидоне дружно в ноги пали,
А вставши, отвечали так:

"Народ мы, вишь ты, православный,
Но нет нам счастья в жизни сей,
Мы народились в Трое славной,
Да вот опутал нас Эней;
Нам дали выволочку греки,
Энея самого навеки
В три шеи выгнали. Тогда
Он нас сманил оставить Трою
И в море уволок с собою;
Вот и приплыли мы сюда.

Помилуй, пани, наши души!
Не дай погибнуть молодцам;
Дай отдышаться нам на суше,
Эней спасибо скажет сам.
Ты видишь, как мы отощали,
Одежду, лапти - всё порвали,
Кафтаны, свитки - просто срам!
Как псы, без хлебушка сидели,
От голода в кулак свистели,
Такая вышла доля нам".

Дидона горько зарыдала
И долго с белого лица
Платочком слезы вытирала:
"Когда б, - сказала, - молодца
Энея я бы увидала,
Тогда б веселой снова стала,
И был бы светлый праздник нам!"

Тут хлоп Эней, как сокол с лёта:
"Я здесь, коль вам того охота!" -
И падает к ее ногам.

Потом, с Дидоною обнявшись
И при народе всем честном
Целуясь и за ручки взявшись,
Балакали о том, о сем.
Потом, сказав прощай невзгодам,
Пошли по длинным переходам
К Дидоне в дом, там всей гурьбой
Взялись немедля за сивуху
И конопляную макуху.
Пошел у них тут пир горой.

Все пили снова, ели снова,
Таких поищешь едоков, -
Да всё с тарелочек кленовых,
Из светлых обливных горшков:
Свиную голову под хреном,
Потом лапшу на перемену,
Расправились и с индюком,
За саламатой ели кашу,
Там путрю, и зубцы, и квашу,
Заели маковым коржом.

И пили кубками сливянку,
Мед, пиво, брагу, что могли,
И просто водку, и калганку,
Для духу можжевельник жгли.
Бандура горлицу бренчала,
Сопелка зуба задувала,
Свистела дудка невпопад;
А после скрипки заиграли,
Дивчата бойко танцевали,
Стучали чоботами в лад.

Сестру Дидоны звали Ганна;
Вот впрямь уж девка хоть куда!
Чиста, ловка, бела, как панна, -
Явилась и она сюда.
На ней сережки золотые,
Корсетка, ленточки цветные;
Монистами звеня слегка,
Она пошла, лозой сгибаясь,
И, пред Энеем извиваясь,
Под дудку била гопака.

Эней и сам так расходился,
Что пожелал плясать тотчас.
Он мало спьяну не убился,
Пустившись вместе с Ганной в пляс.
Подковки дробно застучали,
Поджилки струнко задрожали,
Он, не щадя последних сил,
Мотню повыше подбирая
Да сам себе и подпевая,
Вприсядку гайдука садил.

А после танцев варенухи
По доброй чарке поднесли;
И молодицы-щебетухи
Всласть околесицу несли.
Дидона спьяну нашалила -
Горшок с горилкою разбила.
Все веселились, как могли;
До одури напились гости
И полегли, как на погосте;
Энея ж еле увели.

На печь забрался он насилу
И, в просо ткнувшись, там залег;
А кто хотел, тот в хату двинул,
Кто в хлев забрел, а кто под стог.
Иные ж так винца хлебнули,
Что где упали, там уснули;
Храпели так, что будь здоров.
Иные ж, не теряя духу,
Глушили сызнова сивуху
И мед до третьих петухов.

Дидона рано пробудилась,
Кваску с похмелья попила,
Умылась и принарядилась,
Как если б на гулянку шла.
Чепец украшен бахромою,
А шея - цепью золотою;
На ножке красный сапожок,
Втугую стянута шнуровка,
Стан облегла корсетка ловко;
В руке ее цветной платок.

Эней, как только отоспался,
Погрыз соленый огурец;
Потом умылся, причесался,
Ну хоть сейчас с ним под венец.
Ему Дидона подарила
Все, что от мужа сохранила:
Портянки с парою сапог,
Рубаху и кафтан из нанки,
И поясок из коломянки,
Штаны, и шапку, и платок.

Одевшись, снова все собрались,
Поели досыта с утра;
Горилкой быстро накачались,
И все пошло, как шло вчера.
Дидона, полюбив Энея,
Не знала, от любви робея,
Как быть, что делать ей с собой;
Хихикала на всю светелку,
Точила лясы без умолку,
Доволен был бы лишь герой.

Потом пустилась на затеи,
Эней чтоб веселее был,
Чтоб был поласковее с нею
И горести свои забыл:
На жмурки всех гостей созвала,
Платочком глазки завязала,
Энея принялась ловить.
Эней, смекнув, не упирался,
Все вкруг Дидоны увивался,
Ее чтоб только ублажить.

Тут в игры всякие играли -
Кто как и кто во что хотел;
Иные журавля плясали,
А кто от дудочки потел;
Кто бегал с девками в горелки,
Кто драл чубы, кто бил тарелки,
Иные резались в хлюста;
Там в свои козыри играли,
Там шашки в дамки продвигали,
Там бойко шла игра в жгута.

Что день, то новая гулянка;
Лилась горилка, как вода;

Пирушки, игры, пляски, пьянка,
Затей пьянейших череда.
А что касательно Энея,
Его Дидона всех сытнее
Сама кормила всякий день.
Троянцы были пьяны, сыты,
Обуты все как есть, обшиты,
Хоть голы прибрели, как пень.

Троянцы напролет кутили
И, падкие до вечерниц,
До свету с девками блажили,
Подманивали молодиц.
Эней же ласковую пани
Сманил попариться с ним в бане..
Уж было тут не без греха.
Дидона страх его любила
И тем навек себя сгубила.
Была ж бабенка не плоха.

Так жил у ласковой Дидоны,
О Риме позабыв, Эней;
Не опасаясь здесь Юноны,
Провел в пирах немало дней;
Дидону он считал за женку,
Забыл родимую сторонку,
Блажил, как на селе солдат.
С его проворством, лаской, силой
Негоднику все с рук сходило.
И был ему сам чорт не брат.

Эней с Дидоною возились,
Как с юркой мышкой серый кот;
Играли, бегали, резвились,
Аж прошибал обоих пот.
Раз задал ей Эней работу,
Когда скакали на охоту,
И гром в пещеру их загнал...
Долгонько там они сидели,
В каких трудах часы летели,
Никто об этом не узнал.

Не так-то скоро все творится,
Как думает иной о том,
Или как в сказке говорится,
Или как пишется пером.
Эней не горевал нимало,
Из головы его пропало,
Куда его Зевес послал.
Он года два с лихвой там пробыл,
А может, прожил и еще бы,
Когда бы враг не помешал.

Юпитер как-то ненароком,
С Олимпа свесясь, глянул вниз
И, видя, что совсем под боком,
У Карфагена, пляс и визг,
Разгорячился, раскричался,
Аж белый свет заколыхался;
Энея поносил с небес:
"Ишь, сучий сын, куда укрылся!
Как муха, в патоку зарылся;
Засел, как на болоте бес!

Позвать гонца ко мне велите,
Чтоб тотчас же сюда бежал.
Да крепче там его держите,
Чтоб в кабаках не застревал!
В нем нынче надобность большая,

Смотри, смотри-ка, мать честная!
Ужель Эней меня подвел?
Венера, видно, там балует,
Энеечку-сынка муштрует,
Чтоб он с ума Дидону свел".

Вбежал Меркурий - запыхался,
Пот в три ручья с него катил,
Весь ремешками обвязался
И лихо шляпу заломил;
Пороховницу взял с собою,
Котомка с хлебом за спиною,
Нагайка, чтоб собак гонять.
Пред Зевсом появившись в хате,
Сказал: "Готов уже я, тата,
Куда прикажешь мне бежать?"

"Беги скорее к Карфагену, -
Зевес Меркурию кричит, -
Хоть лоб разбей себе о стену,
Энея с бабой разлучи.
Пускай улепетнет оттуда,
О Риме не забыл покуда,
А то все крутится, как бес.
Коли гульбы своей не бросит,
То головы, ей-ей, не сносит,
Вот так, скажи, сказал Зевес".

Меркурий низко поклонился,
Перед Зевесом шляпу снял,
Через порог перевалился
И на конюшню побежал.
Там, наземь кинувши нагайку,
Запряг он мигом таратайку;
Взвилася пыль из-под копыт!
Летит, кобылок погоняя,
Аж взбрыкивает пристяжная,
И на версту возок скрипит!

До положенья риз упившись,
Эней в тот час, без задних ног,
Под лавкою лежал, укрывшись;
Как вдруг Меркурий в хату скок!
И ну честить, что было духу:
"Скотина, все глушишь сивуху!
Ты, что же, тут навек застрял?
А ну, довольно женихаться!
Тебе отсюда убираться
Зевес немедля приказал!

И что тут у тебя за дело?
Ужель еще не отгулял?
Смотри, чтоб хуже не влетело,
Зевес недаром осерчал.
Еще помешкаешь немножко,
Так расшибет тебя в лепешку,
Гляди, не попади в беду.
Сию ж минуту собирайся
Да потихоньку убирайся;
Быть горю, коль опять приду".

Эней побитою собакой
Повесил нос, затрясся весь,
Чуть-чуть бедняга не заплакал, -
Он знал, что нравом крут Зевес.
Ни часу не промедлив боле,
Из хаты выбежал он в поле,
Собрав троянцев, дал приказ:
Чтоб скарб свой мигом собирали,

Добром котомки набивали
И к морю все несли тотчас.

А сам укладывать пожитки
Вернулся в хату, побросал
В два сундука кафтаны, свитки
И тут же их к челнам послал.
Он только дожидался ночи,
Когда сомкнет Дидона очи,
Чтоб потихоньку тягу дать.
Хоть сердце по Дидоне ныло
И тяжко целый день томило,
Да приходилось все ж бросать.

Дидона сразу отгадала,
О чем тоскует пан Эней,
И все на ус себе мотала,
Чтоб извернуться похитрей;
На печь забравшись, все зевала,
Прикинулась, что задремала;
Но лишь Эней полез в тулуп
И только захотел дать драла,
Как вдруг, откинув одеяло,
Дидона хвать его за чуб!

"Стой, чортов сын, куда, паскуда?
Со мною прежде расплатись;
Враз задушу тебя, иуда!
Попробуй только, шевельнись!
За хлеб за соль так расквитаться!
Так над любовью насмеяться!
Ты, видно, к этому привык!
Пригрела на груди гадюку,
Что принесла такую муку,
Свинье постлала пуховик!

Иль позабыл ты, в самом деле,
Каким сюда ко мне пришел?
Рубашки не имел на теле,
Был гол, скотина, как сокол;
В усах репейник, а в кармане
Блоха гуляла на аркане,
И только слава, что в штанах:
Мотня отдельно от штанины,
Да свитка на две половины,
Лаптей ошметки на ногах.

Я ль не жалела, не любила
Тебя, проклятый ветрогон?
Какая муха укусила
Тебя, что прешь ты на рожон?"
Дидона горько зарыдала
И волосы от горя рвала,
Аж пена взбилась на губах.
Как рак вареный раскраснелась,
Как будто белены объелась,
Костя Энея в пух и прах:

"Злодей, бездельник, голодранец,
Гуляка, пакостник, бурлак,
Католик, еретик, поганец,
Бесстыдник, негодяй, голяк!
Вот отхлещу тебя по роже -
Поймешь, что пакостить негоже.
Чтоб в пекло бес тебя унес!
Глаза повыдеру, скотина,
Что? Испугался, образина?
Трясешься, как паршивый пес!

Ступай, якшайся с дьяволами,
Пускай тебе приснится бес!
С твоими сучьими сынами
Чтоб чорт побрал вас всех, повес,
Чтоб не горели, не болели,
Чтоб разом все переколели,
Чтобы не выжил ни один;
Чтоб доброй вы не знали доли,
Ни хат родных, ни вольной воли,
Ни жен, ни свадеб, ни крестин!"

Энея от такого звону
Как ветром сдуло за порог;
И, бросив на печи Дидону,
Эней пустился наутек
И прибежал, чуть жив от страху,
К своим - хоть выжимай рубаху,
Как с рынка школьник-курокрад;
Уселся в челн, за весла взялся,
Отчалил и вперед помчался,
Ни разу не взглянув назад.

В ту ночь Дидона не ложилась,
Весь день не ела, не пила;
Все тосковала, все томилась,
Кричала, плакала, звала.
То молча озиралась дико,
То бегала по хате с криком,
В печали, в горести, в слезах,
Пока не подкосились ноги,
Пока не села на пороге,
Кусая ногти на руках.

Сестру покликала бедняжка,
Чтоб с нею горе разделить,
Поведать об измене тяжкой,
Участьем сердце облегчить.
"Ганнуся, рыбка, душка, любка,
Спаси меня, моя голубка,
Эней - злой змей, не человек!
Меня он бросил, точно шлюху,
Оправиться не станет духу, -
Теперь пропала я навек!

Снести измены нету силы.
Его мне сердцем не забыть.
Теперь один мне путь - в могилу!
Скажи, Ганнуся, как мне быть?
Все для него я потеряла,
Собой, людьми пренебрегала;
О боги! Я забыла вас...
Ах, дайте зелье мне скорее,
Чтоб позабыла я злодея,
Чтобы огонь любви угас.

Нет для меня нигде покою,
Не льются слезы из очей,
И белый свет покрылся мглою,
И там лишь солнце, где Эней.
О, если б довелось Дидону
Увидеть в муках Купидону,
Малютка б с горя сам пропал!
Пусть помнят девки, коль пригожи:
С Энеем все повесы схожи;
Чтоб чорт изменщиков побрал!"

Так в горе плакала Дидона
И долю горькую кляла;
Но Ганна, хоть была смышлена,

Ничем помочь ей не могла.
Она с Дидоной горевала
И, всхлипывая, утирала
Слезу расшитым рукавом.
Потом, когда смеркаться стало,
Дидона Ганну отослала,
Чтоб всласть поплакать вечерком.

Бедняжка долго горевала,
К полуночи в постель легла;
Вздыхала, думала, гадала,
Вскочила, к печке подошла;
Достала паклю, трут, огниво,
За пазуху пихнула живо,
Задами вышла в огород.
Все было тихо над землею,
То было позднею порою -
По хатам спал честной народ.

Стоял давно на огороде
Камыш, уложенный костром;
Он царской не к лицу породе,
Да где взять дров, коль степь кругом.
Камыш в костре был сух до звона.
Не долго думая, Дидона
Враз высекла огонь под ним,
Потом на огонек дохнула
И вмиг большой пожар раздула, -
Клубами взвился черный дым.

Перед огнем Дидона стала,
Разделась мигом догола,
В огонь одежду побросала
И молча на костер легла.
Над нею пламя полыхало.
Покойница в дыму пропала.
Она разлуки не снесла,
Любви по гроб не изменила:
И тело на огне спалила
И чорту душу отдала.

Часть вторая

Эней, плывя бескрайним морем,
О Карфагене все вздыхал
И, злым обуреваем горем,
Слезами свитку обливал.
Он от Дидоны плыл поспешно,
Рыдая горько, неутешно.
Когда ж про смерть ее узнал,
Сказал: "Небесное ей царство,
А мне в удел земное панство,
Да чтоб еще вдову сыскал".

Тут море синее вскипело,
Горами волны поднялись,
В ушах от ветра зашумело;
Челны кидало вверх и вниз.
Крутила воды вражья сила,
Чуть всех как есть не потопила:
Челны вертело так и сяк.
Троянцы все дрожмя дрожали
И чем избыть беду не знали,
Решив, что дело их - табак.

Один из всей лихой ватаги -
У них он звался Палинур -
В беде не потерял отваги
(Он был смельчак и балагур);
Он раньше прочих спохватился
И на Нептуна напустился:
"Брось, пан Нептун, ты сам казак.
Тебе б, смекаю, не пристало,
Чтоб нас тут насмерть замотало.
Иль зря содрал с нас четвертак?"

А после этакого слова
Троянцам Палинур сказал:
"Судьба хлебнуть нам горя снова,
Коль сам Нептун забушевал.
Куда теперь мы двинем, братцы?
В Италию нам не добраться.
Погибнем все мы ни за грош.
Италия к тому ж не близко,
А плыть по морю в бурю склизко,
Челнок - не конь, не подкуешь.

А тут земелька есть, ребята,
Отсель она недалеко,
Зовут Сицилией - богата,
Добраться до нее легко.
Махнем-ка мы туда, братаны,
И запируем, словно паны.
Живет там добрый царь Ацест.
Он даст нам все, что пожелаем.
Мы там, как дома, погуляем,
Всего в том царстве вдоволь есть".

Троянцы вмиг приободрились,
На весла дружно налегли.
Стрелою челноки пустились,
Как будто черти их несли.
А сицилийцы, как узнали,
Что гости к их земле пристали,
Сбежались на берег морской,
С гостями перецеловались,
Галдели скопом, обнимались,
И все к царю пошли гурьбой.

Ацест Энею, точно брату,
Почет великий оказал;
Всех попросил тотчас же в хату,
Подать горилку приказал;
Потом, как случаю пристало,
Приволокли колбас и сала
И хлеба в решете внесли.
Троянцы налакались тюри,
И, чтобы отдых дать натуре,
Их по квартирам развели.

А там пошли пиры, банкеты.
Троянцы, нежась, как коты,
Из плошек глиняных паштеты
Перегружали в животы.
Кисель поверх паштетов лили,
Печенку, зразы не забыли,
А также гречневый пампух.
Эней с дороги так нажрался
И пенной столько нахлестался,
Что чуть не испустил он дух.

Но хоть и был он пьян не в меру,
Все ж разума не потерял

И, сыновьям другим к примеру,
Про смерть отца не забывал.
Как раз в тот день Анхиз скончался:
Он так горилкой накачался,
Что тут же ноги протянул.
Эней решил поминки справить -
Всем угощение поставить,
Чтоб прямо в рай Анхиз махнул.

Собрав своих людей до света
И сам явившись среди них,
Чтобы спросить у них совета,
Сказал им речь в словах таких:
"Панове, лыцари, трояне
И все крещеные миряне!
Мне добрым был отцом Анхиз;
Его сивуха загубила,
Дни старика укоротила,
И он, как муха в стужу, скис.

Теперь желаю по старинке
Для нищей братьи, для селян
Я справить поутру поминки.
По нраву ли вам этот план?"
Троянцы лишь того и ждали
И, чуя выпивку, кричали:
"Энею, боже, помоги!
А коли хочешь ведать, пане,
И сами все на помощь встанем:
Ведь мы тебе, чай, не враги!"

И мигом всей гурьбой пустились
Горилку, мясо закупать.
Хлеб, бублики, кныши явились.
Пошли посуду добывать;
Кутью из ячменя сварили,
Сыты из меда насытили,
О тризне дали знать попам,
Хозяев по дворам скликали,
Калек и нищих собирали,
Полтину выдали дьякам.

Наутро все раненько встали,
Огонь у хаты развели,
Все мясо в казаны поклали,
Варили, жарили, пекли.
Пять казанов ухи сварили,
Да пять галушками набили,
Борща же было целых шесть;
Баранов тьма была вареных,
Гусей и уток запеченных,
Чтоб гости всласть могли поесть.

Сивуху ведрами таскали
И брагу волокли к столам,
Уху по мискам разливали
И ложки роздали гостям.
Когда пропели "Со святыми",
Эней с троянцами своими
Всплакнул. Потом пошла еда.
Наелись, браги нахлестались,
Аж спьяну под столом валялись...
Поминки вышли хоть куда.

Эней и сам, забыв печали,
Анхиза славно поминал;
И так за воротник он залил,
Что даже лыка не вязал.
Потом немного протрезвился,

Прочухался, приободрился
И, хоть в ногах был слаб, но, встав,
Прошелся фертом пред гостями,
Швырял в народ гроши горстями,
Чтоб помнили Энея нрав.

Но зла была хмельная брага;
Как жбан, разбухла голова;
От хмеля корчился бедняга,
Глазищи пучил, как сова;
Его раздуло, как бочонок,
Раскис Эней, как гриб моченый,
Ногами кренделя писал,
Ослаб, распух, рыгал, нудился,
В чем есть, под лавку завалился,
Да так до света и проспал.

А поутру, дрожа, проснулся,
Гадюку будто проглотив,
И так и этак повернулся;
Лежал, кряхтя, ни мертв, ни жив,
Пока хватить не догадался
Кваску, что с вечера остался,
Да кварту пенной с имбирем.
Потом вздохнул, зевнул, сморкнулся,
Чихнул, покашлял, отряхнулся
И гаркнул: "Ну, теперь попьем!"

Тут снова бравые ребята
Пошли дивить честной народ
И, точно пойло поросята,
Лакали пиво, брагу, мед;
Тянули пенную троянцы,
Не отставали сицильянцы,
Галдели спьяну меж собой.
Кто больше всех глушил сивухи,
Кто враз глотал по три осьмухи,
Энею был как брат родной.

Эней, подвыпив, распалился,
Велел на игры всех скликать
И тотчас же распорядился
Бойцов кулачных к пиру звать.
У окон школяры гудели,
Цыганки танцовали, пели,
На кобзах тренькали слепцы.
Повсюду пели и играли,
И громче всех других орали
Подвыпившие молодцы.

Паны все на крыльце сидели,
А на дворе стоял народ.
Иные сквозь окно глядели,
Иной торчал поверх ворот;
Но вот пришел в разгаре пира
Боец Дарес - горлан, задира,
Одетый, как казак. Он стал,
Наруша мирный чин поминок,
Всех вызывать на поединок
И, как ошпаренный, кричал:

"Гей, кто со мною выйдет биться
Отведать добрых тумаков?
Кто хочет кровушкой умыться?
Кому не жаль своих зубов?
А нуте, нуте, поспешайте,
Поближе к кулаку давайте;
Вмиг синяками награжу,
Наставлю фонарей под глазом!

Сюда, поганцы! Сыпьте разом!
Башку любому размозжу!"

Дарес долгонько дожидался:
Молчали все, никто не шел,
С ним всякий драться опасался,
Такой он страх на всех навел.
"Так вы, я вижу, трусоваты,
Боитесь - будут ребра мяты,
Как мухи вы передо мной".
Дарес над всеми измывался,
И чванился, и величался, -
Срам было слушать крик такой.

Абцест - троянец злой, дебелый, -
Дареса слыша, аж бледнел
И, вспомнив казака Энтелла,
Прочь, как борзая, полетел.
Энтелла он искать помчался,
Чтоб тот с силенками собрался
Да чтоб Дареса наказал.
Энтелл казак был смелый, дюжий,
Плечистый, хоть и неуклюжий,
Он в это время пьяный спал.

Энтелла-горемыку скоро
Нашли под тыном в лопухах
И кинулись к нему всей сворой,
Толкая под бока всердцах.
Все враз до хрипоты кричали,
Энтелла еле раскачали,
Он всех сердито оглядел:
"Какого беса вы орете,
Спать добрым людям не даете?" -
Сказал и снова захрапел.

"Будь ласков, встань, уважь ты свата!" -
Абцест к Энтеллу приставал.
"Подите вы к чертям, ребята!" -
Энтелл спросонок отвечал.
Но, услыхав плохие вести,
Энтелл наш подскочил на месте
И вдруг как примется вопить:
"Что за Дарес, постойте трошки,
Уж я в бою не дам оплошки,
Горилки б только мне хватить!"

Приволокли горшок сивухи,
Энтелл, припав к горшку, сглотнул
Его до дна единым духом,
Потом поморщился, зевнул
И молвил: "Ну пойдемте, братцы,
Мне б до Дареса лишь добраться -
Ему я ребра перечту,
Сомну в лепешку забияку,
В бараний рог согну собаку,
Как драться, покажу скоту".

Энтелл явился пред Даресом
И, подбоченясь, крикнул: "Гей!
Зазорно драться мне с балбесом,
А ну-ка, утекай живей;
Я раздавлю тебя, как жабу,
Сотру, сомну, побью, как бабу,
Тогда уж, верно, рот заткнешь.
Тебя сам дьявол не узнает,
С костями чорт тебя сглодает,
Теперь, брат, ты не улизнешь".

Энтелл ударил оземь шапкой,
Рукав по локоть закатал
И, высморкавшись перед схваткой,
Ярясь, на бой Дареса звал.
Он скрежетал всердцах зубами,
Он грозно топотал ногами
И на Дареса наступал.
Дарес в минуту взмок от поту
И, к бою потеряв охоту,
Как отбояриться - не знал.

В то время боги в рай собрались,
К Зевесу в гости, на обед,
Горилку пили, забавлялись,
Забыв, как много в мире бед.
Без счету сласти истребляли,
Пшеничный белый хлеб жевали;
Лепешки, яблоки, кныши
И пряники лежали горкой;
Все боги, налакавшись горькой,
Пораздувались, как ерши.

Меркурий, устали не зная,
Вдруг прибежал на пир к богам,
Как кот, что мчится, поспешая,
К творожным пышным пирогам.
"Эге! Ан знатно здесь хватили,
Что и про землю позабыли;
И стыд вас, черти, не берет;
Как видно, вам людей не жалко:
В Сицилии такая свалка,
Как будто бой с ордой идет".

То слыша, боги повскакали
И, точно жабы в час росы,
Глазеть на бой кулачный стали,
Из неба высунув носы.
Энтелл, кафтан на землю скинув,
Ярясь и грозно брови сдвинув,
Совал Даресу в нос кулак.
Взмок, словно мышь, Дарес от страха,
Узнав на деле, что за птаха
Есть черноморский злой казак.

Венеру за сердце хватило,
Как глянула, что там Дарес,
И тут же к Зевсу подступила,
Промолвив: "Батюшка Зевес!
Дай силы моему Даресу,
Чтоб не прикончили повесу,
Чтоб он Энтелла одолел.
Меня тотчас весь свет забудет,
Когда его в живых не будет;
Устрой, чтоб он остался цел".

Тут Бахус пьяный объявился,
Венеру дурой обозвал,
К ней с кулаками, лез, озлился,
В хмелю на весь Олимп кричал:
"Проваливай к чертям, плюгавка,
Брысь, пакостница, дрянь, сквернавка!
Пускай издохнет твой Дарес.
Я за Энтелла сам вступаюсь,
А как горилки накачаюсь,
Так мне не страшен и Зевес.

Ты знаешь, он какой парнище?
Сивуху дует, точно квас.
Таких на свете мало сыщешь,

Такие мне нужны как раз.
Даресу он начешет холку!
Нет, матушка, не лезь без толку,
Энтелл - первейший молодец.
Уж как себе там ни брыкайся,
Навек с Даресом распрощайся,
Теперь пришел ему конец".

Зевес, хоть и шатался спьяна
И чуть ворочал языком,
Услыша эту речь буяна,
Прикрикнул, стукнув кулаком:
"Молчать!.. Вы что тут расходились?
Смотри, совсем от рук отбились!
Вот я вас двину по шеям.
Никто чтоб в драку не совался
И помогать борцам не рвался.
Всяк за себя пусть бьется сам".

Венера в рот воды набрала,
Слезу пустила из очей,
Как собачонка хвост поджала
И смирно села у дверей.
Там с Марсом в уголке шепталась,
Тишком над Зевсом измывалась.
А Бахус к пенной поспешил:
Уселся рядом с Ганимедом
И вместе со своим соседом
Враз полведерка осушил.

В то время как такая свара
Шла меж богов на небесах,
В Сицилии лихая пара
Творила прямо чудеса.
Дарес, оправившись от страху,
К Энтеллу подобравшись, смаху
Врагу так крепко двинул в нос,
Что пан Энтелл о землю ткнулся
И раз пяток перевернулся,
Побитый мало не до слез.

Но, тут же встав, разгорячился,
Аж пену изо рта пустил,
И, враз оправясь, изловчился
Да так врага в висок хватил,
Что только искры полетели.
Глаза в момент осоловели,
Сердечный на землю упал,
Лишился памяти и слуха,
И носом землю рыл и нюхал,
И тяжко, жалобно стонал.

Тут всяк Энтеллом похвалялся,
Эней с панами хохотал
И над Даресом измывался,
Что нос пред всеми задирал.
Потом велел поднять Дареса,
Чтобы очухался повеса
На ветерке от тумаков;
Энтеллу ж гривну дал на водку,
Чтоб промочил с победы глотку
Во славу дюжих кулаков.

Эней, как молодец отменный,
Гульбу продолжить пожелал
И, крепко нализавшись пенной,
Привесть медведя приказал.
Тотчас литвин с трубой явился,
Среди двора расположился;

Медведь ударил сразу в пляс.
Как шут, сердечный кувыркался,
Вертелся, прыгал, к ульям крался,
Аж пыль вокруг столбом вилась.

Так пан Эней, беды не зная,
Пил, веселился и гулял,
Не думая и не гадая,
Чтоб кто с Олимпа шкодить стал.
Меж тем Юнона не дремала,
Прикидывала и смекала,
Чем пакостить ему с небес;
И в тот же час, едва не рысью,
В домашних туфлях шасть к Ирисе
Бабенке хитрой, словно бес.

Пришла, Ирисе подмигнула,
Шмыгнула с нею в уголок
И что-то на ухо шепнула,
Подслушать чтоб никто не мог;
Потом сердито приказала,
Чтоб никому не разболтала
И дело сделала бы вмиг.
Ирися низко поклонилась,
Троянкою перерядилась
И с неба, как борзая, прыг!

В Сицилию как раз спустилась,
Где флот стоял у пристаней,
И меж троянок примостилась,
Что стерегли челны мужей.
Кружком сердечные сидели
И кисло на море глядели;
Не звали молодиц гулять
Туда, где их мужья гуляли,
Медок, сивушку попивали
Без просыпу недель уж пять.

Дивчата сильно горевали,
Томило тяжко молодух;
Бедняжки слюнки лишь глотали,
От злости занимался дух.
Своих троянцев проклинали,
С которыми беду познали.
Кричали девки во весь рот:
"Чтоб так гулялось обормотам,
Как в девках нам сидеть охота,
Чтоб чорт побрал хмельной их род!"

Троянцы волокли с собою
Берою - старую каргу,
Прослывшую колдуньей злою
И скрючившуюся в дугу.
Ирися ею нарядилась,
Старухою оборотилась,
К дивчатам затесалась в круг;
И, чтоб к троянкам подольститься
Да пред Юноной отличиться,
Такое отмочила вдруг:

"Бог помощь, детки! Полно хныкать,
Красоткам хныкать не с руки.
Аль надоело горе мыкать,
Пока гуляют казаки?
И впрямь, как нас они морочат!
Семь лет все по морям волочат,
Смеясь над нашей добротой.
С чужими спьяну озоруют,
А жены пусть себе бедуют;

Ужель снесем позор такой?

Послушайте-ка, молодицы,
Я добрый вам подам совет,
И вы, дивчата белолицы,
Избавитесь от ваших бед;
За горе мы заплатим горем -
Доколе нам сидеть над морем?
Давайте челны подпалим:
Тогда придется здесь остаться,
С гульбою навсегда расстаться
Да к женам воротиться им".

"Спаси господь бабусю нашу! -
Троянки загудели враз: -
Заварим лиходеям кашу,
Теперь они попомнят нас".
Тут бабы приступили к флоту
И взялись дружно за работу.
Огонь вздували млад и стар,
Щепу таскали, пакли клочья,
И каждая была охоча
Раздуть губительный пожар.

Вмиг злое пламя загудело,
Поднялся дым да самых туч,
Аж небо все побагровело;
Пожар шумел - широк, могуч.
Челны, как факелы, пылали,
Сосновые струги трещали,
Горели деготь и смола.
Пока троянцы огляделись,
Как славно их троянки грелись,
Полфлота враз сожгли дотла.

Энея затрясло, беднягу,
Когда такой пожар узрел;
Погнал к челнам свою ватагу
И сам туда же полетел.
Тут с колокольни зазвонили,
По улицам в трещотки били,
Эней, что было сил, вопил:
"Кто в бога верует, спасайте!
Тушите, братцы, заливайте!
Какой там чорт челны спалил?"

Бедняга с панталыку сбился,
Стал с перепугу сам не свой:
Едва умом не повредился,
Скакал, вертелся, как шальной,
И, как вовек покорным не был,
То, обратившись гневно к небу,
Кричал, как опаленный пес,
Костил богов и свет постылый, -
И матушке досталось милой,
Ударило и Зевсу в нос.

"Гей, проклятущий старичище!
Не ставишь землю ты ни в грош,
Я на все корки тебя чищу,
А ты и ухом не ведешь!
Чтоб ты ослеп на оба глаза,
Чтоб бельма их покрыли разом,
Когда не дашь подмоги мне.
Иль бед моих тебе не видно?
И как только тебе не стыдно?
Я ж, как известно, внук тебе!

А ты, с седою бородою

Ясновельможный пан Нептун!
Сидишь, как демон, под водою,
Негодный, старый, злой кряхтун!
Когда б тряхнул хоть головою
Да залил бы пожар водою, -
Чтоб ты сломал трезубец свой!
Брать взятки ты великий мастер,
А людям помогать в напасти
Охотник, вижу, не большой.

Тож и Плутон, ваш братец вздорный,
Как с Прозерпиной в пекло сел,
Так и сидит, как аспид черный, -
Всё, видно, кости не прогрел.
Братается там с дьяволами
И над троянскими делами
Не загорюет ни на час;
Не позаботился нимало,
Добро чтоб наше не пылало,
Чтоб поскорей пожар погас.

И маменька моя родная
Таскается чорт знает где;
А может, спит уже, хмельная,
Под лавкой или на гряде.
Теперь не до меня голубке:
Задравши до колена юбки,
Отплясывает до утра,
А после спит с дружком сердечным
Иль сводней служит первым встречным,
В таких делах она быстра.

А впрочем, чорт вас всех побрал бы;
По мне, хоть бейтесь в стенку лбом,
Лишь я лихой беды не знал бы
Да не пылало б все кругом;
Деритесь там между собою,
Но будьте ласковы со мною
И дайте лихо мне избыть.
Явите божескую милость,
Чтоб что-нибудь там с неба лилось,
Я ж всех сумею отдарить".

Так небесам Эней молился;
И только-только рот закрыл,
Как вдруг из тучи дождь полился
И мигом весь пожар залил.
Хлестало с неба, как из бочки;
Всех вымочило до сорочки;
Троянцы, бросив челноки,
Пошли чесать во все лопатки,
Аж в воздухе сверкали пятки;
Струхнули сильно казаки.

Не ведая, куда податься,
Эней изрядно горевал;
Все думал - плыть иль оставаться?
(Огонь не все челны пожрал.)
И, не решив, как быть с походом,
Пошел держать совет с народом.
Уселись думать казаки;
Долгонько думали, гадали,
Но хоть усердно мозговали,
Все было как-то не с руки.

Средь них один казак отпетый
Сидел насупившись, молчал
И, слов не тратя на советы,
Тростинкой землю ковырял.

То был пройдоха неуемный
И ведьмам родич самый кровный:
Умел он кровь заговорить,
Дивчатам ворожил украдкой,
Мог зашептать он лихорадку,
Плотину ставить, мост мостить.

Бывал в Силезии с волами,
Не раз ходил за солью в Крым
И продавал тарань возами,
Все чумаки братались с ним.
Хоть с виду был он неказистый,
Но парень с головой, речистый;
Слова он сыпал, как горох.
Что сосчитать, приврать от скуки -
Мастак был, парень на все руки,
Во всяком деле был неплох.

Его Невтесом величали,
По-нашему, то бишь, - Охрим:
Мне люди так передавали,
Я сам не сталкивался с ним.
Увидя, что Эней гневился,
К нему он разом подмостился,
За ручку беленькую взял;
Из хаты в сени с ним метнулся,
В поклоне низком изогнулся,
Такую речь ему сказал:

"Что больно смутен, пан вельможный,
Сидишь надутым индюком?
Да разве ж так томиться можно?
Аль с бедами ты незнаком?
Чем дальше в лес - плутаешь больше,
Чем больше маешься - тем горше.
Брось тосковать, на все наплюй,
Ложись-ка спать, вздремни маленько,
Да, вставши поутру раненько,
На свежий ум и помозгуй!"

Послушался Эней Охрима,
Укрывшись, на пол спать он лег;
Измучился невыносимо,
Но задремать никак не мог.
Уж он вздыхал, уж он чесался,
За трубку раза три хватался
И только к утру задремал.
Тут вдруг Анхиз ему приснился;
Из пекла батька появился
И сыну милому сказал:

"Проснись, дитя мое родное!
Очухайся и отзовись.
Не трусь, то говорит с тобою
Твой батька кровный, твой Анхиз.
Меня бессмертные послали,
Тебе строжайше наказали,
Чтоб ты нимало не робел;
Пошлют тебе благую долю,
Чтоб ты богов исполнил волю
И к Риму поскорей поспел.

Челны, что целыми остались,
Все вместе собери, исправь;
Следи, чтоб люди не спивались,
И Сицилийский край оставь.
Плыви смелей, так боги судят!
Тебе во всем удача будет.
И вот еще что я скажу:

В ад загляни хоть на часочек,
Есть дело важное, сыночек;
Придешь - все лично покажу.

Так суждено небес законом,
Что мимо пекла не пройдешь;
Придя, отдай поклон Плутону,
А то и в Рим не доплывешь.
Да слушай, что тебе там скажут:
Плутон дорогу в Рим покажет,
Увидишь разом и меня.
Не трусь, коль в ад пути не знаешь,
Дуй прямиком, не заплутаешь,
Пешком, - не нужно и коня.

Прощай же, сизый голубочек!
Уж заниматься начал свет;
Прощай, дитя, прощай, сыночек!.."
И в землю провалился дед.
Эней, дрожа как лист, проснулся
И чуть со страху не рехнулся,
С него холодный лился пот;
Потом, троянцев поскликавши
И собираться приказавши,
Решил чуть свет отплыть в поход.

К Ацесту впопыхах метнулся -
За хлеб за соль благодарить,
Побыв недолго там, вернулся
Своих с укладкой торопить.
Весь день троянцы собирались
И, только солнышка дождались,
В челны расселись по местам.
Плыл пан Эней не слишком смело,
Бедняге море надоело,
Как дождь осенний чумакам.

Венера только увидала
Троянских витязей в челнах,
К Нептуну тотчас же помчала,
Чтоб не сгубил он их в волнах.
Поехала в своем рыдване,
Как сотника какого пани;
В запряжке кони - что огонь.
Три казачонка с ней на случай,
На облучке качался кучер,
Шла сотня конников вдогон.

На кучере белела свита
Из шерстобитного сукна,
Тесемкою кругом обшита,
Пятишник стоила она.
Папаха набекрень сидела
И верхом издали алела,
В руках он длинный кнут держал;
Кнут щелкал на лихом разгоне,
Без отдыха скакали кони,
Рыдван, как ветер в поле, мчал.

Но вот дорога отгремела.
К Нептуну прискакав едва,
Венера в хату залетела,
Взъерошенная, как сова.
И враз, не поведя и бровью,
Не справясь даже о здоровье,
К Нептуну кинувшись, его,
Как бешеная, целовала,
И миловала, и ласкала,
Как не ласкала никого.

И, говоря: "Коль ты мне дядька,
А я племянница твоя,
Как ты к тому же крестный батька,
Тебя прошу от сердца я -
Дай помощь моему Энею,
Чтобы с ватагою своею
Сухим он вылез из воды.
И так его уж напугали,
Насилу бабы отшептали,
Хлебнул довольно он беды".

Нептун, зажмурясь, улыбнулся,
Присесть Венеру попросил,
Причмокнул звонко, облизнулся,
Сивухи чарочку налил;
Попотчевал, как должно богу,
И, обещав свою подмогу,
Тотчас же попрощался с ней.
Попутный ветер враз поднялся,
Троянский флот с землей расстался,
И вдаль стрелой помчал Эней.

Был кормчий у троян первейший,
Эней с ним плавал много раз,
Лихой моряк, слуга вернейший,
По-нашему звался Тарас.
Всю ночь с друзьями он прощался
И так горилки нахлестался,
Что еле в челноке сидел.
Чтоб не нырнул казак в пучину,
Эней пересадить детину
И уложить поспать велел.

Но, видно, бедному Тарасу
Так было суждено судьбой,
Чтоб только до сего он часу
Влачил по свету жребий свой.
Упав с кормы, он ухнул в воду,
Нырнул, и, не спросившись броду,
Пошла душа искать утех.
Эней решил, что жертвой этой
Он звонкой уплатил монетой
За долю лучшую для всех.

Часть третья

Эней, беды хлебнув немало,
Очухаться насилу смог,
Всплакнул - и словно легче стало,
Хватил горилочки глоток.
Но все-таки его мутило,
Сердечко екало, свербило,
Бедняжка морщился, вздыхал;
Он моря так теперь боялся,
Что на богов не полагался,
Да и отцу не доверял.

А ветры сзади все трубили
Как раз в корму его челнам;
Челны троянские скользили
По черным пенистым волнам.
Гребцы и весла положили,
Да сидя трубочки курили,
И тешились, мурлыча в нос,

Казацкой песнею лихою,
Кто знал, - и русской удалою,
А кто и небылицы нес.

О Сагайдачном напевали,
Про Сечь, про тамошних вояк,
Как в полк казацкий набирали,
Как пировал всю ночь казак;
Как под Полтавой шведов били;
Сынов как с честью проводили
Казачки со двора в поход;
Как под Бендерами стояли;
Как без галушек помирали,
Когда случился недород.

Не так-то скоро все творится,
Как в сказке сказывают нам;
Эней, хоть мчался словно птица,
Проплавал долго по волнам.
Не день, не два троянцы шлялись;
Где были - сами не дознались;
Не знал троянец ни один,
Куда лежат пути-дороги,
К каким чертям несут их боги,
Куда их мчит Анхизов сын.

Вот так, проплававши немало,
По многим проплутав морям,
Ватага землю увидала
И чаяла обжиться там.
Вот к берегу челны пристали,
Троянцы вон повылезали,
Расположились отдыхать.
Земелька Кумской называлась,
Ей вдосталь от гостей досталось,
Себя троянцы дали знать.

Запраздничали вновь троянцы,
Забыли вовсе горевать;
Бывает - счастливы поганцы,
А добрый должен пропадать.
Они нимало не чинились,
Тотчас во все концы пустились
Искать себе кто что хотел;
Кто мед, горилку или водку,
Кто девку или там молодку, -
Всяк норов свой и вкус имел.

Гуляки наши записные
С кумчанами сжились тотчас.
Троянцы - парни разбитные -
Вкруг пальца обведут как раз.
Со всеми быстро подружились,
Посватались и покумились,
Как будто сроду жили здесь;
Кто чем болел, тот тем лечился,
Всяк в должном роде отличился,
Навытворяли тьму чудес.

Где посиделки, вечерницы,
Где дело к свадьбе подошло,
Где девки или молодицы,
Где разом двойню принесло -
Во все троянцы нос совали,
Везде лихой гульбы искали
Да льнули к бабам молодым.
Мужей горилкой накачали,
А сами с женами гуляли

И подносили чарки им.

Которые до карт охочи,
И те не отставали тут,
Играли часто до полночи;
То в свои козыри, то в жгут,
В панфила, в дурачка и в пары,
Кто не хотел коптеть задаром -
На деньги в семь листков играл.
Все чем хотели забавлялись,
Сивуху пили, женихались.
Никто минуты не терял.

Один Эней не веселился,
Хоть были все кругом резвы;
Ему все, вишь ты, батька снился,
И ад не шел из головы.
Своих оставив за столами,
Отправился искать полями -
Кто б рассказал да показал,
Как в пекло поскорей добраться,
Чтобы в пути не заплутаться, -
Сам он туда тропы не знал.

Шел, шел, пока не взмок от пота,
Что по лицу бежал ручьем.
Вдруг видит - зачернело что-то
В сторонке за густым леском.
То хатка, за кустами прячась,
На курьих ножках раскорячась,
Вертелась перед ним волчком;
Эней к той хатке подобрался,
Хозяев окликать принялся,
В кустах укрывшись под окном.

Эней долгонько дожидался,
На двор чтоб вышел кто-нибудь;
Уж он кричал, уж он стучался,
Хотел хатенку с ног спихнуть.
Вдруг вышла бабища из хаты:
Она была крива, горбата,
Заплесневела, вся в рубцах,
Ряба, беззуба, кривоноса,
Растрепана, простоволоса
И как в монистах - в волдырях.

Эней, увидя цацу эту,
Весь с перепугу задрожал,
Решив, что зря кружил по свету,
Что все теперь он потерял.
Меж тем чертовка подступила
К Энею и заговорила,
Разинув, как ворота, пасть:
"Эге, вот и молодчик кстати,
Анхизов сын - видать по стати.
Что? К нам, брат, не легко попасть?

Тебя давно я поджидаю,
Уж думала, тебе конец;
Смотрю и на бобах гадаю,
Ан, глядь, - приплелся молодец.
Мне все уж передали с неба,
Какая у тебя потреба, -
Твой батька обо всем дал знать".
Эней рассказу подивился
И, выслушав его, решился
Спросить, как злую ведьму звать?

"Узнай, я кумская Сивилла.

Я Феба, слышь ты, попадья;
Давно в сей храм я угодила,
Давно живу на свете я!
При шведах в девках я сидела,
А татарва как налетела,
Уже я замужем была;
Как саранча впервой напала,
Как все от бед лихих пропало, -
Все помню, хоть была мала.

Про всяку всячину я знаю,
Хоть никуда и не хожу;
В нужде я людям помогаю
И им по звездам ворожу;
Прогнать ли от кого трясуху,
Заговорить ли золотуху
Иль глаз дурной с молодки снять -
На все я наговоры знаю,
Болезнь любую изгоняю,
Гадюк умею заклинать.

Теперь пойдем-ка тихомолком
В часовню, Фебу поклонись
И, обещав зарезать телку,
Ему покрепче помолись.
Не пожалей лишь золотого -
Умаслить Феба дорогого,
Да мне рублишко в руку сунь;
Уж мы тебе что надо скажем,
А может, в пекло путь покажем,
Иди, приободрись, не нюнь".

Пришли с каргой в часовню Феба.
Эней поклоны начал бить,
Чтоб Феб им с голубого неба
Не поленился пособить.
Сивилла вдруг заголосила,
Под лоб глазищи закатила,
Аж дыбом волос встал седой;
С губ пена хлопьями летела,
Чертовка корчилась, сопела
Так, словно жил в ней демон злой.

Тряслась, кряхтела, извивалась,
Как бубен посинела вся,
На землю кинулась, каталась,
Как в грязной луже порося.
И чем Эней молился дольше,
Тем было той Сивилле горше;
А как молиться перестал -
С Сивиллы только пот катился;
Эней, разиня рот, дивился
И с перепугу весь дрожал.

Сивилла на ноги тут встала,
Отерла пену на губах,
Приказ от Феба проворчала,
Наморщив лоб, в таких словах:
"Олимпа повеленья строги;
Вам в Риме, так сулили боги,
Не быть до смерти никому;
Но знать тебя все в Риме будут,
Восхвалят, век не позабудут,
Но ты не радуйся тому.

Еще хлебнешь довольно горя,
Немало стран насквозь пройдешь
И, с горькою судьбою споря,
Не раз свой жребий проклянешь:

Юнона злобой вся набухла,
И хорошо б, коль злость потухла
Хотя б при правнуках твоих;
Зато потом, зажив по-пански,
И ты и весь твой люд троянский
Забудут о невзгодах злых".

Эней за голову схватился,
Услышав, что яга плела;
Он весь насупился, озлился,
Ему как нож та речь была.
"Чорт знает, что ты там пророчишь.
Сдается, ты меня морочишь, -
Сказал Эней карге всердцах: -
Брехать, известно, всякий может,
Уж лучше б, вижу, не тревожить
Мне пана Феба в небесах.

А впрочем, ладно, будь что будет,
А будет то, что бог пошлет;
Ведь мы не ангелы, а люди,
И всяк когда-нибудь помрет.
Так двинем же вперед, не труся,
Будь ласкова, моя бабуся,
Меня до батьки доведи.
Прошелся б я взглянуть от скуки,
Какие в пекле терпят муки;
А ну, на звезды погляди.

Я в этот адский мир подземный
Приду не первым на поклон;
Орфей - на что уж был никчемный,
Ему ж не сделал зла Плутон.
А Геркулес, когда ввалился,
Так в пекле сдуру расходился,
Что всех чертей поразогнал.
А ну, махнем и мы для смеху,
Дарю две юбки за потеху...
Ну что? Иль я не так сказал?"

"С огнем, я вижу, ты играешь, -
Ему яга тотчас в ответ: -
Как видно, пекла ты не знаешь
Или тебе не мил наш свет.
Шутить не любят в пекле много,
Закажешь всем туда дорогу, -
Вот только сунь туда свой нос;
Тебя там объегорят мигом
И поднесут такую фигу,
Что окочуришься, как пес.

Когда ж имеешь ты охоту
У батьки в пекле побывать,
Изволь платить мне за работу;
Тогда примусь я измышлять,
Как нам до пекла дотащиться
И там на мертвых подивиться;
У нас лишь дурень не берет,
А если парень с головою,
Так тот уже, само собою,
Родного батьку обдерет.

Так вот теперь, дружок, послушай,
Что я тебе еще скажу.
Не бойся, слова не нарушу
И тропку в пекло покажу...
В лесу густом, непроходимом,
Безлюдном и необозримом
Есть дерево одно. На нем

Увидишь яблоки большие,
Да не простые - золотые.
Они, как жар, горят огнем.

И вот ты должен постараться
С той яблоньки сучок достать,
Иначе в пекло не пробраться
И сатаны не повидать.
Без ветки ты в живых не будешь
И душу понапрасну сгубишь -
Плутон закабалит твой род.
Иди ж - и даром не шатайся,
На все четыре озирайся,
Приметь, где деревцо блеснет.

Как сломишь ветку, прочь подайся
И с ней подальше утекай;
В пути ничем не соблазняйся
Да крепче уши затыкай.
Тебя на пагубу из леса
Манить с дороги будут бесы,
Ты прямиком свой путь держи.
Пусть воют голоса лесные,
Ревут, мяучат, как шальные,
Вот тут себя ты покажи".

Яга из виду тут пропала.
Эней стоял один, как пень.
Виденьем яблонька мелькала,
Качаясь перед ним, как тень.
Эней ее искать пустился,
Устал, как чорт, окровянился,
Забрел в какой-то темный лес;
Он искололся о терновник,
Весь ободрался о шиповник,
Случалось - на карачках лез.

Тот лес был мрачен несказанно,
Под сумрачной его листвой
Рев раздавался непрестанно,
И уханье, и страшный вой.
Эней, молитву прочитавши
И крепко шапку подвязавши,
В чащобу дикую забрел;
Уже он исходил немало,
Уже давно смеркаться стало,
А яблоньки все не нашел.

Со страху пот прошиб беднягу,
Зуб на зуб еле попадал;
Он думал, уж не дать ли тягу,
Да в чаще накрепко застрял.
Все в этой тьме его пугало,
А тут вдруг что-то засияло,
Он припустил что было сил,
Под яблонькою очутился,
Сперва и сам тому дивился,
Потом заветный сук схватил.

И, не подумавши нимало,
Напрягся, не жалея сил,
Аж дерево затрепетало,
И сразу ветку отломил.
Потом скорей из лесу драла,
Так, что земля под ним дрожала.
Сквозь лес его гнал лютый страх.
Как ветер, меж деревьев мчался,
Весь о колючки ободрался,
Был с головы до пят в репьях.

Примчал к троянцам, задыхаясь,
И, под собой не чуя ног,
Соленым потом обливаясь,
Едва дыша, на землю лег.
Велел, чтобы волов пригнали,
Козлов и ярок отобрали -
Плутону в жертву принести
И всем богам, что пеклом правят
И грешных потрошат и давят,
Чтоб гнев небесный отвести.

Как только с небосвода слезла
Вся в тучах пасмурная ночь,
А вслед за ней луна исчезла
И звезды разбежались прочь,
Тотчас троянцы завозились,
Забегали, засуетились,
Эней быков колоть велел;
Попы и дьяконы сбежались,
Обедню отслужить собрались,
Уж жертвенный огонь горел.

Поп, за рога вола поймавши,
Хлоп обухом, что было сил,
И, голову меж ног зажавши,
Нож в бычье брюхо засадил.
А после требуху с кишками
На землю разложил рядами
И долго по кишкам гадал.
Потом, толкуя божью волю,
Счастливую троянцам долю
Поп, как по звездам, предсказал.

Покуда со скотом возились,
Пока читали в нос дьяки,
Пока козлы и овцы бились,
Ревели под ножом быки,
Откуда ни возьмись - Сивилла;
Вся затряслась, заголосила,
Дьякам кричала и попам:
"К чертям собачьим все ступайте
Да нам с Энеем не мешайте.
Вот я вас, дурней, по шеям!

А ты, - промолвила Энею, -
Проворный, смелый молодец,
Простись с ватагою своею,
И в пекло поспешим. Отец
Давно тебя там поджидает
И, верно, без тебя скучает.
А ну, пора нам, парень, в путь.
Возьми с собой котомку с хлебом;
Какой бы путь там трудный не был,
Все перебьемся как-нибудь.

Нельзя в дороге без припасу,
Не скоро будем мы назад;
Дождешься, брат, лихого часу
И крошке хлеба будешь рад.
Я в пекло тропку протоптала,
Не раз, не два я там бывала,
Я знаю тамошний народ;
Все тропочки и все дорожки,
Все закоулочки, все стежки
Известны мне не первый год".

Эней в дорогу тут собрался,
Поспешно чоботы обул,

Обдернул свитку, подвязался,
Кушак потуже подтянул.
Дубинку в руки взял большую,
Оборонять старуху злую,
Когда придется, от собак.
А после за руки взялися,
К Плутону в пекло поплелися -
Умасливать его чертяк.

Теперь же, так я полагаю,
Негоже дальше мне писать;
Я пекла отродясь не знаю,
Так чтоб чего не набрехать.
Прошу, читатель, подождите,
Уймитесь, малость потерпите,
Пойду спрошу у стариков.
Дознаюсь я у древних дедов,
О пекле стороной разведав,
Что знали от своих отцов.

Вергилий пусть в раю панует,
Он был неглупый человек,
Коль что не так, пусть не лютует
Ведь сам он жил в давнишний век.
Не так теперь и в пекле стало,
Как в старину при нем бывало
И как покойник описал;
Я, может, что-нибудь прибавлю,
Переменю иль так оставлю,
Все - как от стариков слыхал.

Эней с Сивиллой поспешали
До пекла поскорей домчать,
Оглядываясь, все гадали,
Как в пекло двери отыскать.
А после, на гору крутую
Взойдя, нашли нору большую,
Тотчас же прыгнули туда.
Эней, молясь тихонько богу,
Рукой нащупывал дорогу,
Не провалиться чтоб куда.

Тропа все дальше уводила
Вонючим, грязным ходом в ад,
Вовек здесь солнце не всходило,
Курился дым, сочился чад.
Тут издавна жила Дремота
С сестрой по имени Зевота.
Они всех прежде набрели
На путников. Сквозь сон лениво
Приветствовали их учтиво
И тотчас дальше повели.

А после Смерть по артикулу
Им отдала косою честь,
Красуясь перед караулом,
Какой всегда у смерти есть:
Чума, война, разбой и холод,
Короста, лихорадка, голод;
За ними выстроились в ряд:
Холера, рожа, золотуха,
Парша, проказа и желтуха -
Все лиха, что людей морят.

Но, кроме хвори, есть немало
На свете бед и зол иных -
За Смертью следом ковыляла
Толпа свекровок, мачех злых,
Шли вотчимы и тести-скряги,

Зятья и свояки-плутяги,
Невестки, скорые на брань,
Свояченицы и золовки,
Ругательницы и плутовки
И всякая иная дрянь.

Стояли злыдни там рядами
С бумажной жвачкою в зубах,
Торчали перья за ушами,
У всех чернильницы в руках.
То сотских и десятских туча,
Вредней и злее змей гремучих;
Пан-писарь, чорт его дери,
Орава стряпчих прелукавых,
Исправников, судей неправых,
Ходатаи, секретари.

За ними чередой понурой
Шагал святых унылый взвод.
Сии смиренные натуры
Все клали ручки на живот,
Умильно всем богам молились,
В неделю по три дня постились,
Не поносили вслух людей -
Зато тишком весь свет ругали,
Днем не случалось, чтоб гуляли,
Но ночь была не без гостей.

Напротив постников нескромных
Квартал был целый потаскух,
Развратниц, пьяниц неуемных
И легких нравом молодух
Со стриженными головами,
В сорочках, с голыми ногами,
Гулящих девок строй густой.
Немало панночек жеманных,
Лукавых и непостоянных,
Стояли шумною толпой.

А рядышком в тоске грустили
Молодки - жены стариков,
Что всякий час готовы были
Чужих потешить молодцов.
Здесь также пареньки стояли,
Что недотепам помогали
Для них семейку расплодить;
Ребята, что отцов не знали,
Родительниц безмужних кляли,
За то, что не дали пожить.

Эней сперва дивился, ахал
Такому множеству чудес,
Потом затрясся весь от страха,
Не рад уж был, что в ад залез.
Когда ж глаза его узрели
Ужасных чудищ, что кишели
Кругом, куда ни поглядишь, -
Дрожа, к Сивилле притулился,
За юбками ее укрылся,
Как от кота в кладовке мышь.

Но тут Сивилла в путь помчала
И, хоть артачился Эней,
Так, юбки подобрав, бежала,
Что еле поспевал за ней.
Вдаль поспешая за ягою,
Эней увидел пред собою
У быстрой речки перевоз.
Та речка Стиксом называлась,

Сюда ватага душ собралась;
Все ждали, кто б их перевез.

Тут перевозчик вдруг явился:
Лицом цыган - глазаст и смугл,
На солнце весь он опалился,
И губы, как арап, раздул;
Глазищи страшные запали
И бельмами позаплывали,
А голова вся в колтунах;
Слюна у губ вожжой моталась,
Как войлок борода свалялась, -
Такой был дядя - просто страх.

Истлев, сорочка с плеч валилась,
Ей было уж, поди, лет сто,
Не раз, не два она чинилась,
Вся в дырках, словно решето;
На палец грязи к ней пристало,
Аж капало с подола сало;
Обут был в лапти грозный муж.
Онучи по земле тащились,
Штаны от ветхости лоснились,
Промокнув до мотни к тому ж.

Им гашник лыко заменяло,
На лыке, крепком, как ремень,
Кисет болтался, в нем кресало,
Табак, и трубка, и кремень.
Хароном перевозчик звался,
Своею властью величался;
Он в самом деле был божок.
С весельцем ловко управлялся,
Стрелой по водам Стикса мчался,
Челнок был легок, как пушок.

Как в день базарный слобожане
Или на праздничном торгу,
Теснились души разных званий
У перевоза на лугу.
Друг друга под бока толкали
И, как сороки, стрекотали;
Тот бил локтями, сколько мог,
Иной вопил, а те ругались,
Кричали, спорили, пинались,
Всяк норовил попасть в челнок.

Как гуща пенится квасная,
Как бродят, скиснув, бураки,
Как рой гудит, с земли взлетая,
Так души бились у реки.
Харона, плача, заклинали,
С мольбою руки простирали,
Чтоб взял с собою на каюк;
Но старый хрыч был равнодушен,
Напрасно распинались души;
Он, надуваясь, как индюк,

Весельцем знай себе играет,
Кого попало в морду бьет,
От челнока, как псов, гоняет,
А после кой-кого берет,
В свой челн сажает потихоньку,
Отчаливает полегоньку,
Счастливчиков по Стиксу мчит;
Но если кто из той оравы
Ему придется не по нраву,
Тот век у речки просидит.

Эней меж душ давно толкался
И вот, шагая бережком,
Вдруг с Палинуром повстречался,
Что плавал штурманом при нем.
Бедняга Палинур заплакал,
О злой судьбе своей калякал,
О переправе все вздыхал;
Тут их Сивилла разлучила,
Энея дальше потащила,
Чтоб даром время не терял.

Толкая всех в бока и спины,
Пришли на самый перевоз,
Где перевозчик-старичина
Бесился, словно лютый пес;
Кричал урод, как оглашенный,
И поносил народ крещеный,
Как водится в шинках у нас;
Честил всех кряду без помехи,
Досталось душам на орехи -
Пускай потерпят в добрый час.

Гостей на берегу увидя,
Харон от злости побелел
И, приношений не предвидя,
Как бык на бойне, заревел:
"Вы, дурни, как сюда попали?
Без вас здесь мало всякой швали?
Какого чорта вы пришли?
Я враз отсюда вас отважу
И на дорожку так спроважу,
Чтоб вы и дома не нашли.

Прочь, к чорту, чтоб вас задавило,
Не то как раз по шее дам;
Как двину в зубы, в ухо, в рыло -
Вас дьявол не узнает сам;
Вас только здесь недоставало,
А то, поди, мне дела мало;
И кто сюда вас только звал!
Я с мертвыми справляюсь еле,
А тут еще на шею сели
Живые, чорт бы вас побрал!"

Сивилла, видя, что не в шутку
Расхорохорился Харон,
Сообразила все в минутку,
Отвесила ему поклон:
"Ну-ну, - сказала, - что случилось?
Смени-ка, братец, гнев на милость,
Не сами мы пришли сюда;
Да разве ж ты меня не знаешь,
Что так поносишь и ругаешь?
Какая же от нас беда?

Взгляни-ка, что это такое?
Утихомирься, не ворчи;
Не деревцо ли золотое?
Узнал? Ну вот, теперь молчи".
Потом подробно рассказала,
Кого к Плутону провожала,
Зачем, за делом за каким...
Харон рассказу подивился,
На весла разом навалился,
И с челноком причалил к ним.

Эней с своей Сивиллой вещей,
Не мешкая, вошли в челнок,
И грязный Стикс волной зловещей

Заклокотал у самых ног.
Вода сквозь щели в лодку била,
Сивилла юбки подмочила.
Эней уж думал, что пропал;
Но пан Харон наш потрудился,
Перед гостями отличился
И мигом к пеклу челн пригнал.

Он положил весло, за греблю
Содрал алтын с них на чаек
И, высадив тотчас на землю,
Тропинку в ад найти помог.
Эней побрел с Сивиллой вместе,
Прошел тихонько сажен двести, -
Ан глядь, - в бурьяне пес лежит.
Три головы у пса на шее;
Он словно поджидал Энея -
Как вскочит вдруг, как зарычит!

Загавкал враз тремя пастями
И кинулся было кусать.
Эней, дружа не очень с псами,
Назад собрался утекать,
Но баба хлеба кус швырнула
И этим глотки псу заткнула,
Барбос за кормом побежал;
Эней с Сивиллой изловчился,
И так и этак покрутился
И, наконец, от пса удрал.

Так наш Эней пробрался в пекло;
То подлинно иной был свет, -
Все было сумрачно и блекло,
Ни звезд, ни солнца вовсе нет.
Клубились там одни туманы,
Да сонмы грешных непрестанно
Кричали, жалобя до слез.
Эней с Сивиллою глядели,
Какие муки здесь терпели,
Какую всякий кару нес.

Он видел, как смола вскипала
В огромных круглых казанах,
Как нефть и сера клокотала,
Огонь пылал, ну прямо страх;
Как грешники в смоле кипели
И на огне пеклись, горели, -
Всяк получал, что заслужил;
Пером не описать такого,
Пересказать не сыщешь слова,
Как грешников Плутон казнил.

С панов за то три шкуры драли
И жарили со всех боков,
Что людям льготы не давали,
Считая всех их за скотов.
Теперь они дрова возили,
В болотах камыши косили,
Носили на растопку в ад;
За ними черти ковыляли.
Прутом железным погоняли
Тех, что работали не в лад.

Еще нещадней черти драли
Железной спицей по спине
Таких, что сами смерть искали,
Отраду видя в вечном сне.
Горячим дегтем поливали,
Бока ножами протыкали,

Чтоб не спешили помирать,
А после, усиляя муки,
Дробили дурням в ступе руки,
Чтоб не пытались убивать.

Расплавив серебро, вливали
Скупцам и богатеям в рот;
Вралей нещадно заставляли
Лизать в печи горячий под.
А тех, что сроду не женились
Да все чужим добром живились,
Повесив их рядком на крюк,
Той частью тела зацепили,
Которою они грешили,
Не опасаясь адских мук.

Начальников нещадно драли,
Панов, подпанков, челядь их;
Всем по заслугам воздавали:
И старых жгли и молодых.
Тут были всякие цехмистры,
Советники и бургомистры,
Чинуши, судьи, писаря,
Те, что по правде не судили,
А только денежки лупили
И обирали бедных зря.

Философы, что ахинею
Премудрую всю жизнь несли,
Попы, монахи, архиреи,
Что паству кое-как пасли;
Чтоб не гонялись за деньгами,
Чтоб не возились с попадьями,
Чтоб знали каждый свой удел;
Ксендзы - чтоб баб не задевали,
Звезд умники чтоб не хватали, -
В огне за грех свой всяк горел.

А те, что баб не удержали
В руках и дали волю им,
Что всякий день гулять пускали
По свадьбам, по местам иным,
Где до полуночи плясали
Да там мужьям и изменяли, -
Таких держали в колпаках
С большущими на лбу рогами,
С закрытыми к тому ж глазами,
В кипящих серой казанах.

Отцам, что деток не учили,
А гладили по головам
Да только знали, что хвалили,
Здесь воздавали по делам:
В кипящей нефти их купали
За то, что из-за них пропали
Сыны, да их же, дураков
Родителей, за чубы драли
И смерти скорой им желали,
Чтоб растрясти добро отцов.

Еще там сластолюбцы шлялись -
По части девок мастера,
Что в окна ночью забирались,
Не вылезая до утра,
Что сватать девок обещали,
Подманивали, улещали
И добирались до конца.
А после девки с перечесу
До самого толстели носу

И срам терпели до венца.

Купчишки были из смышленых,
Что в селах и по городам
Обмеривали люд крещеный,
Сбывали завалящий хлам.
И перекупки и пройдохи,
Что тороваты на подвохи,
Менялы, шинкари, дельцы,
И те, что дрянью промышляют,
И те, что сбитень разливают,
Все обдувалы, все купцы.

Головорезы и бродяги,
Ярыжки, моты и лгуны,
Пьянчуги, сводники, плутяги,
Обманщики и шептуны.
Все колдуны и чародеи,
Все, без изъятия, злодеи;
Кузнец, сапожник и портной;
Цеха - мясницкий и скорняцкий,
Суконный, коновальский, ткацкий -
Всех, что грешили, жгли смолой.

Неверные и христиане,
Паны, простые мужики,
Дворяне, шляхтичи, мещане,
И юноши и старики;
Тут и богатый и убогий,
Прямой, как жердь, и кривоногий,
И остроглазый, и слепец,
Штафирки, воины лихие,
И панские, и приписные;
Мирянин суетный, чернец.

Эх-ма, нет в мире правды, детки,
С брехней же натворишь грехов;
Сидели, точно птички в клетке,
Кропатели плохих стихов
И страшные терпели муки.
Им накрепко связали руки,
Чтоб не строчили виршей впредь.
Вот так и нам попасться можно,
Коли писать неосторожно.
Да трудно ж, чорт дери, терпеть.

Какого-то пройдоху били
И резали на шашлыки;
Расплавив медь, за шкуру лили,
Едва не рвали на куски.
Был бестией он продувною,
За медный грош кривил душою,
В печать чужое отдавал;
С восьмою заповедью вместе,
Забыв о совести и чести,
Добром соседей промышлял.

Эней, пустившись прочь оттуда
И недалече отойдя,
Вдруг новое увидел чудо,
На бабьи муки набредя.
Здесь грешниц жарили нещадно,
Как в бане было душно, чадно,
И вой и стон стоял кругом.
Бедняжки плакали, пищали,
Покоя ни на час не знали,
Как будто маясь животом.

Там девки, бабы, молодицы

Кляли себя и весь свой род,
Кляли гулянки, вечерницы,
Кляли и этот свет и тот.
Здесь их за то огнем палили,
Что больно уж они хитрили,
Своих морочили мужей.
Известно: жинка коль захочет,
У мужа все, как есть, схлопочет.
Уж он всегда потрафит ей.

Там пекся рой смиренных бестий,
Что знали весь святой устав;
Поклонов били штук по двести,
Смиренно на колени став;
Как в церкви на виду стояли,
Глаза всё долу потупляли,
А позже, от людей тайком,
Молитвенники прочь кидали,
Носились, бегали, скакали,
Грешили темным вечерком.

Там были панночки-вострушки,
Что наряжались напоказ;
И потаскухи и вертушки,
Что продают себя на час.
Они в котлах смолы кипели
За то, что больно жирно ели,
За то, что не страшил их пост,
Что всё облизывали губки,
Что, скаля беленькие зубки,
Повсюду волочили хвост.

Пеклись тут чудо-молодицы,
Аж было жаль на них смотреть,
Полны, кудрявы, белолицы -
Осуждены в смоле кипеть
За то, что замуж выходили
За стариков и их морили,
Чтоб после славно погулять,
С парнями вдосталь повозиться,
Потешиться и порезвиться
И не голодным умирать.

Еще там мучились красотки
С гребнями в кудрях завитых;
По виду честные молодки,
Всегда учтивы при других,
Но от людей тайком блудили
И хоть чорт знает что творили,
Слух шел не далее дверей.
В аду им сильно досаждали,
Смолою щеки залепляли,
Чтоб не дурачили людей.

Они умели прежде ловко
Румянить щеки, нос белить,
Чтоб ложной красотой, уловкой
Кого-нибудь приворожить;
Вставляли в рот из репы зубы,
Намазывали салом губы,
Чтоб соблазнять на грех людей;
Бока куделью подбивали,
За пазуху платочки клали,
Коль не было своих грудей.

В соседстве, жарясь, верещали
Рядами на сковородах
Старухи, что всегда ворчали,
Судили обо всех делах;

Всё только старину хвалили,
А молодых ругали, били,
Забыв, как путь земной прошли,
Как сами с парнями крутили,
Как в девках и ребят родили,
Как молодость свою прожгли.

И тут же ведьм колесовали,
Ломая кости рук и ног;
А черти жилы их мотали
Не на катушку, а в клубок.
Чтоб на шестках не колдовали,
В трубу чтоб ночью не летали,
Не ездили б на упырях;
Чтобы дождем не торговали,
Людей ночами не пугали,
Не ворожили на бобах.

А сводням так здесь досаждали,
Что аж неловко и сказать,
За то, что девок научали
Греховным делом промышлять,
Жен от мужей законных крали
И волокитам помогали
Рогами лбы приукрашать;
Чужое чтоб не продавали,
Чтоб то на откуп не давали,
Что нужно про запас держать.

Эней перевидал немало
Таких, что, сидя в казане,
Варились, источая сало,
Шипя на медленном огне!
Мирянки были тут, черницы,
Тут были девки, молодицы,
Паненки, панны - на подбор.
И в свитках были и в платочках,
В капотах, в вышитых сорочках, -
У всякой жинки свой убор.

Все те, что жарились исправно,
Скончались много лет назад,
А те, что померли недавно,
Еще и не попали в ад.
Они пока толклись в загоне,
Как жеребята или кони,
Не знали, попадут куда.
Эней, несчастных покидая,
О муках грешников вздыхая,
Пошел в другие ворота.

Здесь он с Сивиллою на пару
Тихонько проскользнул меж душ
И замешался в их отару,
Как меж гадюк пятнистый уж.
Тут души разные гуляли
И все лишь об одном гадали -
Куда их за грехи запрут:
Допустят ли в раю резвиться,
Иль в пекло сунут подпалиться
И там уж перцу зададут.

В безделье души размышляли
Про всякие свои дела,
Расспрашивали, узнавали,
Душа какая где жила.
Богатый тут на смерть гневился,
Что в спешке не распорядился
Кому и сколько денег дать;

Скупец все тосковал, томился,
Что рано с жизнью распростился,
Что не успел и погулять.

Сутяга толковал указы,
И что тут значит наш статут;
Рассказывал свои проказы,
Все, что творил на свете плут.
Мудрец твердил свое ученье
И толковал монад явленье,
И то, откуда взялся свет.
А вертопрах кричал, смеялся,
Рассказывал, как женихался,
Как баб морочил много лет.

Судья здесь признавался смело,
Как за мундир, за орденок
Так вывернул однажды дело,
Что угодить в Сибирь бы мог.
Но тут нежданно смерть с косою
Пришла расправиться с судьею,
Чтобы палач не упредил.
Пан лекарь все ходил с ланцетом,
С касторкою и спермацетом
И хвастал, как людей морил.

Хлыщи, задрав носы, гуляли,
А с ними франты панычи,
На пальцах ноготки кусали
И, надуваясь как сычи,
Глаза все кверху подымали,
По свету нашему вздыхали,
Что мало привелось пожить,
Что славы так и не стяжали,
Не всех на свете обобрали,
Не всем успели насолить.

Плуты, картежники, пьянчуги,
Весь продувной лихой их род,
Лакеи, конюхи и слуги,
Стряпуха, повар, скороход,
Все взявшись за руки, ходили,
О разных плутнях говорили,
Какие кто проделать мог:
Как панн и панов надували,
Как ночью по шинкам гуляли,
Платки таскали под шумок.

А вертихвостки тем томились,
Что некому здесь подмигнуть;
За ними уж не волочились,
Смерть заколóдила им путь.
Ворожеи тут не гадали
И простаков не обирали.
Те, что бивали слуг дубьем,
Зубами в злобе скрежетали,
Что слуги их не ублажали,
Не угождали им ни в чем.

Вдруг увидал Эней Дидону,
Всю черную, как головня,
И, по казацкому закону
Перед вдовою шапку сняв:
"Здорово, - закричал, - смотри-ка,
И ты здесь бродишь, горемыка,
Да как же ты пришла сюда?
Какого чорта ты сгорела?
Аль жить на свете надоело?
Как видно, нет в тебе стыда.

Такая славная молодка,
И глянь - пропала ни за грош...
Полна, бела, ну впрямь лебедка;
Бывало, глаз не отведешь.
Теперь пришел конец утехам;
Никто не взглянет и для смеха,
Придется, видно, пропадать.
Не я, поверь, тому виною,
Что так разъехался с тобою!
Мне приказали удирать.

Но я такой, - коль ты желаешь,
Попрежнему начнем мы жить;
Покутим всласть. Меня ты знаешь -
Со мной забудешь, как тужить;
Иди, тебя я помилу́ю,
Прижму к груди да поцелую".
Ему Дидона наотрез:
"К чертям отсюда убирайся,
Пойди с другими женихайся!
Вот двину в зубы, чтоб не лез!"

Так вымолвивши, с глаз пропала.
Как вкопанный стоял Эней,
И если бы не закричала
Яга, чтоб шел скорей за ней,
Он долго бы кряхтел и мялся,
А может, и того б дождался,
Что кто и ребра посчитал -
Чтоб с вдовами не женихался,
Над мертвыми не измывался,
Любовью баб не донимал.

Эней с Сивиллой пробирался
Все дальше в ад, все больше в глушь,
Как вдруг дорогой повстречался
С ватагою знакомых душ.
Тут все с Энеем обнимались,
Здоровались и целовались.
Князька увидя своего,
Всяк покалякать с ним стремился;
Эней оказии дивился,
Узнав средь мертвых кой-кого:

Терешку, Федьку, Ксенофонта,
Харька, Онисима, Панька,
Федоса, Лешку и Созонта,
Парфена, Оську и Леська,
Стецко, Охрима, Опанаса,
Свирида, Лазаря, Тараса,
Денис тут был, Остап, Евсей,
Все те, что головы сложили,
Пока в челнах с Энеем плыли,
И сам Вернигора Мосей.

Моментом все смешались в кучу,
Загомонили всей толпой,
И, как тому был добрый случай,
Поднялся крик, галдеж и вой.
Дела былые вспоминали
Не без того, чтоб привирали;
С Энеем спорить принялись,
А там вступили в перебранку
И, хоть собрались спозаранку,
Чуть не под вечер разошлись.

И то Сивилла разогнала,
Увидя, что ее Эней

О свете не грустит нимало
И думать позабыл о ней.
Озлилась баба, закричала,
Заголосила, завизжала.
Эней от страха задрожал.
Троянцы мигом спохватились,
Во все концы бежать пустились,
Эней же за ягой помчал.

Прошли, вот только не соврать бы,
Так с полверсты; глядят - забор,
За ним строения усадьбы
И весь Плутонов царский двор.
На двор Сивилла показала
И так Энею зашептала:
"Вот тут живет сам пан Плутон
С своею Прозерпиной злою.
К ним с нашей веткой золотою
Теперь пойдем мы на поклон".

Тут путники пришли к воротам;
Но только сунулись вперед,
Как баба с мордой криворотой
Окликнула: "Эй, кто идет?"
Дворец та баба сторожила
И громко в колотушку била,
Как в панских водится дворах;
Обвита вся как есть цепями,
Гадюки вилися клубками
На голове и на плечах.

Не ведая лицеприятья
И прямо без обиняков,
Она всех грешных без изъятья
Драла ремнями, как быков;
Кусала, грызла, бичевала,
Крошила, жарила, щипала,
Порола, мяла и пекла,
Пилила, резала, топтала,
Рвала на части, шпиговала,
Их кровь горячую пила.

Эней, бедняжка, испугался,
Мгновенно побелел, как мел,
И у Сивиллы дознавался,
Кто грешников пытать велел.
Сивилла тотчас рассказала
Все, что сама об этом знала.
Есть в пекле, мол, судья Эак;
Хоть он на смерть не осуждает,
Но мучить всех повелевает,
И в пытках он большой мастак.

Тут вдруг ворота отворились,
Никто не смел их задержать;
Эней с ягой заторопились,
Чтоб Прозерпине честь воздать
И поднести, как полагалось,
Ту ветвь, что ей предназначалась;
Но тут явились сторожа,
Энея к ней не пропустили,
Прогнали, чуть не отлупили:
Больна, мол, нынче госпожа.

От Прозерпины для проминки
Поперли во дворец царя.
Глядят - ни сору, ни пылинки,
Все было чисто, как заря.
Обиты гвоздиками стены,

Окно из океанской пены,
На украшеньях медь, свинец,
Сусальным золотом светлицы
Сияли ярче, чем зарницы, -
Уж впрямь то панский был дворец.

Эней с Сивиллой не дышали,
Боясь, не пропустить чего б,
Рты, как ворота, открывали,
Глазищи пяля, морща лоб;
Тихонько меж собой шептались,
Всему дивились, усмехались;
Эней то чмокал, то свистел.
Здесь мирно души проживали,
Что на земле грехов не знали;
Эней с Сивиллой к ним подсел.

Они сидели, сложа руки,
Им праздником был день любой;
Курили трубочки от скуки,
Горилкой балуясь порой -
Да не какой-нибудь табачной,
А перегонной, крепкой, смачной;
Настойку сдабривал бодян,
Случалось, медом заправляли,
Калгану, перцу прибавляли,
Анису клали и шафран.

Простого вовсе здесь не ели,
Сластили всякую еду,
И в праздники и на неделе
Коржи пекли им на меду.
Чеснок шел в пищу, земляника,
Терн, козелок, паслен, черника,
Квасок-сырец с крутым яйцом;
Яичница в особом роде -
Не наша, а немецкой вроде,
И запивали все пивцом.

Известно, в пекле все постыло
Тому, кто на земле грешил;
Зато уж и раздолье было
Тому, кто праведником жил.
К чему открыл в себе охоту,
Тем забавляйся хоть до поту,
Придумывай любую блажь:
Ешь, пей, пой песни, кувыркайся,
Лежи иль танцем развлекайся,
Рубиться хочешь - есть палаш.

Никто ничем не величался,
Не насмехался, не мудрил,
Не чванился, не надувался,
Кто как хотел, тот так и жил.
Здесь друг на друга не гневились,
Ни с кем не дрались, не бранились,
И было так заведено:
Что всяк открыто женихался,
Ревнивых сплетен не боялся;
Все жили дружно, заодно.

Вам здесь не холодно, не душно,
Как в доброй свитке из сукна,
Не слишком весело, не скучно,
Как девке в праздник у окна.
Кому б чего ни пожелалось,
Все враз, как с неба, появлялось;
Вот так-то славно жил здесь люд.
Эней таким делам дивился

И у яги спросить решился:
"Что за народ собрался тут?"

"Не думай, что народ чиновный, -
Ему тотчас яга в ответ, -
Ни богачей с мошною полной,
Ни толстобрюхих здесь, брат, нет;
Ни тех, что век в цветных жупанах
Да в красных сапожках сафьянных;
Ни книжных умниц записных,
Ни рыцарей, ни злыдней всяких,
Ни тех, что воют: "паки-паки",
Ни тех, что в митрах золотых.

Юродивые здесь калеки,
Что слыли дурнями у всех;
Слепцы, убогие навеки,
Не знавшие земных утех;
Те, над которыми глумились,
Те, что в сырых углах ютились,
Что получали по шеям;
Им "бог подаст" весь век твердили
Или безжалостно травили
Цепными псами по дворам.

Здесь вдовы, что, лишась опоры,
Не пали среди бед и зол;
Здесь девы чистые, которым
Не надувало под подол;
Здесь те, что без родных остались,
Слезой сиротской умывались,
Что жили, подобрав живот;
Те, что процентов не лупили,
Что людям помогать любили
И не оставили сирот.

Есть кое-кто и из начальства -
Есть разной стати господа,
Да, впрочем, мало; их сызмальства
Учили не спешить сюда.
Есть тут старшины войсковые,
Есть запасные, строевые;
Тут все, кто с кривдой не дружил;
Тут люди разного завета
Со всех концов земного света,
Все, кто по сущей правде жил".

"Скажи, голубка, мне на милость, -
Эней свою ягу пытал, -
Что с батькою моим случилось?
Его в глаза я не видал
Ни с грешными, ни у Плутона;
Аль нету на него закона,
Куда его определить?"
Яга в ответ: "Он крови божьей;
Его стеснять никто не может,
Где хочет, там и будет жить".

Так, наболтав немало вздору
И продолжая дальний путь,
Взобрались путники на гору
И тут, присев передохнуть,
Глядели на идущих снизу,
Чтоб им не прозевать Анхиза.
Анхиз же был как раз внизу,
Прохаживался по долине
И, думая о милом сыне,
Вздыхал, пустил было слезу.

А после, глянув ненароком
На гору, там сынка узрел,
Помчался вверх не прямо - боком,
От радости аж покраснел.
Спешил он к сыну на свиданье,
Чтоб расспросить про все скитанья
И повидаться хоть часок;
Энеечку обнять родного,
Прижать дитя к груди отцовой,
Его услышать голосок.

"Сынок, что поздно так явился? -
Анхиз Энею закричал. -
Ты хоть чужих бы постыдился,
Уж я-то как тебя тут ждал!
Пойдем, пойдем-ка, друг, в светелку,
Да там и порасскажешь толком,
Что натворил ты без отца".
Эней стоял, как столб, не зная,
Что отвечать, слюну пуская,
Обнять не смея мертвеца.

Анхиз, увидя, что со страху
Эней обнять его не смел,
Хотел помочь, но сам дал маху
И вдруг чего-то оробел.
Потом судьбы необычайной
Стал раскрывать пред сыном тайны:
Кого произведет на свет,
Какие дети будут бравы,
Которые добудут славы,
Каким он будет внукам дед.

Случились в пекле вечерницы
Как раз в тот самый день и час.
Собрались девки, молодицы,
Как в селах водится у нас;
До поту казачка плясали,
Болтали, в ворона играли,
Побаски без конца несли,
Колядки и веснянки пели,
Орешки грызли, сало ели,
Гадая, клочья пакли жгли.

Под песни косы заплетали
Подруженькам на головах,
Потом на лавке масло жали,
Аж юбки лопались на швах;
О милом на шестке гадали
И в жмурки по углам играли,
Ходили в полночь в старый дом;
На свечке олово топили,
Щетину кабана палили,
Подслушивали под окном.

Сюда привел Анхиз Энея
И между девок посадил;
Как неуча и дуралея
Принять в компанию просил.
Еще просил, чтоб удружили
И в добрый час поворожили,
Что станется с его сынком,
К чему и как Эней способен,
Сколь путь его богам угоден,
Чтобы дознались обо всем.

Была одна, как говорится,
Девчонка - прямо ухорез,
Видать, диковинная птица,

Быстра, гибка, хитра, как бес.
Она здесь тем и промышляла,
Что ворожила да гадала
И докой в ворожбе была.
Сбрехнуть ей было тож не диво
Иль кличку бабе дать спесивой, -
Для смеха, впрочем, не со зла.

Гадать им вызвалась вострУха,
К Анхизу тотчас подошла,
Нашептывая прямо в ухо,
Такую речь с ним повела:
"Судьбу я нынче попытаю,
Поворожу и погадаю,
Что будет с сыном, расскажу;
Я знаю ворожбу такую,
Что хошь по правде растолкую,
Все, как на нитку, нанижу".

Так говоря, горшок достала
И положила трав пучок -
Что в Константинов день сорвала:
Тут был засохший василек,
Петров батог, чебрец, подснежник,
Любисток, ландыш белоснежный,
И папоротник, и шалфей;
Все травы залила водою,
Прозрачной, чистой, ключевою,
Шептала что-то там над ней.

Горшочек черепком накрыла,
Поставила на огонек,
К нему Энея посадила,
Чтоб раздувать огонь помог.
Когда в горшочке закипело,
Заклокотало, зашипело
И травы опустились вниз,
Эней, к горшку приблизив ухо,
Какой-то голосок расчухал,
Его услышал и Анхиз.

Эней раздул огонь сильнее -
Горшок сильней заклокотал;
Тут голос разом стал яснее,
И так Энею он сказал:
"Пускай Эней печаль оставит.
Потомством он себя прославит
И миру даст великий род,
Всем светом управлять он будет,
Весь мир к покорности принудит
И честь и славу обретет.

Он римские поставит стены
И будет жить там, как в раю;
Свершит большие перемены
Во всем прославленном краю;
Всех бед он жизненных минует,
Покуда сам не поцелует
Униженно чужих лаптей...
Но час пробил. С отцом прощайся
И прочь отсюда убирайся,
Чтоб в пекле не сложить костей".

Анхиза сильно огорчила
Разлука с дорогим сынком,
Ему и в ум не приходило
Энея видеть лишь мельком.
Увы! С судьбой нельзя бороться;
Он знал - благословить придется

Энея на земной поход,
С тяжелым сердцем попрощались,
Слезой горючей обливались,
Анхиз кричал, как в марте кот.

И вот Эней с кривой ягою
Из пекла вылез наконец,
Вертя до тех пор головою,
Пока не скрылся в тьме отец.
Потом тишком прокрался к месту,
Где за леском, ему известным,
Себя велел троянцам ждать.
В тот час троянцы сладко спали,
Эней зевнул, забыл печали
И тоже завалился спать.

Часть четвертая

Харча как три не поденькуешь,
Мутердце так и засердчит;
И враз тоскою закишкуешь,
И в бучете забрюхорчит.
Зато коль на пол зазубаешь
И плотно в напих сживотаешь,
Враз на веселе занутрит,
И весь свой забуд поголодешь,
Навеки избудо лиходешь,
И хмур тебя не очертит.

Что чепухиться с возитою,
Не басню кормом соловьят:
А ну, давай, мошни тряхною,
И звенежки в ней заденят;
Коль мне давачок спятакаешь,
То может узнасти новаешь -
Что впередится случати,
Как плакать при кавой погоде,
Как Юнонить во всем угоде
И как не путерять поти.

Меня за глупость не ругайте,
Не я придумал эту речь;
Сивиллу лихом поминайте.
Она, Энея чтоб допечь,
Ему, как прочим легковерам,
Пророчила таким манером.
Мол, пусть раскусит, дуралей.
Хотела обдурить героя,
Чтобы содрать деньжонок вдвое,
Хоть беден был и так Эней.

Со всяким может выйти случай,
И, коль до дела довелось,
Так с ведьмой не торгуйся лучше,
Чтоб плакать после не пришлось.
Сказав спасибо старой суке,
Эней ей в собственные руки
Грошей двенадцать отсчитал.
Сивилла, радуясь прибытку
И спрятав кошелек под свитку,
Исчезла, словно чорт сглодал.

Избавившись от злой чумички,
Эней к челнам погнал своих,

Боясь, чтоб к чорту на кулички
Юнона не загнала их.
В челны троянцы поскакали,
Их прочь от берега погнали;
Пустились по ветру стрелой;
Гребли, как черти, вплоть до ночи,
Аж пропотели до сорочек,
И весла пели над водой.

Но ветры вдруг забушевали
И, хорохорясь, не шутя,
Ревели, выли и свистали,
Как щепки челноки крутя.
То набок их волной кидало,
То носом кверху их вздымало;
Чорт устоит тут на ногах.
Троянцы все дрожмя дрожали,
Чем пособить беде не знали,
Всех обуял великий страх.

Но утихать стал ветер вскоре,
И волны малость улеглись;
Рогатый месяц встал над морем,
По небу звезды разбрелись.
Троянцам веселее стало,
У всех на сердце полегчало,
А думали, уж смерть пришла.
Всегда на свете так бывает -
И куст ворону испугает,
Коль раньше пугана была.

Троянцы, вмиг воспрянув духом,
Горилочку давай лакать
И, как налимы, кверху брюхом
Беспечно улеглись поспать;
Но тут вдруг кормчий их удалый,
Пролаза, морячок бывалый,
Истошным басом заорал:
"Прощайся, братцы, с головами,
И с душами, и с телесами,
Остатний наш народ пропал!

Заклятый остров перед нами,
Его никак не миновать;
И мимо не пройти с челнами,
И высадишься - пропадать.
Царица здешняя Цирцея
Страшней любого чародея
И зла, как чорт, на всех людей.
Кто только не остережется
И в лапы к ведьме попадется,
Тех тотчас обернет в зверей.

Забудешь, как ходить на паре,
На четырех пойдешь гулять.
Пропащие теперь мы твари,
Нам всем ярма не избежать!
По нашей по хохлацкой стати
Козлом или козой не стать нам,
А уж наверняка волом:
Придется день-деньской бедняжке
Дрова иль плуг таскать в упряжке
И познакомиться с кнутом.

Вельможный пан уже не будет
Ни цвенькать, ни носить жупан
И "не позволям" позабудет,
Заблеет пан, как наш баран.
Москаль едва ли не козою

Весь век проходит с бородою;
Пруссак своим хвостом вильнет,
Как, знаешь, лис хвостом виляет,
Когда борзая нагоняет
Иль гончая вслед наддает.

Австрийцы ходят журавлями,
Служа Цирцее за гусар,
А то и просто сторожами,
А итальянец, как школяр,
Мастак на всяческие штуки,
И спляшет и споет от скуки,
Умеет и чижей ловить;
Наряжен он, как обезьяна,
Ошейник носит из сафьяна
И осужден людей смешить.

Французы - злые самодуры
На драку и раздор легки.
Теперь они в собачьей шкуре
Грызут чужие мослаки.
Они и на хозяев лают,
За горло всякого хватают,
Грызутся и промеж собой;
Дерут всех за чубы без толку
И хоть кому начешут холку;
У них кто хитрый, тот старшой.

Ползут швейцарцы червяками,
Голландцы в тине - квак да квак,
Бегут чухонцы муравьями,
Еврей плетется словно хряк,
Шагает индюком испанец,
Кротом крадется португалец,
Швед волком рыщет по лесам,
Датчанин жеребцом гарцует,
Медведем турок там танцует;
Смотрите, то же будет нам".

Пред неминучею бедою
Троянцы все и пан Эней
Собрались тесною гурьбою
Подумать о беде своей.
Потолковав, уговорились,
Чтоб все крестились и молились,
Чтоб только остров миновать.
Потом молебен откатали,
Эола скопом умоляли
Другой сторонкой челны гнать.

Эол доволен был молебном
И ветры тотчас повернул;
А уж Эней как рад был, бедный,
Что от Цирцеи увильнул!
Повеселела вся ватага,
Горилка булькнула во флягах,
Всяк пил - никто не проливал;
Потом за весла дружно взялись,
Гребли - аж весла прогибались;
Эней, как на почтовых, мчал.

В довольстве полном прохлаждался,
Роменский табачок курил.
На все четыре озирался
И вдруг, подпрыгнув, завопил:
"Ура! Хвалите, братцы, бога!
Шабаш. Окончена дорога.
Пред нами Тибр. Теперь держись!
Речушка эта нам богами

Обещана и с берегами;
А ну, на весла навались!"

Гребцы разок-другой гребнули,
И глядь - у берега челнок.
Троянцы на землю махнули,
Пошлялись берегом часок;
Потом работа закипела,
Копали, строили, аж пела
Земля от звона топоров.
Эней кричал: "Моя здесь воля,
Куда ни кинешь глазом в поле, -
Везде настрою городов".

Земля, куда Эней причалил,
Звалась Латинской. Царь Латин
Был жмот, каких в тот век не знали,
Дрожал, как Каин, за алтын.
В царя и подданные были:
В штанах заплатанных ходили,
Не тратили ни гроша зря;
На деньги в карты не играли,
Вовеки даром не давали
Друг дружке даже сухаря.

Латин считал родней своею
Богов олимпских. Посему
Не гнул ни перед кем он шеи,
Все было трын-трава ему.
Когда-то мать его, Мерика,
Влюбилась в Фавна, да, гляди-ка,
Латина с ним и прижила.
Жил царь Латин, не зная лиха,
Имел он дочку щеголиху.
Вот, впрямь, уж девка всем взяла!

Кругом - и спереди и сзади -
Как яблочко свежа была,
Ходила - точно на параде,
Походка павья, грудь бела.
Росла, дородна, не спесива,
Вертлява, молода, красива,
Гибка, востра, как лезвие;
Кто ни окинет ненароком
Девчонку молодецким оком -
Тот разом втюрится в нее.

Пускали слюни лоботрясы
На этот лакомый кусок;
Что перед ней кныши, колбасы
Или там грушевый квасок.
С ней мигом головы решишься
И брюхом смертно затомишься:
Забудешь разом о гульбе;
На лоб повылезают очи,
Спокойно не поспишь ни ночи;
Я это знаю по себе.

Давно соседи женихались,
Ночами не спалось иным,
Дивчину высватать пытались,
Притом смекали: как бы им
И ласки от нее добиться,
Да и приданым поживиться,
А там и трон к рукам прибрать.
Но мать Лавинии Амата
Была на сговор туговата:
Не всякий зять ей был под стать.

Лишь Турн-царек один средь прочих
С Латином он в соседстве жил -
Был люб и матери и дочке,
Да и отец с ним век дружил.
Он был и впрямь детина бравый -
Высокий, толстый, кучерявый;
В делах - не промах, парень жох;
И войска он имел немало,
В карманах золото бренчало,
Куда ни кинь - жених не плох.

Пан Турн давненько собирался
Латина дочку подцепить;
Пред нею на носки вздымался,
Старался плечи распрямить.
Лавиния, Латин, Амата
Что день от Турна ждали свата.
Уже нашили рушников,
Понакупили всякой снеди,
Чтобы приняться, как соседи,
За сватовство без лишних слов.

Но ах! Чего не взял руками,
О том не говори - "мое";
Нельзя узнать, что будет с нами,
Утратить можешь и свое.
Как говорят, не зная броду,
Не суйся лучше первым в воду,
Чтоб вдруг не насмешить людей,
Не будь оплошным рыболовом,
Что хвастает своим уловом,
Не осмотрев еще сетей.

Уж пахло свадьбой у Латина,
И ждали только четверга,
Но тут Анхизова вдруг сына
Судьба пригнала к берегам.
Эней, не тратя даром время
И сбросив с плеч заботы бремя,
Решил на славу погулять;
Поставил мед, горилку, брагу,
Чтоб напоить свою ватагу,
Всех на лужок велел сзывать.

Троянцы, позабыв невзгоды,
Сбежались тотчас же на зов,
Подобно галкам в непогоду,
Крича на сотни голосов.
Затем сивушки отхлебнули,
Медку по ковшичку глотнули,
А там, понавалясь на снедь,
За обе щеки уплетали,
Что ни попало в рот совали,
Аж страшно было поглядеть.

Жевали кислую капусту,
Огурчики, потом грибки
(Как раз тот день был мясопустным),
Хрен с квасом, редьку, бураки,
Окрошку, киселя немало -
Всё съели, как и не бывало.
Схарчили даже сухари,
Горилочку со дна слизали,
Что было - все как есть прибрали,
Как за вечерей косари.

Эней горилочки оставил
Ведра четыре про запас,
Но, разойдясь, и их поставил:

Мол, знайте, как живут у нас.
Хотел последним поделиться,
Чтоб уж как следует напиться,
И первый из ведра глотнул.
За ним другие потянулись
И так горилочки надулись,
Что кой-кто ноги протянул.

Бочонки, ведра, тыквы, фляги,
Баклаги, бочки, сулеи -
Все осушили вмиг бродяги;
Побив посуду, спать легли.
А поутру, лишившись ража
И не опохмелившись даже,
Пошли земельку оглядеть,
Где им указано селиться,
Жить, строиться, любить, жениться,
И на латинцев посмотреть.

Не знаю, где они бродили,
Но, возвратясь назад к челнам,
Такой брехни наворотили,
Что слушать было просто срам,
Мол, их латиняне морочат,
Так языком чудно стрекочат,
Что ни черта не разберешь;
Слова свои на "ус" кончают,
Что скажешь им - не понимают,
С таким народом пропадешь.

Эней, смекнув, как надо взяться
За это дело поскорей,
Велел купить псалтырь и святцы,
Да часослов, да букварей,
И начинать тотчас ученье;
Троянцы в лад, до обалденья
Тму, мну, здо, тло твердить взялись.
Все войско за букварь засело,
Бубнило, мучилось, потело;
Все от латыни извелись.

Но пан Эней не отступился
И тех, кто ничего не знал,
Да спал за книгой, да ленился,
Как школяров, тройчаткой драл.
Зато не минуло недели,
Как все латынью загалдели
И говорили всё на "ус":
Энеусом Энея звали
И доминусом величали;
Себя же звали троянус.

Эней, троянцев похваливши,
Что так проворны на язык,
Сивушки всякому наливши,
И сам залил за воротник.
Потом, собрав людей с десяток
Из самых бойких, языкатых,
Что прочих слыли поумней,
Послами отрядил к Латину,
Чтоб все исполнить чин по чину,
Как водится среди царей.

Послы, добравшись до столицы,
Царю просили передать,
Что вот к нему-де и к царице
Изволил их Эней прислать;
Что хлебом-солью и другими
Подарками предорогими

Латинян он почтить спешит;
И что, добившись царской ласки,
Эней - владыка, князь троянский -
И сам к ним в терем забежит.

Латину тотчас доложили,
Что от троян послы пришли,
Мол, хлебом-солью удружили,
Да и подарки принесли.
Хотят Латину поклониться,
Знакомство завести, сдружиться;
Латин, вскочив, как закричит:
"Впустить! Я хлеба не чураюсь
И с добрыми людьми братаюсь;
Глянь, на ловца и зверь бежит!"

И тут же, замахав руками,
Велел светлицы подмести,
Украсить двор и дом ветвями,
Цветной обивки принести,
Чтоб царскую украсить хату.
Покликал кстати и Амату,
Чтобы она дала совет,
Как лучше по дому прибраться,
Как с утварью поразобраться,
Как подобрать ковры под цвет.

Послали к богомазам спешно
Картинок разных накупить,
И плоти не забыли грешной,
Чтоб было что поесть, попить.
Достали рейнских с кардамоном
И пива черного с лимоном,
Сивушки чуть не три ведра;
Откуда ни взялись телята,
Бараны, овцы, поросята;
Весь дом был на ногах с утра.

Гонец, средь общей суматохи,
Привез картинки всех тонов,
Времен еще царя Гороха
Первейших в царстве мастеров:
Как Александр царишку Пора
Бил в хвост и в гриву без разбора,
Мамая как чернец побил,
Как Муромец Илья гуляет,
Как половцев он изгоняет -
Все мастер в них изобразил,

Бова с Полканом как сходился,
Как Соловей-разбойник жил,
Как лютовал и как женился,
Как в Польшу Железняк ходил.
Француза был портрет Картуша,
Против него стоял Гаркуша
И Ванька-Каин впереди.
Картинок тьму понакупили,
Все стены ими облепили:
Ходи вдоль стенок и гляди.

Прибрав таким манером хату,
Светлицы обойдя кругом,
Латин надел убор богатый,
Чтоб не ударить в грязь лицом.
Плащом широким обернулся,
На пуговицы застегнулся,
На темя сдвинул капелюх;
Надел галоши, рукавицы
И важно вышел из светлицы,

Надувшись, как в огне лопух.

Так в царственном своем наряде
Латин шагал в кругу вельмож,
Одетых, словно на параде,
Начищенных, как медный грош.
Царя на стульчик усадили,
Вельможи чинно отступили
И стали молча у дверей.
Царица на скамье сидела
И шелком шушуна скрипела,
В чепце из темных соболей.

А дочка царская, воструха,
В заморской кофте расшитой,
Вертелась, как в сиропе муха,
Любуясь в зеркальце собой.
От самых ног царя Латина
Была разостлана ряднина
До самых до ворот. Окрест
Войска стояли удалые -
Воловьи, конные, иные;
Собрался чуть не весь уезд.

Послов, как водится по чину,
Вели степенной чередой;
Они несли дары Латину:
Пирог аршина в два длиной,
И соли крымской, и для панов
Охапки три рубах, кафтанов,
Что, расщедрясь, Эней прислал.
Послы три раза поклонились,
Лицом к Латину обратились,
И старший так ему сказал:

"Энеус, ностер магнус панус
И славный троянорум князь,
По морю шлялся, как цыганус,
Ад те, о рекс! Прислал нунк нас.
Рогамус, домине Латине,
Наш капут общий да не сгинет,
Пермитте жить в стране твоей
Хоть за пекунии, хоть гратис,
Мы благодарны будем сатис
Бенефиценции твоей.

О рекс! Будь нашим Меценатом
И ласкам туам окажи,
Энеусу будь как бы братом,
О оптиме! Не откажи;
Энеус принцепс есть проворный,
Формозус, сильный и упорный,
Увидишь сам инномине!
Вели акципере подарки,
Что шлет Эней с любовью жаркой,
Чтоб всем жить в мире, в тишине.

Прими от нас ковер чудесный,
При Хмеле выткан он царе,
Всяк может вольный мир небесный
Весь облететь на том ковре;
Он у кровати пригодится,
А может, стол накрыть случится
Иль таратайку покрывать.
Местечко для него найдется,
Особенно когда придется
Царевну замуж выдавать.

А вот вам скатерть-самобранка:

Ее с чужбины привезли,
Пошита из силезской камки;
На стол ее лишь постели
И пожелай чего из снеди, -
Сейчас все мало в рот не въедет.
Горилка явится и мед,
Рушник, нож, ложка и тарелка.
Подарок этот - не безделка.
Его Эней царице шлет.

А вот сапожки-скороходы,
В них хаживал еще Адам,
В давнишние пошиты годы,
Не знаю, как достались нам;
Кажись, их от пендосов взяли,
Что нас под Троей расчесали, -
Про то Энею лучше знать.
Сапожки - редкая вещица,
Тебе, Латин, она сгодится.
Изволь подарочек принять".

Царица, царь, царевна-дочка
Переглянулись меж собой,
Всяк лакомого ждал кусочка
И за него готов был в бой.
Деля подарки, забияки
Насилу обошлись без драки;
Потом Латин сказал послам:
"Скажите вашему Энею,
Латин со всей семьей своею -
И, боже мой, как рады вам.

И все латинцы тоже рады,
Что бог закинул вас сюда;
Вы сердцу моему отрада,
Я не пущу вас никуда;
Прошу Энею поклониться,
Моих щедрот не сторониться,
С ним кус последний разделю.
Есть дочка у меня - Лавина -
Первейшая в краю дивчина,
Так, может, и в родню вступлю!"

Потом Латин к большой трапезе
Позвал Энеевых бояр:
Горилку пили, сколько влезет,
Хлебали дружно вкусный взвар,
Борщ с бураками, и галушки,
И потроха в горячей юшке,
Отведали и каплунов,
И запеченную свинину,
С пшеничной бабой солонину,
Кисель, что варят для панов.

Лакали вина дорогие,
Каких не всякому дадут,
А коли рассказать - какие,
Невольно слюнки потекут.
Хватили кстати и грушовки,
Потом кизиловки, айвовки.
Всяк сколько было сил харчил;
Стреляли в воздух из мушкета,
Дьяки ревели: "Многи лета!",
И туш играли трубачи.

Латин невежей вовсе не был.
С гостями всласть поев, попив,
Энею шлет ковригу хлеба,
Корыто опошнянских слив,

Орехов киевских каленых,
Полтавских пундиков слоеных,
Яиц три сотни, варенец,
Коров, бугаев из Липянки,
Сивухи бочку из Будянки,
Сто решетиловских овец.

Так помаленечку связался
Латин с троянским молодцом,
Эней уж зятем назывался, -
Но дело красится концом!
Помехи никакой не зная,
Жил пан Эней, резвясь, играя,
Забыл Юнону ветрогон;
Она ж Энея не забыла,
Исподтишка за ним следила,
Куда бы ни укрылся он.

Тварь проклятущая Ирися -
Олимпский вестник бед и зол -
К Юноне прискакала рысью,
По ветру распустив подол.
Часа четыре ей шептала,
Все про Энея рассказала:
Мол, в силе чортов вертопрах;
Как тестя, чтит царя Латина,
И сам Латину вроде сына
И с дочкою в больших ладах.

"Эге! - Юнона закричала. -
Так вот куда, стервец, забрел;
Ему нарочно я прощала,
Так он и ноги бряк на стол!
Жаль, прежде я того не знала.
Постой, я так прижму нахала,
Что содрогнется вся земля!
Троянцам, Турну и Латину -
Всем кровь пущу, по шее двину,
Всем наварю я киселя!"

Раз, два - и шлет с гонцом Плутону
За подписью своей приказ:
Чтоб злую ведьму Тезифону
К Юноне присылал тотчас,
Да чтоб не ехала в дормезе,
В рыдване или там в портшезе,
А на перекладных гнала.
Пусть ямщикам задаст трезвону,
Тройные платит пусть прогоны,
Но чтоб немедля здесь была!

Моментом фурия примчала.
Она была хитра, как бес,
И в пекле у себя, бывало,
Творила множество чудес.
Явилась ведьма с ревом, гиком,
Шипеньем, треском, свистом, криком,
Аж загудело все кругом.
Здесь ведьму слуги поджидали,
Два гайдука под ручки взяли
И повели к Юноне в дом.

"Здорово, доченька родная! -
Юнона в радости кричит. -
Ко мне скорее, дорогая! -
И целовать ее спешит. -
Садись! Ну, как ты поживаешь?
Чай, пса троянского ты знаешь?
Так у Латина он в гостях;

Закрутит там, как в Карфагене,
Латину, дочке - всем изменит,
И всем быть снова в дураках.

Весь знает свет, что я не злая
И зря калечить не люблю;
Но тут ведь музыка иная,
Уж я Энея загублю.
Пусть и твою узнает силу.
Взамен венца устрой могилу,
Чтоб черти взяли их совсем.
Амате, Турну и Латину,
Энею, сукиному сыну, -
Задай-ка, дочка, перцу всем!"

Склонившись до земли проворно,
Взревела фурия, как гром:
"Твоим веленьям я покорна,
Прикажешь - все пущу вверх дном;
Сведу Амату с Турном в пару
И тем поддам Энею жару;
Латина в дурня обращу;
Увидят боги, черти, люди,
Из сватанья добра не будет,
Семь шкур с троянцев я спущу".

И, перекинувшись клубочком,
Круть-верть с Олимпа, как стрела;
А чуть попозже вечерочком
Уже с Аматою была.
В тот час Амата перья драла,
Роняя слезы, горевала,
Что Турн не будет зятем ей;
Кляла Лавинии рожденье,
Кляла с ним вместе и крещенье,
И час, когда приплыл Эней.

Яга ей под подол забралась,
Гадюкой в сердце проползла,
По уголочкам извивалась,
В Амате рай себе нашла.
Потом в утробу ей, пройдоха,
Набила злости, как гороха;
Как чорт, Амата стала зла;
Неистовствовала, кричала,
Всем по шеям накостыляла,
Себя, Латина, дочь кляла.

Потом и Турна навестила
Пресучья лютая яга,
И, поплевав, наворожила
Энею лишнего врага.
Как в жизни водится военной,
Турн крепко нализался пенной
И пьяный под тулупом спал.
Яга к пьянчуге подступила
И снов таких понапустила,
Каких вовек он не видал.

Ему казалось, будто, вместе
С Лавинией сойдясь, Эней
В каком-то незнакомом месте
Не в шутку женихался с ней;
Что будто с ней он обнимался,
Уже до пазухи добрался
И будто перстень с пальца снял;
Лавися же сперва стеснялась,
Но вдруг сама к нему прижалась,
И тут Анхизов сын сказал:

"Лавися, милая дивчина!
Тебя я без ума люблю,
Мне небо кажется с овчину,
Я муки адские терплю.
Турн засылать собрался свата,
Туда же тянет и Амата,
Да и тебе он, видно, мил.
Скажи: кого в мужья желаешь?
Кого из нас ты выбираешь?
Любви кто больше заслужил?"

"Ты, ты, Энеечка мой милый, -
Царевна тотчас же в ответ, -
Что пред тобою Турн постылый?
Очам моим один ты свет!
Нигде я не найду покою,
Пока не будешь ты со мною,
Мое ты счастье, жизнь моя;
А Турн скорее околеет,
Чем мною, дурень, овладеет,
Ты - господин мой, я - твоя!"

Тут Турн внезапно пробудился,
Вскочил. Сперва, как столб, стоял,
Потом от злости взбеленился
И явь от сна не отличал:
"Меня бесчестить? Кто? - Троянец?!
Беглец, бродяга, голодранец!
Ему Лавинию отдать?
Не князь я и не воин, значит,
Коли Эней меня обскачет
И станет вдруг Латину зять!

Лавися - кус не для таковских,
Как этот пакостник Эней;
Не мне - так пусть же сгинет вовсе
Голубка от руки моей!
Всех без разбора в пекло сплавлю,
Всех вверх тормашками поставлю,
Энею кукиш покажу.
Латина, каверзного деда,
Прижму по-свойски, как соседа,
Амату на кол посажу!"

Взъяренный Турн, не медля боле,
Энею грамоту послал,
Чтоб тот на поединок в поле
Навстречу Турну поспешал
Бока пошарпать батогами,
Иль по-простецки кулаками,
Или оружием каким.
Потом приказ дал драгоману
Скакать к латинскому султану,
Чтоб шел и этот драться с ним.

Так фурия, в дела людские
Войдя, всем жару поддала;
На всякие проделки злые
Чертовка страсть ловка была.
Махнула к морю образина,
Чтоб у нахлебников Латина
Покруче кашу заварить.
Они в тот час коней седлали
И на охоту поскакали -
С борзыми зайцев потравить.

Но: "Горе в зле греховном сущу, -
Так киевский скубент сказал, -

Благих дел вовсе не имущу".
Кто жребий неба угадал?
Ночуешь там, где не просили,
Хотел дать тягу - не пустили,
Так грешников судьба ведет.
Троянцы тот закон познали,
Когда за малость пострадали,
Как то читатель сам поймет.

Там, где троянство кочевало,
Был на отлете хуторок;
В нем хатка ветхая стояла,
Плотина, садик, пруд, лужок.
Жила здесь нянюшка царицы;
Была ль то баба иль девица -
О том не знаю до сих пор.
Но зла была и своенравна,
К тому ж скупа, хотя исправно
Носила дань на царский двор:

Колбас десятка три Латину,
Лависе на Петра сырок,
В неделю денег по алтыну,
Амате головной платок,
Да воску фунта три свечного,
Да льна, да пряжи, да съестного,
Да кисеи, да фитилей.
Латин от няньки наживался
И за старуху заступался,
Коль приходилось туго ей.

У нянюшки был мопсик белый,
Забавой песик ей служил;
Перед хозяйкой престарелой
На задних лапках он ходил,
Носил поноску иль от скуки
Лизал хозяйке ноги, руки,
Грязь дочиста с них обгрызал.
Царевна часто с ним играла
Или царица. А бывало,
И сам Латин его ласкал.

Но вот троянская охота
Нагрянула, в рога трубя.
Псари с бичами вкруг болота
Рассыпались, зайчат губя.
Как только гончие помчали,
Загавкали и завизжали, -
Мопс, их учуяв, шасть за дверь,
На голос гончих отозвался,
Завыл, навстречу псам помчался.
Стремянный, думая, что зверь,

Вскричал: "Ату его, паскуду!" -
И в поле выпустил борзых.
Тут мопс, смекнув, что дело худо,
От страха под кустом затих;
Но псы его и там догнали
И вмиг беднягу растерзали.
Старуха, про беду узнав,
Под лоб глазищи закатила,
Что мочи есть заголосила,
Очки со страху потеряв.

Осатанела вражья баба,
От крика аж лишилась сил;
Позеленела, словно жаба,
Пот в три ручья с нее катил.
А там пошли припадки, схватки,

Истерики и лихорадки;
Порастрясло старухе жир.
Ей под нос асафету клали,
Фланелью брюхо согревали,
Потом поставили клистир.

Очухавшись, испив водицы,
Вновь крик старуха подняла;
Сбежалась челядь подивиться,
Как нянюшка весь свет кляла;
Она ж, за головню схватившись
И вмиг на тропке очутившись,
Махнула к лагерю троян,
Чтоб сжечь его и прах развеять,
Зарезать и спалить Энея
И всех троянских басурман.

За нею челядь покатила.
С собой оружье каждый взял:
Кухарка сечку ухватила,
Лакей тарелками швырял,
А прачка - та вальком махала,
Доярка с ведрами бежала,
С цепами батраки неслись,
Косцы шли с косами рядами,
Иные с вилами, с серпами.
Все, разъярившись, в бой рвались.

Но у троянцев и на пробу
За грош алтына не проси;
Не тронешь - будешь друг до гроба,
А тронешь - ноги уноси.
Троянцы не боятся драки,
Они завзятые вояки
И холку хоть кому намнут;
Рать нянькину они разбили,
В клочки ее распотрошили
И разогнали в пять минут.

И надо же, чтоб в это время,
Когда шел рукопашный бой,
Когда латинцев злое племя
С троянской билось голытьбой,
Вдруг прибежал гонец к Латину
И, повергая всех в кручину,
Письмо вручил, в котором звал
Турн не на пир, медком упиться,
А в поле ратном насмерть биться.
При этом так гонец сказал:

"Внимай, Латин несправедливый!
Ты слово царское попрал
И узы дружбы нерушимой
Теперь навеки разорвал!
От Турна кус ты отнимаешь,
Энею в рот его пихаешь.
Я вижу, царь, - ты парень жох.
Так завтра ж выходи на драку;
Пойдешь обратно, может, раком,
Гляди, чтоб вовсе не издох".

Не так спесивый пан бушует,
Когда на суд приволокут,
Не так от злости вор лютует,
Забравшись сдуру к бедняку,
Как царь латинский разъярился,
Пока гонец над ним глумился;
Аж губы старый покусал.
Он только что собрался было

Умыть гонцу-невеже рыло,
Чтоб тот все Турну передал,

Но, в окна глянув ненароком,
Латин пришел в великий страх;
Насколько вдаль хватало око,
На улицах, на площадях
Латинцы толпами стояли,
Папахи к небесам швыряли,
И всяк вопил во весь свой рот:
"Война! Война против троянцев!
Мы всех Энеевых поганцев
Побьем, искореним их род!"

Латин, не будучи рубакой,
Сам никого не задирал.
При слове "смерть" он чуть не плакал
И, как овечий хвост, дрожал.
Лишь на печи имел он стычки,
Когда, по старческой привычке,
С Аматой спорить начинал.
А так тихоня был и носа
Без надобности и без спроса
В дела чужие не совал.

Латин и сердцем и душою
Был не похож на тех вояк,
Что шутят запросто с войною.
И вот, чтоб не попасть впросак,
Собрал к себе панов вельможных,
Чиновных, старых, осторожных,
За ум которых почитал.
Потом прогнал он прочь Амату,
Завел панов всем скопом в хату
И речь такую им сказал:

"Аль вы сдурели? Аль с похмелья?
Аль чорт вас за душу щипнул?
Аль опились дурного зелья?
Аль ум за разум завернул?
С чего приспичило вам драться?
Откуда б этой прыти взяться?
Когда я тешился войной?
Я не разбойник придорожный,
Не зверь: да как же это можно,
Чтоб крови не жалеть людской?

А где же, головы дурные,
Нам на войну собрать людей?
Где взять нам ружья боевые,
Хлеб, пушки, деньги и коней?
Кто будет наш провиантмейстер?
И кто, скажите, кригсцалмейстер?
Кого я подпущу к казне?
Да вы и сами-то не биться
Спешите в драку, а нажиться,
А шею будут мылить мне.

Коль вы охотники публично
Драть спины, ребра да бока,
Зачем чужих просить? Я лично
Отведать дам вам кулака.
Почешет ребра он и спину,
А мало кулака - дубину
Готов на ребрах сокрушить.
Служить вам рад я батогами,
Плетями, розгами, кнутами,
Чтоб жар военный потушить.

Оставьте удаль вы дурную
Да расходитесь по домам.
К лицу ли чепуху такую
Нести боярам и панам?
Уж лучше на печи сидите,
Друг другу сказки говорите
Да жуйте то, что по зубам.
Кто о войне проговорится,
Кому она во сне приснится,
Тому я всыплю розог сам".

Так говоря, махнул рукою,
А после, топнув зло ногой,
Пред онемевшею толпою
Прошел, надувшись, в свой покой.
Как олухи, скрививши рожи,
Стояли царские вельможи,
Никто словца не мог сказать.
И лишь когда смеркаться стало,
У них едва ума достало
Бояр всех в ратушу собрать.

Тут долго думали, гадали,
Свой выхваляли древний род,
Истошным голосом кричали,
Что на Латина всяк плюет,
Что здесь царя и знать не знают,
Войну с Энеем начинают,
Что надо войско набирать
И, чтоб на это у Латина
Не брать казенных ни алтына,
С бояр лишь деньги собирать.

Так все латинцы в битву рвались,
Отвагой хвастал каждый пан,
Откуда храбрости набрались
Против Энеевых троян.
Вельможи царство взбунтовали,
Против Латина наущали.
Вельможи! Лихо будет вам.
Тем, кто царя не будет слушать,
Отрезать и носы и уши,
Отдать всех в руки палачам.

О муза, панночка Парнаса!
Спустись ко мне хоть на часок;
Оставь точить с богами лясы,
Пусть твой нашепчет голосок,
Как в бой латиняне сбирались,
Как армии их снаряжались,
Какой порядок был в войсках,
Одежду кто носил какую;
И сказку мне скажи такую,
Какой не слыхано в веках.

Бояре вмиг сообразили
И выпустили манифест,
В котором всех оповестили,
Чтоб рекрут каждый дал уезд;
Чтоб кудри русые сбривали,
Чубы чтоб только оставляли,
Да ус в пол-локтя чтоб торчал;
Чтоб сала и пшена набрали,
Чтоб сухарей позапасали,
Чтоб всяк горшок и ложку взял.

Всё войско мигом расписали
По разным сотням и полкам,
Полковников поназначали,

Патенты дали старшинам.
Всяк полк по городу назвался,
По шапке каждый различался,
Знамена роздали, значки;
Всем сшили синие жупаны,
А также белые кафтаны -
Казаки, чай, не мужики.

В полки людей распределили,
Всех по квартирам развели,
Потом в мундиры нарядили,
К присяге войско привели.
На конях сотники финтили,
Хорунжие усы крутили,
Тянул понюшку есаул;
Урядники и атаманы -
Те чванились, как в сейме паны,
Никто и в ус себе не дул.

Так вечной памяти, бывало,
При гетманщине удалой
На поле войско выступало,
Не зная "смирно" или "стой".
Бывало, каждый полк казацкий,
Полтавский, Лубенский, Гадяцкий,
Как мак, папахами цветет,
А уж как сотнями зашпарит
Да лавой с пиками ударит -
Все, как метелкой, подметет.

То армия вояк завзятых,
Что драться лезла без затей,
Толпа сечевиков чубатых,
Отчаяннейших из парней.
Посмотришь - войско неказисто,
Но всяк из них вояка истый.
Война, поход - для них игра;
Что скрасть, кого там облапошить,
Кого взять в плен иль укокошить -
На все большие мастера.

Понавезли для них обновок;
Набили полный магазин
Мушкетов древних и кремневок,
Винтовок старых без пружин;
Лежали кучей карабины,
Пищали, копья, кулеврины,
И груды палиц, пик, рушниц;
А пушки здесь такие были,
Что ежели из них палили,
То пушкари валились ниц.

Взялись мастачить сами пушки.
Весь день стучали молотки,
Ломали ульи и кадушки
И волокли на верстаки.
Нужда законы переменит!
И помазок, и пест, и веник -
В пушкарском ведомстве - все клад.
Тут были в выборе не строги;
Возки, покойницкие дроги
Тащили к пушкарям на склад.

Как водится в военном деле,
Снарядов надобен запас,
Латинцы в этом наторели:
Заместо пуль они тотчас
Галушек горы насушили,
А бомб из глины налепили,

А сливы сдали на картечь;
У баб корыта отобрали,
Из бочек донья выбивали
И делали щиты для плеч.

Латинцы не имели сабель,
Без Тулы жить им привелось.
Не саблей же убит и Авель -
От палки умереть пришлось.
Лопаты чуть пообстругали
И вместо сабель привязали
Крученой бичевой к бокам;
Лукошек наплели девчонки,
С какими ходят по опенки,
Заместо ранцев рекрутам.

Как надо, войско снарядили
И насушили сухарей,
На сало кабанов набили,
Понапекали кренделей;
Постой по хатам расписали
И выборных поназначали,
Который пеший, кто с конем,
Кто за себя дает подставу,
В какое войско, сотню, лаву, -
Порядок завелся во всем.

Потом взялися с рекрутами
Учить мушкетный артикул:
Как ногу дать, шагать рядами,
Как отколоть "на караул":
Коль пеший - маршируй живее,
Коль конный - так скачи быстрее,
Чтоб клячу пулей не достать.
Вся эта ратная затея
Затем вершилась, чтоб Энея
Верней и крепче в гроб вогнать.

Так всенародное движенье
В латинском царстве началось.
Муштра повсюду и ученье,
Везде жолнерство завелось.
На прутьях девки разъезжали,
Парней дубинкой муштровали,
Учили старцев в цель кидать.
А старых баб на печь сажали
И на печи их штурмовали,
Чтоб штурм на деле изучать.

Латинцы - крепкие ребята,
Не запугаешь их войной;
Оставивши родные хаты,
Они рвались, как звери, в бой.
Три первых дня про все забыли,
Свои пожитки приносили
И отдавали все на рать;
Одежды, хлеба и посуды
Понанесли такие груды,
Что было некуда девать.

А что касательно Аматы,
Она, оставя все дела,
Забыла, где и дверь у хаты,
На улице так и жила.
Все бабы вкруг нее собрались,
По городу гурьбой таскались
И подбивали воевать.
Водили с Турном шуры-муры
И поклялись, хоть вон из шкуры,

Но дочь Знею не отдать.

Коль бабы замешались в дело,
Так уж покажут норов свой;
Глядишь - и сплетня уж поспела,
И хныканье, и брань, и вой.
Тогда прости-прощай порядки,
Пойдет все к чорту без оглядки;
Свое возьмут, уж так и знай.
Когда б вы, бабы, больше ели
Да меньше б о делах шумели,
Ей-ей, попали бы все в рай.

Пока рутульский царь лютует,
К царям соседним шлет послов,
Мол, кто из вас помочь рискует
Мне разогнать троянских псов;
Пока, от Турна укрываясь
И в теплой хате прохлаждаясь,
Бездействует Латин хитрец;
Пока Юнона, сна не зная,
Всех на Энея наущает -
Сбить свадебный с него венец,

По всей Латинии набатный
Несется звон и знать дает,
Чтоб всяк - и знатный и незнатный
Готовился итти в поход.
И крик, и вой, и колотушки;
Теснится люд, ревут девчушки.
В кровавых ризах там и тут
Война. За нею - смерть, увечье,
Безбожье и бесчеловечье
Шлейф мантии ее несут.

Была в том царстве синагога,
Поставленная с давних лет
Для Януса - двойного бога,
Который дивных был примет:
Он на башке имел две рожи;
С чем эти рожи были схожи,
О том Вергилий сам молчит.
В дни мира Янус укрывался,
Но чуть из храма показался -
Война тотчас же закипит.

На звон латинцы к храму пулей
Неслись, таща старух, детей,
И лишь запоры отомкнули,
Как Янус прыснул из дверей.
Тут разом всех война взъярила,
Латинцев всех ожесточила,
И всяк бежит, как на пожар.
"Война, война!" - кричат, стенают
И адским пламенем пылают
Мужи и бабы, млад и стар.

Латинцы войско хоть собрали,
Да надо ж войску должностных,
На счетах бойко чтоб считали
Да были б грамотней других.
Уж это знает всякий дурень,
Что воин любит харч в натуре
И выпить тоже не дурак.
Опять же нужен счет копейке:
Без этой дамочки-злодейки
Нельзя ведь воевать никак.

Давно, в златые дни Астреи,

Был славный на земле народ:
Менял сажали в казначеи,
А фокусник всему вел счет;
К раздаче порций был аптекарь,
Картежник - был первейший пекарь,
Гауптвахтой ведал там шинкарь,
Проводниками шли слепые,
Ораторами - лишь немые,
А за шпиона — пономарь.

Не описать, не доискаться,
Какой нашел на них там стих;
Извольте сами догадаться,
Что было в головах у них:
К войне готовясь, все спешили,
Не знали сами, что творили,
Всё делали наоборот;
Что надо строить, то ломали,
Что надо бросить - сохраняли,
Что класть в карман, то клали в рот.

Пускай волнуются латинцы,
Готовятся против троян,
Пускай мозгуют про гостинцы,
Энею нашему в изъян.
Заглянем к Турну, чтоб дознаться,
Готов ли он с Энеем драться.
О Турне ходит в мире слух:
Коль он что пьет - не проливает,
Коль метит - так уж попадает,
Людей он давит, точно мух!

Как видно, был он в уваженье,
Коль все соседние царьки
По просьбе, как бы по веленью,
Подсунув в трубки угольки,
Пошли в поход со всем народом,
Скотиной, утварью, приплодом,
Чтоб Турну помощь оказать,
Не дать Энею пожениться,
Среди латинцев поселиться,
К чертям энейцев разогнать.

Не туча солнышко затмила,
Не ветер пыль в степи вихрит,
Не воронье поля закрыло,
Не вихорь травами шумит:
То войско прет по всем дорогам,
То мчится Турнова подмога,
К Ардее-городу спеша.
Столб пыли по дороге вьется,
Сама земля, казалось, гнется,
Прощай, Энеева душа!

Мезентий впереди Тирренский
Пред грозным воинством грядет, -
Бывало, так свой полк Лубенский
Полковник на валы ведет,
Где шведы головы сложили,
Где в бой бегом полки спешили
Полтаву-матушку спасать.
Дождались шведы тяжкой кары,
Пропал и вал - и лишь бульвары
Досталось нам теперь топтать.

Авентий вслед за ним плетется,
Своих не утруждая ног,
В телегах с челядью трясется,
Как с блюдолизами панок.

Известного он пана внучек,
Любитель кобельков и сучек,
Охотник лошадей менять.
Сызмальства был Авентий жохом,
Разбойником и выпивохой;
Ему б лишь драться, пить да спать.

Там войско конное валило.
Несметно конников число;
Их атаман был Покатилос,
А есаул - Караспуло.
То греческие шли вояки,
Что прискакали ради драки,
Оставя Дельту, Кефалос,
Везя с собой, как к именинам,
Оливки, мыло, рис, маслины -
Кому достать что привелось.

Цеку́л, Вулкана сын невзрачный,
Туда же с войском поспешал,
Так с Дорошенко Сагайдачный
Казакам славу добывал.
Один вертелся перед ратью,
Другой подвыпившую братью
Донской нагайкой подгонял.
Все ехали тихонько рядом,
Дымили крепким самосадом,
А кое-кто в седле дремал.

За этими, блюдя порядок,
Мезап разбойник с войском шел.
Он был, как пес, на драку падок
И лбом бил смаху, как козел.
То был кутила, забияка,
Боец кулачный и рубака
Первейший изо всех рубак.
Уж коли он в кого вопьется,
Тот от него не отобьется.
Таков к панам был Железняк.

Талес - сынок Агамемнона -
Летит дорогою другой,
Как пес горячий после гона
К воде студеной, ключевой.
Орду он вывел на дорогу
Рутульцу Турну на подмогу;
С ним люди разных языков:
Аврунцы тут и сидикяне,
Калесцы и ситикуляне
И тучи всяких казаков.

За ними вслед паныч смазливый,
Сынок Тезея Ипполит,
Детина злобный, горделивый,
С несметным воинством валит.
То был паныч сладкоречивый,
Румяный, полный и спесивый,
Он мачеху в себя влюбил.
Бабенок парень не чурался,
Случалось, и к богиням шлялся, -
Ну, словом, не скучая жил.

Едва ль достанет мне отваги
Всех перечесть, что здесь плелись,
И выложить вам на бумаге,
Откуда все они взялись.
Вергилий не чета нам грешным,
А темя долго скреб, сердешный,
Пока подвел подробный счет:

Как шли рутульцы и сиканцы,
Аргавцы, лабики, сакранцы
И прочий продувной народ.

Еще тут всадница скакала
И войско сильное вела;
Всех встречных до смерти пугала,
Как помелом вокруг мела.
Звалась та дева-царь - Камилла:
До пупа жинка, вниз - кобыла.
Имела всю кобылью стать:
Две пары ног и хвост каскадом,
Хвостом крутила, била задом,
Могла и говорить и ржать.

Слыхали, может, о Полкане,
Так то была его сестра;
Они шатались по Кубани,
И род их шел из-за Днестра.
Была Камилла злой ведуньей,
Знахаркой также и шептуньей,
И на ногу легка была;
Чрез горы запросто скакала,
Из лука метко в цель стреляла
И много крови пролила.

Такая-то орда валила,
Чтобы разбить Энея в пух;
Коль злость Юнона затаила -
Ударит, так займется дух.
Жаль, жаль удалого казака,
Когда его на мель, как рака,
Зевес допустит посадить.
Уйдет ли он от злой напасти,
Увидим это в пятой части,
Коли удастся смастерить.

Часть пятая

Беда не за горами ходит,
Кто прожил, горе миновав?
Беда беду всечасно родит,
Для нас беда - судьбы устав!
Эней в беде, как птичка в клетке;
Эней в беде, как рыбка в сетке;
Терялся в думах молодец.
Весь мир, казалось, сговорился
И на Энея напустился,
Чтоб загубить его вконец.

Эней, бедняга, видя тучу,
Что на него война гнала,
Сробел пред лихом неминучим,
И мукам не было числа.
Как за волной волна из дали,
За думкой думки набегали,
К богам он руки простирал,
И хоть надеждой утешался,
Но перемен весьма боялся,
И дух его изнемогал.

И ночью он не знал покою,
И белый свет ему не мил.
Все спали; он, укрытый мглою,
Один по берегу бродил,

Пока вконец не истомился
Да на песок не повалился,
И то уснуть не мог никак.
Скажите сами, как вам спится,
Когда на вас судьба ярится,
Когда фортуна вам злой враг.

О сон! С тобою забываем
Мы всякую свою напасть;
С тобой мы силу обновляем,
А без тебя - нам всем пропасть.
Ты ослабевших укрепляешь,
В тюрьме невинных утешаешь,
Злодеев снами ты страшишь;
Влюбленных ты друг с другом сводишь,
Злой замысел к добру приводишь, -
Беда, коль ты от нас бежишь.

Хоть думы парня одолели,
Но все же сон свое берет;
В ком силы тела ослабели,
В том дух не скоро, но замрет.
Объял Энея сон зыбучий,
Во сне предстал старик дремучий,
До пят обшитый камышом;
Косматый, с белой головою,
С изогнутой в дугу спиною -
Он подпирался батожком.

"Венерин сын! Не устрашайся, -
Так камышовый дед сказал, -
Смятенью ты не предавайся,
Чай, не впервой беду узнал.
Войны не бойся ты кровавой,
Олимпскую моли ораву,
Они все злое отдалят.
Найдешь ты, помни мое слово,
Свинью у дуба векового
И тридцать белых поросят.

Когда пройдет лет тридцать с гаком,
С Юноной заживете в лад,

На месте том свином из мрака
Восстанет Альба - дивный град.
Однако ты не зазнавайся,
К аркадянам скорей сбирайся -
Врагов Латина в них найдешь;
Троянцев с ними побратаешь,
Тогда и Турна оседлаешь
И войско все его побьешь.

Теперь вставай, не будь разиней
И помолись скорей богам.
Меня ты должен знать отныне:
Я старый Тибр - опора вам.
Я тут водою управляю,
Тебе надежно помогаю:
Я не упырь, не злобный дух;
Здесь будет град над городами -
То установлено богами!" -
Так дед сказал - и в воду бух!

Эней немедля пробудился,
Продрал глаза, душой воспрял,
Водою тибрскою умылся,
Богам молитвы прочитал;
Потом, чтоб зря не пустословить,
Два челнока велел готовить,

Храбрейших в них сажать ребят;
Под дубом в заповедном месте
Нашел свинью, а с нею вместе
И тридцать белых поросят.

Всех тотчас приказал зарезать,
Юноне отдал на обед,
Чтоб этой жертвенной трапезой
Себя от злых избавить бед.
Потом велел садиться в челны,
И Тибра медленные волны
Его к Эвандру понесли;
Леса прибрежные качались,
Как будто диву, дивовались
Челнам, что вниз по Тибру шли.

Сколь долго плыл Эней, не знаю,
Но к цели, наконец, приплыл.
Эвандр, для праздника, я чаю,
Горилочку в тот час глушил,
Над варенухою трудился,
С аркадянами веселился,
Хмель в головах у всех бродил.
Но только челны увидали,
Как все от страха задрожали,
И лишь один не отступил.

"Неволей к нам иль по охоте? -
Кричит аркадский горлодер. -
С людьми иль в небе вы живете?
К нам мир везете иль раздор?" -
"Троянец я, Эней отважный,
Латинцев недруг я присяжный, -
Эней в ответ с челна кричал, -
Держу к Эвандру нынче путь я,
Передохнуть на перепутье;
Ваш царь приветлив, я слыхал".

Паллант - Эвандра сын смазливый
К Энею тотчас подступил;
Отвесил всем поклон учтивый
И в гости к батьке пригласил.
С Энеем крепко обнимался,
Ему в своей приязни клялся;
Потом в лесок его позвал,
Где пировал Эвандр с панами,
С придворной челядью, с попами;
И здесь Эней царю сказал:

"Хоть ты и грек, но царь примерный,
Латинцам оба мы враги;
Тебе товарищ буду верный,
Лишь в драке ты мне помоги.
К тебе в нужде я прибегаю,
Тебя помочь мне заклинаю,
Врагов я не осилю сам.
Я кошевой Эней, троянец,
И, как бродяга-голодранец,
По всем таскаюсь берегам.

Бывал во всяких передрягах.
Что здесь найду? Ты друг иль враг?
Что будем пить мы - мед ли, брагу?
Брататься будем или как?
Скажи - и руку на в задаток,
Которая средь славных схваток
Лупила самых злых врагов.
За мной стоят мои дружины,
Что знали горькие годины,

И злость людей, и гнев богов.

Сильнее всех мне досаждает
Рутулец Турн - собачий сын,
Он только лишь того и чает,
Чтоб проглотить меня, как блин.
Уж лучше в бочке утопиться
Иль опояской удавиться,
Чем Турну уступить в войне.
Фортуна не в его кармане;
Быть злой скотинке на аркане,
Коль ты поможешь малость мне".

Эвандр не сразу отозвался,
Все что-то про себя ворчал;
То ус крутил, то усмехался
И гостю, наконец, сказал:
"Эней Анхизович, садитесь,
Прошу покорно, не чинитесь,
Вам, так сказать, я крайне рад;
Дадим вам войско на подмогу,
И провианту на дорогу,
И сколько надобно деньжат.

Прошу отведать хлеба-соли!
Вот борщ, галушки, вот кисель,
Поешьте, отдохните вволю,
А там, пожалуй, и в постель.
А завтра, чуть заря займется,
По знаку войско соберется,
И - шагом марш, айда в поход;
Я не чураюсь потасовки,
За мной не будет остановки,
Страсть как люблю я ваш народ".

Тут вся ватага поспешила
За стол, чтоб яствам честь отдать,
Хоть кое-что и поостыло,
Так что пришлось подогревать.
Глотали рыбное с гренками,
Похлебку ели с потрохами,
Язык телячий отварной,
Ягнят и кур, горшок окрошки,
Жаркого разного три плошки,
Лежали сладости горой.

Коль смачно ешь, так славно пьется,
Так я от земляков слыхал;
На сладкий кус едок найдется.
Эней с ватагой не дремал.
Аркадцам гости показали,
Что толк в застольном деле знали,
Горилочка лилась рекой,
Хлестала взапуски дружина,
За батьку пили и за сына,
За здравие, за упокой.

Троянцы спьяну разбрехались
И, о прошедшем не грустя,
С аркадянками женихались,
Кто в шутку, кто и не шутя.
Эвандр рассказывал Энею
Про все Геракловы затеи:
Как злого Кака он убил,
Какие Как вершил разбои,
И что, глубоко чтя героя,
Эвандр и праздник учинил.

Все к ночи вдосталь накачались,

Чорт знает спьяну что плели.
Те, что еще кой-как держались,
Под утро в город побрели.
Эней же в свитку завернулся
И на задворках спать приткнулся.
Эвандр же в хату влезть успел,
Под лавку тотчас завалился,
Широкой буркою укрылся
И во всю силу захрапел.

Лишь ночь покрыла пеленою
И трезвый люд и выпивох,
Лишь захрапели с перепою
Эней с дружиною пройдох,
Венера собралась в дорогу -
Простоволоса, босонога
С Олимпа в темноте сошла.
Она тишком к Вулкану кралась,
Как будто с ним и не венчалась,
Женой как будто не была.

Таким весь век одна забота,
Чтоб нас вернее подманить;
Хоть и красива, а охота
Еще милей и краше быть.
Венера пазуху порвала
И так шнурочком подвязала,
Чтобы видней краса была;
Косынку будто позабыла
И грудь так ловко приоткрыла,
Что всякого б с ума свела.

Кузнец Вулкан в тот час трудился,
Зевесу молнию ковал.
Он на Венеру так воззрился,
Что молоток из рук упал.
Венера сразу угадала,
Что в добрый час сюда попала,
Вулкана смаху в губы чмок;
На шее у него повисла,
Растаяла как воск, раскисла;
Вулкан, бедняга, сразу взмок,

А там совсем размяк. Венера
Мотает все себе на ус:
Пора! За дело! Для примера
Теперь я за него возьмусь:
"Вулканчик, милый мой, красивый,
Дружок мой верный, справедливый,
Скажи мне: любишь ли меня?" -
"Люблю, люблю, божусь клещами,
Кувалдой, молотом, мехами -
Все рад я сделать для тебя".

Вулкан к Киприде подольщался,
Как бы к просителю писец,
Ей угодить во всем старался,
Вконец размяк хромой кузнец.
Его Венера ублажала
И между делом хлопотала,
Чтобы Энею он помог:
Сковал оружье боевое
Из меди, стали - да такое,
Чтоб сын врагов осилить смог.

"Все для тебя сварганю живо, -
Вулкан, пыхтя, ей отвечал, -
Оружье сделаю на диво,
Никто такого не видал.

Шишак, палаш и щит покрою
И позолотой и резьбою,
Как старой Тулы мастера;
Насечку выбью, украшенья,
Звоночки, хари, изреченья -
Останься только до утра".

Сказать по правде, так бывает
Нередко и теперь у нас:
Коль баба что достать желает,
То, хитро выждав добрый час,
И так и эдак подольстится,
Под самым сердцем притулится,
Целует, гладит - и простак
Во всех суставах разомлеет,
Ума лишится, очумеет
И не откажет ей никак.

Венера, облаком укрывшись,
Махнула в Пафос отдыхать,
А там, в светлице затворившись,
Свою разглядывала стать.
Красы, помятые Вулканом,
Подправила, играя станом,
Грязь, пятна принялась скоблить.
Известно, мать на все готова:
Для счастья сына дорогого
Венера в кузне рада жить.

Вулкан, до кузни дотащившись,
Собрал свинец, железо, медь;
Потом, подручных добудившись,
Все это приказал нагреть.
И вот уже мехи качают,
Огонь в жаровнях раздувают;
Звенит металл под молотком,
Вулкан потеет и трудится,
Ругает всех, грозит, ярится,
И гром и треск стоят кругом.

Уж солнце влезло высоконько,
Пошел уже седьмой часок;
Уже пьянчужка полегоньку
Горилки пропустил глоток;
Уже ослы, ревя, брыкались,
Вороны с хриплым криком дрались,
За стойки сели корчмари;
Картежники, ложась, зевали,
Кудряшки девки подвивали,
В суды пошли секретари.

А наши только просыпались;
Парней качал вчерашний чад;
Кряхтели, харкали, сморкались,
Никто и свету был не рад.
С трудом великим повставали,
Глаза водицей промывали
И полоскали квасом рот.
Опохмелясь, совет держали
И всем народом думать стали,
Как им отправиться в поход.

А там на сотни разделили
Аркадских бравых мужичков
И ратниками объявили,
Назначив в сотники панов.
Не стало дело за значками,
Знаменами и бунчуками,
Мушкетов дали, палашей;

Набили ранцы сухарями,
Бочонки выдали с рублями,
Муки, пшена, колбас, коржей.

Эвандр, Палланта подозвавши,
Ему в напутствие сказал:
"Я, рать Энею в помощь давши,
Тебя начальником назвал.
Довольно в бабки забавляться,
Красть голубей да женихаться
Бесстыдно на глазах у всех.
Довольно порезвился в школе,
Теперь хлебни науки в поле;
Беспутный сын - то батькин грех.

Иди-ка, послужи Энею,
В военном деле он мастак,
Известен храбростью своею,
И выпить, слышно, не дурак.
А вы, аркадцы, в бой без страху!
Всех по шеям лупите смаху.
Паллант в начальники вам дан.
За честь Палланта умирайте,
Энеевых врагов карайте,
Эней мне сват - вам атаман.

А вас, Анхизович, покорно
Прошу Палланта охранять:
Он хоть не так чтоб парень вздорный,
Умеет по складам читать;
Да зелено ж, погорячится
В бою как раз, не оглядится
И сгинуть может, как дурак.
Тогда уж мне и жить не мило,
Залезу сам живьем в могилу,
Подохну, как на суше рак.

Берите рать, идите с богом,
И пусть Зевес поможет вам".
Тут все хлебнули на дорогу,
Эвандр же к сказанным словам
Добавил: "В Лидию зайдите,
В союзники лидян возьмите;
Они помогут воевать.
Мезентий их в тиски сжимает
И на оброк не отпускает;
В момент их можно взбунтовать".

Пошли. Знамена - точно птицы.
Поплакать многим тут пришлось:
Кто бабу бросил, кто сестрицу,
Кто с милой разошелся врозь.
Нам вдвое то милей бывает,
Что злая доля отнимает.
Все, чем владеем, все, что есть,
За милую отдать готовы:
Именья, деньги, скарб домовый,
Дороже милой - только честь!

Итак, горилкой подкрепившись
И слезы отерев с очей,
Пошли, на сотни разделившись,
А впереди сам пан Эней.
Их первый марш был до оврага.
Здесь бивуак разбив, ватага
Спать полегла. Эней не спал.
Он учредил порядок строгий,
Палланту приказал дороги
Стеречь, а сам в лесу гулял.

Он в полночь темную, глухую,
Едва собравшись задремать,
Увидел тучку золотую,
На тучке той - родную мать.
Она сидела молодицей -
Курносенькой и белолицей,
И, озирая все кругом,
Дух ароматный испуская,
Оружьем редкостным сверкая,
Предстала пред своим сынком

И молвила: "Сыночек милый,
Оружье шлет тебе Вулкан;
Оно твои удвоит силы,
Все струсят - Турн, Бова, Полкан.
Все, что щита и лат коснется,
Тотчас ломается и гнется.
Их даже пуля не пробьет;
Коли, в ряды врагов врубайся
И на Зевеса полагайся;
Никто нам носа не утрет".

Сказав, дохнула ароматом
И в Пафос понеслась скорей -
Готовя гибель супостатам,
К оружью кинулся Эней.
Он пожирал его глазами;
Нетерпеливыми руками
И шлем и панцырь вмиг надел;
Насилу поднял щит чудесный, -
Тяжел подарок был небесный,
Зато узором весь пестрел.

Как раз по самой середине,
Под чернь с насечкой золотой,
Кончалась муха в паутине,
Паук толкал ее ногой.
Невдалеке стоял Телешик,
Он плакал и глотал кулешик:
Семиголовая змея
Кралась к нему - страшна, рогата,
С хвостом длиной с версту, крылата.
Она звалась - Жеретия.

По медной кромке вереницей,
Рукой искусной, без числа
Представлены чеканкой в лицах
Все рыцари и их дела:
Катигорох, Иван-Царевич,
Кухарчич, Сучич и Налетич,
Услужливый Козьма-Демьян,
Кащей с несметною казною,
И дурень с бабою-ягою,
И славный рыцарь Марципан.

Так пан Эней наш снаряжался,
Чтоб злого Турна доконать;
Напасть на недругов сбирался,
Готовясь им по шапке дать.
Но и Юнона не дремала,
Она Ирисе приказала,
Чтоб та на землю вновь сошла,
Чтобы рутульцев разжигала
И чтобы Турна подбивала
Троянцев извести дотла.

Ирися почесала темя,
К рутульцам понеслась в намет;

Турн комедьянтов ждал в то время,
Хлеща с тоски ахтырский мед.
Он, будучи в любовном горе,
Топил печаль в питейном море.
Так прежде в армии велось:
Чуть влюбишься иль проигрался,
За пуншевый стаканчик взялся!
Глядишь - и снова с горем врозь!

"Ты что ж, - Ирися укоряла, -
Сидишь без дела, водку пьешь?
Что на тебя за блажь напала?
Аль все троянцам отдаешь?
Коту, коль сыт он, не до мышки,
Паньку, коль слаб, не до Аришки.
Кто б думать мог, что Турн - байбак?
Нет, где тебе с Энеем биться
Или с Лавинией любиться,
Тебе под стать гонять собак.

Лихой вояка не робеет
И без просыпу мед не пьет!
Он думку о боях имеет,
Такой всех недругов побьет.
Но к чорту! Слышь, опохмеляйся,
Союзников собрать старайся,
На Трою новую иди.
Эней в чужих краях плутает,
Дружину в помощь набирает,
Не оплошай теперь, гляди!"

Так молвив, столик повалила,
Перевернула все вверх дном,
Стаканы, чарки перебила,
Ну словом, подняла содом.
Рутулец тоже расходился,
Залютовал, как зверь взъярился,
Дрожмя от злости задрожал.
Все страсти в нем разбушевались,
Любовь и ненависть смешались, -
"На штурм, на штурм!" - своим кричал.

Собрал и пеших он и конных
И, к бою приготовив рать,
Ватагу забияк отборных
Послал троянцев задирать.
Два корпуса соединивши,
На борзого коня вскочивши,
На штурм их не ведет, а мчит;
Мезап, Талес в другом отряде
Пошли по берегу к ограде;
Побить троянцев всяк спешит.

Троянцы, в крепости укрывшись,
Энея ждали, не грустя;
Давно к невзгодам приучившись,
Встречали бедствия шутя.
Удвоив у ворот запоры,
На башне выставив дозоры,
На вал всем войском залегли;
За вражьей силой доглядали,
А сами носа не казали,
От скуки трубки разожгли.

Всем скопом вынесли решенье,
Коль князь рутульский поднапрет,
Не выходить за укрепленье;
Пусть штурмом на валы идет.
Троянцы так и учинили:

Толстенных бревен притащили
Устроили из них навал;
А после олово топили,
Смолу и масло кипятили,
Чтоб шпарить тех, кто прет на вал.

А Турн меж тем, рутульцев школя,
Перед полками гарцевал;
Рассыпал конницу по полю
И как ошпаренный кричал:
"Сюда, шкодливые троянцы,
На бой, трусливые поганцы!
Зарылись в землю, как кроты;
Где ваш Эней, ваш бабник ражий?
Сидит, чай, с бабами за пряжей?
Убрался прочь от срамоты".

Тут все подручные ввязались
И, чуть не оборвав стремян,
Кричали, выли, измывались,
Ругали всячески троян.
Пускали тучами в них стрелы,
А кое-кто из самых смелых
Перескочить пытался ров.
Троянцы уши затыкали,
На брань врагов не отвечали,
Хоть биться каждый был готов.

Турн скрежетал всердцах зубами,
Что в крепости все ни гу-гу,
Известно, стен не свалишь лбами,
Хоть разорвись, хоть гнись в дугу.
Злость, слышно, сатане сестрица,
Хоть, может, это небылица,
Да в мире много дивных дел.
От злости Турн себя не чует,
Злой умысел ему диктует
Чорт, что в башке его засел.

От злобы лютой сатанея,
Все войско на берег ведет,
Приказ отдав, чтобы живее
Рутульцы жгли троянский флот.
Все мигом взялись за работу.
(На зло имеет всяк охоту.)
Огни мелькнули тут и там.
Кто с угольком, кто с головнею,
Кто с фитилем, кто со свечою -
Все мчались к вражьим кораблям.

Все загорелось, задымилось,
Метнулось пламя к небесам;
От дыма солнце закоптилось,
Пришлось тут плохо и богам.
Они сморкались и чихали
И Турна лихом поминали.
Весь сонм олимпский одурел.
Дым ел глаза. Роняя слезы,
Богини прыгали, как козы;
Сам Зевс, как винокур, сидел.

Венеру за душу щипало,
Что с флотом поступили так;
От боли сердце замирало,
Что сядет сын на мель, как рак.
Слезами обливая свитку,
Венера прыгнула в кибитку,
На передок сел Купидон;
Кобыла их везла кривая,

Они, кобылу погоняя,
Спешат к Цибеле на поклон.

Цибела (это учат в школах) -
Родительница всех богов -
В дни юности была не промах;
А нынче, всех лишась зубов,
Старуха на печи скучала,
Кулешик жиденький глотала
И не совала нос в дела.
Зевес, чтоб выказать почтенье,
Мед посылал ей в угощенье,
Тот, что Юнона лишь пила.

Венера часто докучала
Зевесу всяческой брехней,
За что в немилость и попала.
Теперь, чтоб не итти самой,
Она пришла просить старуху,
Суля, для поддержанья духу,
Купить ей сбитню на алтын,
Чтоб к Зевсу старая сходила,
Вступиться за троян просила,
Чтоб флота не лишился сын.

Ох, лакома ж была старуха!
За сбитень все могла отдать,
К тому ж страшенная болтуха,
Каких у нас и не сыскать.
Ее насилу сняли с печи,
И Купидон, взвалив на плечи,
К Зевесу старую понес.
Зевес, едва узрев старуху,
Откинул оселедец к уху,
Насупил брови, сморщил нос.

Сперва Цибела закряхтела,
А после кашлять начала,
В подол сморкалась и сопела,
Насилу дух перевела:
"Сатурнович, вступись за маму,
Довольно я терпела сраму, -
Пред Зевсом шамкала карга, -
Бессмертных нынче знать не знают
И так ругательски ругают,
Как не ругают и врага.

Мою ты знаешь гору Иду
И лес, где в капище алтарь;
За них терплю теперь обиду,
Какой не терпит твой свинарь!
Я продала троянцам славным,
Твоим молельщикам исправным,
Дубков и сосен - строить флот.
Твоим веленьем бревна эти
Должны переходить столетья
Нетленными из рода в род.

Взгляни ж, как, недругам в угоду,
На Тибре корабли горят!
Как Турновы их жгут уроды
И нас с тобой при том костят.
Спусти им раз - Олимп подроют,
И власть твою себе присвоят,
И нас отсюда всех попрут;
Порубят лес, разроют Иду,
Меня раздавят, точно гниду,
В три шеи и тебя турнут".

"Да не тревожьтесь, пани-матка, -
Зевес с досадою сказал, -
Всех проучу я для порядка,
Чтоб Турн анафемский пропал!"
Взглянул, мигнул, махнул рукою
Над Тибром, вечною рекою, -
Все врозь кораблики пошли;
Как гуси, под воду ныряли,
Сиренами наверх всплывали
И песни дружно завели.

Перепугались аж до колик
Рутульцы от таких чудес;
Союзники махнули в поле,
Мезап удрал, за ним Талес.
За ним, как от дождя цыгане,
Махнули вроссыпь рутуляне.
Лишь Турн не захотел бежать.
Он перенять старался войско,
Чтоб, побалакавши по-свойски,
Им чудеса растолковать.

"Ребятушки, - кричал, - постойте,
То ж милость божия для нас;
Откиньте страх, напор удвойте,
Пропал троянский лоботряс.
Чего огнем мы не спалили,
То боги в Тибре утопили,
Теперь троянцы в западне.
Живьем в могилу их спровадим,
Им похороны враз наладим,
То воля Зевса, верьте мне".

Но велики у страха очи,
Вояки перли, кто как мог.
Назад вертаться не охочи,
Неслись вперед, не чуя ног.
Лишь Турн у берега маячил
Один, как перст, едва не плача.
Потом огрел коня хлыстом,
Шапчонку на глаза насунул,
Во все лопатки в лагерь дунул,
Аж закрутил конек хвостом.

Троянцы из-за стен глумились
Над тем, как враг их тягу дал,
И чудесам морским дивились;
К добру всяк чудо толковал.
Но Турну все ж не доверяли,
Закон войны троянцы знали:
Ввязавшись в драку, не плошай!
Хоть враг бежит - остерегайся,
На хитрости не поддавайся,
Промажешь раз - тогда прощай!

На башнях к ночи караулы
Удвоили, огни зажгли,
Чтобы коварные рутулы
Во тьме троян не обошли.
В обозе Турна тихо стало,
Лишь кой-где изредка дрожало
Мерцанье дальних огоньков.
Рутульцы вылазки не ждали
И, крепко клюкнув, мирно спали.
Оставим же их в царстве снов.

У главной башни в карауле
Стояли Низ и Эвриал;
Не кланялись ребята пуле,

Не страшен был им и кинжал.
Хоть в них текла не кровь троянов,
А так, каких-то басурманов,
Но славно бились казаки.
Хоть шли к Энею по вербовке,
Но в службе, в боевой сноровке
Собаку съели земляки...

"А что, если, собравшись с духом,
Пролезть тайком в рутульский стан?
Шептал Низ Эвриалу в ухо. -
Вот кашу заварил бы там!
Теперь все дрыхнут с перепою,
Не дрыгнет ни один ногою,
Хоть перережь их всех подряд.
Я думаю туда спуститься,
Перед Энеем отличиться,
Порезать сотню, как курчат".

"Как? Ты один? Меня оставишь? -
Спросил у Низа Эвриал. -
Нет! Прежде ты меня удавишь.
Чтоб я от земляка отстал!
Нет, братец, не таков я сроду.
С тобою и в огонь и в воду.
Был правой гетманской рукой
Мой батька, памяти блаженной,
Оставил он завет бесценный:
Умри на поле, как герой".

"Пожди да пальцем в лоб потыкай, -
Низ другу верному сказал, -
Не все вперед, назад взгляни-ка.
Ум с лихости ты потерял.
Иль ты забыл про мать родную?
Иль хочешь бросить, как чужую?
Всей жизнью ты обязан ей.
Одна оставшись, без приюта,
Она погибнет в горе лютом,
Таскаясь меж чужих людей.

Вот я - так чисто сиротина,
Расту как на меже горох;
Без мамы, без отца детина,
Эней - отец, а мама - бог.
Дерусь не за свою отчизну,
Никто по мне не справит тризну,
Зато хоть славу заслужу.
Тебя же долг сыновний вяжет,
Погибнешь ты - мать в землю ляжет.
Живи на радость ей, прошу".

"Разумно, Низ, ты рассуждаешь,
Про службу только, жаль, молчишь;
Сам чин по чину все справляешь,
А мне совсем не то твердишь.
Нет, брат, для общего порядку
Забудь отца, жену и матку,
Лети повинность исправлять;
Так мы Энею присягали,
И, коли службе жизнь отдали,
В ней не вольна родная мать".

"Согласен!" - Низ вскричал, обнявшись,
Как с братом, со своим дружком,
И в ратушу, за ручки взявшись,
Друзья отправились тишком.
В тот час Иул рядил с панами,
Как завтра в бой итти с врагами,

Да чтоб никто не сплоховал.
Как вдруг явилися к Иулу
Два земляка из караула,
И Низ всей братии сказал:

"Был на часах я с Эвриалом,
Мы с ним следили за врагом:
Огни погашены за валом,
Рутульцы дрыхнут мертвым сном.
Я знаю, как тропой укромной
Среди рутульцев ночкой темной
Прокрасться, не тревожа стан,
И мигом донести Энею,
Что Турн со всей ордой своею
Прет на троянцев, как шайтан.

Прошу приказа, чтоб удачи
Нам с Эвриалом попытать,
Мы к утру, так или иначе,
Энея сможем повидать". -
"Есть доблесть и в лихое время!
Знать, не пропало наше племя!" -
Троянцы в голос завели.
Потом с друзьями обнимались,
Благодарили, целовались
И ковш горилки поднесли.

Иул, как общих дел рачитель
(Не зря он сын Энея был),
Взял меч, что звался "Победитель",
И Низу на бок нацепил.
Для милого же Эвриала
Иул не пожалел кинжала,
Что батька у Дидоны взял.
Потом сулил за их услугу
Земли, овец, зерна, два плуга,
Чинов больших наобещал.

В тот час, как Эвриал прощался,
Ему двадцатый шел годок;
Еще и ус не пробивался,
Лишь под носом чернел пушок;
Но был уже он добрый воин,
И славы громкой удостоен,
И славу эту заслужил;
Все ж, как пришлось ему прощаться
Да с матерью родной расстаться,
И этот кряж слезу пустил.

"Иул Энеевич! Не дайте
Изведать матери нужду.
Прошу: ее не оставляйте,
Коль попадет она в беду,
И защищайте от обиды;
Вы сами видывали виды
И помните, кто жизнь вам дал.
За вас охотно умираю
И вам я мать препоручаю", -
Так молвил нежный Эвриал.

"Не бойся, Эвриал любезный, -
Иул ему тотчас в ответ, -
Ты служишь нам не бесполезно,
Тебе ни в чем отказа нет.
Не стыдно мне назваться братом;
Мать одарю, поверь, богато;
Во всем клянусь ей угодить;
Дам ей одёжу и квартиру,
Пшена, муки, яиц и сыру -

По смерть в довольстве будет жить".

Друзья, простясь на всякий случай,
Отправились в рутульский стан.
Как раз и месяц скрылся в тучи,
На поле пал густой туман.
Уж время близилось к полночи;
Враги храпели что есть мочи.
Вояк сивуха развезла;
В беспечности тревог не знали,
Кто где одежду раскидали,
Ни от кого не чая зла.

И часовые на мушкетах
Заснули, позабыв приказ;
Храпели пьяные в пикетах,
Тут их застал последний час!
Друзья к рутульцам подступили,
Всех часовых передушили,
И Низ товарищу сказал:
"Ну, быть здесь нынче славной бане,
Ты проследи, что будет в стане;
Смотри, чтоб нас кто не поймал".

Сказав так, первому Раменту
Низ голову по плечи снял.
В один замах, одним моментом
Ко всем чертям навек послал.
Раменту ворожить случалось,
Кому и сколько жить осталось,
А вот себе не нагадал.
Так часто мы другим толкуем
Судьбу их, а своей не чуем,
Всяк ворожей таких видал.

А после Ремовых героев
Низ кряду всех передушил.
Всех блюдолизов, ложкомоев
И в пух и в прах он размозжил,
Потом и Рема доискался;
Тот было малость побрыкался,
Но недолга у Низа речь:
Сгреб за бороду супостата
И враз горшок его косматый
Оттяпал от широких плеч.

Вблизи Серран шатер раскинул,
Низ на него и набежал;
Серран едва кафтан свой скинул
И первым сном блаженно спал.
Низ размахнулся что есть духу
И саблей полоснул по брюху.
Серран встал сразу, точно рак:
Меж ног он ткнулся головою,
А зад поднялся вверх горою;
Фигурно кончил дни бедняк!

Пока с врагами Низ возился,
Не отставал и Эвриал:
Он также к сонным подмостился
И на тот свет их отправлял.
Пришлось ему занятье впору,
Он резал спящих без разбору,
Лютуя, как в овчарне волк;
И выборных, и назначенских,
И городских, и деревенских
Порезал чуть не целый полк.

Попался Ретус Эвриалу -

Он не совсем еще заснул;
От Турна возвратившись с бала,
Горилки чарочку глотнул
И только подремать собрался,
Как Эвриал к нему подкрался,
Бедняге в рот кинжал воткнул
И к полу приколол без спросу,
Как девка цветик вешний в косу.
Вмиг Ретус душу изрыгнул.

Наш Эвриал остервенился,
Забыв, что с донесеньем шел,
К Мезапу чуть не закатился.
Тут, верно, смерть бы и нашел,
Да Низа встретил ненароком,
И Низ, хоть в раже был жестоком,
Все ж земляка попридержал:
"Довольно кровь пускать покуда,
Смотри, чтоб не было нам худо", -
Так Эвриалу Низ сказал.

Как волк овец нещадно душит,
Попав в овчарню вечерком,
Как хорь башки курчатам сушит,
Высасывая мозг тишком;
Как ловкий монастырский служка
Или монашенка-вострушка,
Пока спят в хатах мужики,
Гусей и уток прут без крика,
Полакомиться в пост великий,
Что делывают и дьяки, -

Так наши смелые вояки
В молчанье проливали кровь,
От крови покраснев, как раки,
За княжью честь и за любовь.
Где к родине любовь вскипает,
Там сила вражья отступает,
Там груди крепче медных лат.
Там жизнь - алтын, а смерть - копейка;
Там не страшна судьба-злодейка;
Казаку там сам чорт не брат.

Низ в паре с верным Эвриалом
Рутульцам дали бой лихой.
Земля от крови набухала,
Здесь оробел бы пан любой.
Но наши по крови бродили,
Как будто хоровод водили,
Все метя выйти на простор:
Чтоб поспешить скорей к Энею,
Похвастать храбростью своею
И Турнов описать напор.

Уже из лагеря счастливо
Убрались наши смельчаки;
Налет им удался на диво,
Обрадовались земляки.
Из тучи месяц показался,
И над землей туман поднялся -
Все предвещало добрый путь.
Как вдруг Волсент шасть из долины,
И с ним латинские дружины.
Беда! Как нашим ускользнуть?

Троянцы к лесу дали тягу,
Неслись быстрее гончих псов,
Чтобы опушкой по оврагу
Уйти живыми от врагов.

Так пара горлинок невинных
Летит в лесок из мест равнинных,
Страшася кобчика когтей.
Но зло назначено судьбою,
Оно крадется за тобою,
Не скроешься за сто морей.

Враги до леса проследили
Отважных наших забияк,
Лес часовыми окружили,
Чтоб не уйти парням никак;
Потом, рассыпавшись по лесу,
Поймали одного повесу
То был бедняга Эвриал.
Когда он недругам попался,
На иву Низ тотчас взобрался
И к толстому суку припал.

Он видел с ивы Эвриала,
Глядел, как тешились враги;
Печаль на части сердце рвала,
Кричит Зевесу: "Помоги!"
Копье стальное направляет,
В латинцев прямо посылает,
Сульмону грудь насквозь пронзил.
Сульмон на месте закружился,
Как сноп на землю повалился
И дух греховный испустил.

Вслед за копьем стрела взмывает
И прямо Тагу бьет в висок;
Душа из Тага вылетает,
Он трупом падает в песок.
Волсент, утратив эту пару,
Клянет неведомую кару
И в ярости, как вол, ревет:
"За кровь Сульмонову, за Тага
Умрешь, проклятый упыряга,
К чертям твоя душа пойдет!"

Он бросился на Эвриала,
Чтобы ударить палашом;
Тут храбрость Низова пропала,
И сердце стало кулешом.
Несется, воет что есть силы:
"Творишь пеккатум, фратер милый,
Морс неповинному несешь.
Я стультус, лятро и негодник,
Неквиссимус и греховодник,
Стой! Кровь невинную ты льешь!"

Но, замахнувшись, не сдержался
Волсент, и Эвриал пропал.
Кочан с казацких плеч сорвался,
Язык невнятно бормотал.
И щек румяна побелели,
И уст кораллы посинели,
И сморщен белой кожи шелк;
Закрылись огневые очи,
Покрылись тьмою вечной ночи,
Навеки голос милый смолк.

Низ, труп увидя Эвриала,
От ярости осатанел;
Пошел чесать как ни попало,
К Волсенту не бежал - летел.
Как молния пронзает тучу,
Так, раскидав латинцев кучу,
Низ на Волсента наскочил;

Схватил за чуб одной рукою,
Меч в сердце засадил другою
И душу с телом разлучил.

Как искра, порох поджигая,
Дотла сгорает вместе с ним,
Так Низ, Волсентия кончая,
Не смог остаться сам живым.
Латинцы мигом Низа смяли,
Едва в клочки не разорвали
И сняли голову долой.
Так с жизнью распростились други,
Немаловажные заслуги
Оставя в мире за собой.

Латинцы ж кольев нарубили,
Связали крепко по концам,
На них Волсента положили
И понесли к своим полкам.
Да заодно с собой забрали
И головы, что сами сняли,
Сложив, как пару дынь, в мешок.
В рутульском лагере латинцы
Нашли троянские гостинцы
Из туш, печенок и кишок.

Едва восток зарей зарделся
И плошка Фебова взошла,
Как Турн уж досыта наелся,
Взялся за ратные дела,
Велел тревогу бить в клепало,
Чтоб в поле войско выступало
Троянцам отплатить с лихвой
За их ночное нападенье;
Для пущего же устрашенья
Взял головы троян с собой.

Меж тем троянцы в эту пору
Сидели в крепости своей:
Так прячутся мышата в нору,
Чтоб избежать кота когтей.
Но дать отпор готовы были
И до последнего решили
Свою свободу защитить,
За Трою новую сражаться,
Ни в чем рутульцам не поддаться
И Турна навек осрамить.

При первом же наскоке Турна
Так шуганули от ворот,
Что Турну ажно стало дурно
И разом подвело живот.
Тогда со злобы и досады
Он приказал вблизи ограды
Пред валом высоко взметнуть
Две головы ночных героев,
На жерди острые пристроив,
Чтобы троянцев припугнуть.

Троянцы сразу отгадали,
Чьи это головы торчат,
И слезы в горе проливали,
Лишившись этаких ребят.
Жестокое увидя дело,
Троянство сильно заскорбело.
Всех думка смутная взяла.
А мать, когда о всем дозналась,
Едва с душою не рассталась,
Вся сразу так и обмерла.

Потом о землю грудью билась
И с горя волосы рвала,
Щипалась, выла и бесилась,
Сыночка милого звала;
Помчалась с воплями вкруг вала,
Когда же голову узнала
Родного сына Эвруся,
Так на валу и распласталась,
Вопила, плакала, металась,
Визжала, словно порося,

И диким голосом завыла:
"Сыночек! Свет моих очей!
На то ль тебя я породила,
Чтоб сгинул ты от злых людей?
И чтобы мать свою седую,
Забросивши в страну чужую,
Навеки здесь осиротил?
Моя ты радость и отрада,
Моя защита и ограда,
Меня всегда от бед хранил.

Теперь к кому мне приклониться?
Кто злую долю облегчит?
За кем от лиха схорониться?
Никто за мной не приглядит.
Теперь прощайте все поклоны,
Что получала в годы оны
От вдов, дивчат и молодиц
За брови темные собольи,
За очи ясные сокольи:
Он был охоч до вечерниц.

Хоть тем бы облегчить кручину,
Чтоб тело милое обмыть
И, как положено по чину,
В могилу с миром проводить.
О боги! Как вы допустили,
Единственного чтоб убили
И выставили на колу
Его казацкую головку;
Весь мир вертите, как мутовку,
Один конец добру и злу.

А вы, что Эвруся сгубили,
Чтоб ваш пропал собачий род!
Чтоб ваши ж дети вас побили,
Чтоб в чреве погибал ваш плод!
Зачем не зверь я, не тигрица,
Не бешеная я волчица,
Чтоб мне рутульцев растерзать,
Чтоб сердце вырвать с требухою,
Упиться вдосталь кровью злою,
Чтоб вражьи кости изглодать?"

Плач матери и причитанья
Троян в смущенье привело,
И в час последнего прощанья
У каждого из глаз текло.
Асканий же, страдая тяжко,
В кровь губы искусал, бедняжка,
Как будто сапом занемог.
Потом, к старухе подступивши
И на плечи ее взваливши,
В землянку с вала уволок.

А там уже рокочут трубы,
Ревут свистульки и рога,

Вопят, брат брата лупит в зубы,
Отряды мчатся на врага.
И ржанье конское, и топот,
И крик, и гам, и вой, и ропот,
И суетня, и вопль, и звон!
Так сбитень вдруг взбурлит горячий,
Так в кабаке орет подьячий -
Хоть выноси святых всех вон.

Гей, муза, панночка честная!
Приди к поэту погостить,
Будь ласкова, моя родная,
Стишок мне помоги сложить!
Дай описать войны теченье,
Как если бы в пылу сраженья
Я свой язык на твой сменил.
Ты, сказывают, не брыклива,
Хоть стала в старости сварлива,
Прости, коль в чем не угодил.

Пожалуй, я уж провинился,
Дивчину старою назвав;
С такой никто бы не любился,
Не чая ветреных забав.
Ох! Музочек подобных бездна
Во всяком городке уездном!
Они покрыли б весь Парнас.
Я музу кличу не такую, -
Веселую и молодую;
Старух лягает пусть Пегас.

Рутульцы облепили стены,
На них всползая, как жуки.
Турн, в ярости пуская пену,
Кричал: "Дружненько, казаки!"
Но и троянцы не зевали,
Как псы на стенах лютовали,
Рутульцев плющили, как мух,
Бросали сверху в них каменья,
Творя такое избиенье,
Что у рутульцев падал дух.

Турн, покомандовав до пота
И видя, как его честят,
Как от такого переплета
У рутулян хребты трещат,
Велел свезти из маслобоен,
А также и из воскобоен,
Все деревянные долбни.
Тут воскобойники примчали,
Долбней до чорта натаскали,
Аж гул стоял от их возни.

Долбни пристроив, как тараны,
По воротам открыли бой.
Трещали створки. Басурманы
Понавалились всей гурьбой.
Турн сам рутульцам помогает,
Тараны метко направляет,
Торопит рушить ворота.
И вот конец... Качнулись, пали!
Троянцев под собой подмяли,
Смятенье, грохот, суета.

Троянцам худо. Всюду беды.
А муза шепчет: "Не страшись,
Рутульцам не видать победы,
В чужую драку ты не рвись".
Троянцы, напрягая жилы,

Пролом в минуту заложили
И грудью стали пред врагом.
Рутульцы бесом извивались,
Вперед, как бешеные, рвались,
Но так и не прошли в пролом.

Среди троянцев был пригожий
Неустрашимый Геленор,
С ним Лик - косматый, краснорожий
Драчун, обжора из обжор.
Им нипочем любое горе,
Обоим по колено море,
Раз плюнуть - головы рубать.
Давно уже они смекали
И лишь минуты доброй ждали,
Чтобы рутульцам таску дать.

И вот, в радении великом,
Кафтаны поскидав долой,
Пан Геленор с мордастым Ликом
Сквозь вой и гром рванулись в бой;
Рутульцам под бока совали
И сдачи вдосталь получали.
Досталось всем тут по шеям.
А Лик особо отличился:
Он к Турну ловко подмостился
И двинул смаху по зубам.

Но Турн был сам лихой рубака,
Он Лика сбил в единый мах;
И вот троянский забияка
У Турна кончился в ногах.
Потом, круша всех без разбора,
Так отлупил он Геленора,
Что тот на месте околел.
Рутульцев это подбодрило
И так сердца их взвеселило,
Что и трусливый осмелел.

На стены снова навалились,
Гурьбою кинулись на вал;
Как псы, троянцы обозлились,
Рутульцев били наповал.
Осатанели все от злости:
Трещали ребра, скулы, кости,
Как будто ураган прошел;
Кто раком лез, кто лег на брюхо,
Кто зубы потерял, кто ухо,
Кто бил, кто резал, кто колол.

В сердцах отвага закипела,
Ярился каждый, свирепел,
Душа от битвы захмелела,
Всяк силу показать хотел.
Лигар, кроша врагов, с разгона
Пришиб дубиной Эмфиона
И сам навеки тут же лег.
Лютеций бил Илионея,
Циней Арефа, тот Цинея,
Кто как умел и кто как мог.

Один рутульский воевода,
Что звался Ремул, Турнов сват,
Хвастун и дурень от природы,
Все сдуру делал невпопад.
До всякой похвальбы охочий,
Он принялся что было мочи
Перед троянцами орать:
"Ага, проклятые поганцы,

Скоты, пройдохи, голодранцы!
Пришло вам время пропадать!

Мы вас отучим, супостаты,
Морочить девок, вдов губить,
В чужих владеньях ставить хаты,
Не по своим углам блудить.
Вишь, рты поразевали сдуру
На каравай чужой. Вам шкуру
Мы спустим, вышибем вам дух,
Давайте вашего повесу,
Я вмиг его отправлю к бесу
И раздавлю вас всех, как мух!"

Иул Энеевич услышал
Поток тех пакостных речей,
Надулся весь, к рутульцу вышел
И, полыхнув огнем очей,
За камешком тотчас нагнулся,
Глазок прищурил, размахнулся
И по лбу Ремула как хвать!
Хвастун на землю повалился,
Иул душой возвеселился,
Троянцев дух стал оживать.

И снова свалка закипела,
Лупили в лоб и со спины,
На землю требуха летела,
Трещали кости и штаны.
Все разъярились свыше меры,
Дрались на разные манеры,
Кто чем попало, тем лупил,
Поднялся писк, стенанья, охи,
Враги скакали, точно блохи,
И всякий грыз, щипал, душил.

Служили у троян два брата,
Собою каждый Голиаф -
Широкоплечий, дубоватый,
И длинноногий, как жираф.
Один брат звался Битиасом,
Был ростом вровень он с Тарасом,
Что Кочубею услужал;
Другой братан Пандаром звался;
Он высотой с версту казался,
Но, как верблюд, был тощ и вял.

Сначала братья-исполины
В бою стояли у ворот,
Держа тяжелые дубины,
Обороняя в крепость вход.
Потом они поприседали,
Троянцы ж будто отступали,
Подманивали рутулян.
Незащищенные ворота
Увидя, Турнова пехота
Рванулась в крепость на троян.

Но только сунется кто в город,
Того сейчас же всмятку бьют;
Моментом вырос тел пригорок,
Братаны кровь нещадно льют.
Рутульцы в воротах толпятся,
Как колос под серпом ложатся;
Свистя, как на гумне цепы,
Две исполинские дубины
Долбили головы и спины,
Всех молотили, как снопы.

Турн, увидав такое дело,
От ярости осатанел
И, задрожав, как лист, всем телом,
К своим на помощь полетел.
Моментом в крепость протолкался
И всех подряд тузить принялся,
Кто только под руку попал:
Убил Афидна и Мерона,
Стремясь туда попасть с разгона,
Где Битиас рвал и метал.

С наскоку треснул булавою,
Троянский великан упал,
Уткнулся в землю головою,
Аж крепость всю заколыхал.
Ревет, и душу испускает,
И воздух громом наполняет.
На всех напал великий страх!
Не спас ни рост, ни мощь десницы,
Пропал верзила, как мокрица!
И исполин есть червь и прах!

Пандар, увидя гибель брата,
Смешался, струсил, духом пал
И от лихого стратилата
Как мог быстрее побежал.
Через плетни, как ветер, мчался,
Меж куренями пробирался
И, чтоб от Турна увильнуть,
Ворота заложил камнями,
Колодами, большими пнями,
Хотел от боя отдохнуть.

Но как же бедный удивился,
Увидя недруга в стенах;
Он поневоле ободрился
И позабыл недавний страх.
"Что, висельник, теперь попался!
Незваный в гости навязался, -
Пандар на Турна закричал, -
Пожди, тебя я мигом вздую,
Из тела выбью душу злую,
Довольно ты попановал!"

Турн отвечает: "Час расплаты
Настал! И здесь я неспроста.
Как я хлещу - спроси у брата,
Коломенская ты верста".
Тут камень великан хватает
И в Турна, обозлясь, кидает,
Махнул бы Турн навеки в ад!
Но тут Юнона подоспела,
Собой прикрыла Турна тело,
И камень полетел назад.

Турн, чуя помощь в обороне,
Бодрится, прыгает, орет
И, про себя молясь Юноне,
Пандара по лбу смаху бьет,
Одним ударом с ног сшибает,
До мозга череп разбивает, -
Последний гибнет великан!
Потеря эта устрашила
И ужасом сердца смутила
У самых доблестных троян.

А Турн удачей ободрился,
Направо и налево бил,
Как раненый кабан ярился

И без пощады всех косил.
Рассек на части Филариса,
В лепешку растоптал Галиса,
С плеч голову Крифею снял,
Лупил и под бока и в рыло.
Всех ярость Турна устрашила,
Никто с ним биться не дерзал.

Уже троянцы помышляют,
Куда б из крепости удрать,
Тайком пожитки собирают,
Чтобы скорее тягу дать;
Но тут обозный генеральный,
Муж сановитый и начальный,
Серест по имени, вскричал:
"Куда? Иль раньше вы слыхали,
Чтобы троянцы удирали?
Нет! Этого наш род не знал!

Один головорез лютует,
Кой-кто уже бежать готов,
Ужель рутулец отлупцует
Таких отборных молодцов?
Что скажет свет про нас, трояне,
Что мы бродяги-басурмане,
Что испугались мы врагов,
А князь наш бедный что помыслит?
Ведь он за воинов нас числит,
Что верны доблести отцов.

Сверитесь, Турна окружите,
Не сто раз в жизни умирать;
Гуртом, гуртом его берите,
Пришло скотине пропадать".
Троянцы мигом спохватились,
На Турна скопом напустились;
Турн, в переплет такой попав,
Вилял, хитрил и увивался,
До Тибра кое-как добрался,
Бух в воду! - и пустился вплавь.

Часть шестая

Зевес повел всердцах усами,
Олимп, как лист, затрепетал,
Мигнула молния с громами,
По небу ураган промчал.
Богини, боги, полубоги,
Простоволосы, босоноги,
Сбежались вмиг со всех концов.
Юпитер, гневом распаленный,
Беснуясь, как умалишенный,
Кричал, как псарь на гончих псов:

"Вы долго будете беситься,
Перед людьми Олимп срамить?
Друг перед другом петушиться,
Меж смертных драки заводить?
Так разве делают по-божьи?
Вы на сутяжников похожи,
Что рады мордовать людей;
Всех с неба разом посшибаю,
Всех беспощадно покараю
И прикажу пасти свиней.

А вам, олимпские сударки,
Вертушки, вруньи, всем, как есть,
Поставлю веником припарки,
Чтоб дней пяток ни лечь, ни сесть.
Олимпа вам, как видно, мало;
Вы до людей, как кот до сала,
Как грек до нежинских колбас.
Чрез ваши сводни, шашни, бредни
Лишаюсь в храме я обедни;
Все беды на земле от вас.

Вот упеку вас на работу,
Запру вас в сумасшедший дом.
Повыбьют там из вас охоту
Везде устраивать содом.
А для богинь я средство знаю,
Я их иначе покараю -
На Запорожье в Сечь пойдут:
Там вас не очень уважают,
Бабенок на табак меняют,
Там дрыхнут днем, а в ночь крадут.

Не вы народ мой сотворили,
Вам не создать и червяка;
Зачем же вы людей дразнили,
Чужие шарпали бока?
Клянусь моею бородою
И Гебиною пеленою -
Лишу чинов, отдам в рабы
Любого, кто в войну вотрется;
Пускай с Энеем Турн дерется,
Храните-ка свои чубы".

Была Венера жинкой смелой,
Она с военными жила -
И отбивные с ними ела
И по трактирам пунш пила;
Частенько на соломе спала,
В шинели серой щеголяла,
Тряслась в походах на возке;
Манишки для штабных стирала,
Горилку с перцем продавала,
И в зной и в холод налегке.

Венера - по-драгунски - смело
Рукой под козырек взяла,
Отца богов очами ела
И речь такую повела:
"О мой родитель величавый!
Я мысли не таю лукавой,
Тебя не проведет никто;
Ты землю оком озираешь,
Другим за нами наблюдаешь,
Ты знаешь, где, и как, и что.

Ты знаешь, для чего троянцев
Злым грекам попустил побить;
Энеевых же голодранцев
Ты судьбам не велел губить;
Ты знаешь лучше всех причину,
Зачем Эней приплыл к Латину,
Зачем у Тибра он осел.
Что словом ты определяешь,
Того вовек не отменяешь, -
Откуда ж Турн сюда поспел?

И что такое Турн за птица,
Что на тебя ему плевать?

Кто проклял бедного фригийца,
Чтоб всякий мог его щипать?
Твои б веленья исполнялись,
Когда бы боги не совались,
Не стравливали бы людей.
Тебя они и знать не знают,
Нарочно Турну помогают,
За то, что внук тебе Эней.

Троянцев бедных и Энея
Кто только нынче не пугал;
Терпели горше Прометея,
Что огонька на трубку взял.
Нептун с Эолом мокроносым
Такого задали им чесу,
Что до сих пор бока болят;
Другие ж боги, сам ты знаешь,
Коль воле их не помешаешь,
Энея заживо съедят.

О Зевс! О мой отец родимый!
Не мучай дочери своей;
Спаси народ ты мой любимый,
Творение руки твоей.
Коль надо покарать кого-то,
Карай меня. Как мать - с охотой
Все вытерплю я за детей!
Услышь Венеру! Кто не грешен?
Тобою всякий был утешен,
Вели, чтоб здравствовал Эней!"

"Молчи ты, дерзкая болтунья! -
Юнона злобно верещит. -
Кривляка, потаскуха, врунья!
Как дам раза - чепец слетит.
Ты смеешь языком змеиным
Меня чернить пред властелином,
Чтоб поселить меж нас разлад;
Ты за кого ж меня считаешь?
Как будто, сучья дочь, не знаешь,
Что мне Зевес - и муж и брат?

А ты, Зевес, тебе не стыдно,
Что пред тобою дрянь и прах
Болтает о богах ехидно,
Судачит о твоих делах?..
Какой ты света повелитель
И олимпийский предводитель,
Коль не найдешь для мерзкой слов?.
Цитерская пройдоха, шлюха,
Сквернавка, сводня, потаскуха
Тебе дороже всех богов.

Давно ли, с Марсом их накрывши,
Вулкан юбчонку ей задрал
И, розгой славно отлупивши,
Как сучку на цепи держал.
Ты, верно, этого не знаешь
И с честными ее равняешь,
Все для нее исполнить рад.
Она и Трою разорила,
Она Дидону погубила:
И все ей, дряни, не в наклад.

Где эта шлюха побывала,
Там всюду свары, драки, брань;
Земля счастливою бы стала,
Кабы пропала эта дрянь!
Через нее Латынь восстала

И на троян ее напала
И Турн с Энеем на ножах.
Я в год бы не пересчитала,
Чего она навытворяла
И на земле и в небесах.

Теперь же, как дошло до дела,
Сквернавка, натворив беды,
Все б на меня свалить хотела,
Сухой чтоб выйти из воды.
Наивничает, как Сусанна,
Никем не тронутая панна,
Что в хуторе жила весь век.
Засохни с бабкою твоею!
А я уж покажу Энею...
Богиня я! Он - человек".

Венера брани не стерпела,
Юнону принялась костить, -
И перепалка закипела,
Святых аж впору выносить.
Богини в гневе - те же бабы,
В башке у них заклепки слабы,
С досады лишнее сбрехнут,
Как перекупки загорланят,
Друг друга руганью поганят,
Весь род неистово клянут.

"Да цыц вы, чортовы сороки! -
Юпитер грозно закричал. -
Обеим нахлещу я щеки,
Чтоб вас, калашниц, чорт побрал!
Не буду вас карать громами -
Вот всыплю каждой батогами
Да подмести Олимп велю;
Я вас в момент утихомирю,
Заставлю жить со всеми в мире,
Раздоров я не потерплю.

Нишкните, уши навострите
И слушайте, что вам скажу;
Молчать, болтуньи, рты заткните,
Кто пискнет - морду размозжу.
Промеж латинцев, и троянцев,
И всяких Турновых поганцев
Никто не суйся. Их войскам
Не помогайте, не мешайте,
Князьков их также не замайте,
Всяк пусть, как может, бьется сам".

Умолк Зевес, повел бровями,
И боги прыснули вразброд.
И я прощаюсь с небесами,
Пора на землю, на народ.
На шведском стану я кургане -
Все огляжу в военном стане, -
Чтоб верно битву описать;
Купил бы музе я на юбку,
Чтоб приманить к себе голубку
Помочь мне рифмы подыскать.

Турн, высохнув после купанья,
Анисовки хлебнул меж дел
И, выйдя из шатра, в молчанье
На крепость сентябрем глядел.
Но рог трубит! И вновь тревога!
Бегут гурьбой тысяченогой;
Вновь сеча, кровь багрит тела;
Полки троянцев славно бились,

Рутульцы тоже не ленились,
Насилу ночь их развела.

Эней с дружиной приближался
В ту ночь к местам, где бой кипел,
В челне с Паллантом угощался,
Поил старшин, смеялся, пел,
Своими чванился делами,
Брехал, как он с людьми, с богами
Сражался, как их лупцевал.
Паллант и сам мог врать изрядно,
Язык его молол нещадно,
В брехне Энею он не сдал.

А ну, седая царь-девица,
Старушка муза, подтянись!
Взбодрись, беззубая сестрица,
Ко мне поближе примостись!
Окинь своим орлиным взглядом
Всех, кто плывет с Энеем рядом,
Чтоб против Турна воевать;
Ты, говорят, во всем смышлена,
В полтавской школе обучена,
Должна всех поименно знать.

И вот что нашептала муза:
С Энеем вместе плыл Массик,
Детина ражий, толстопузый
И толстомясый, словно бык.
С ним рядом плыл Тигренко бравый,
Шинкарь и плут из-под Полтавы;
Он сто ярыг с собою вез.
Близ них плыли дубы Аванта,
Он был строжайшим из сержантов:
Чуть что - и кулачищем в нос!

Поодаль плыл челнок Астура,
Что в кабаках весь век прожил,
На нем была свиная шкура,
Ту шкуру он как плащ носил.
За ним Азиллас плыл на барже,
Он родич нашей пономарше;
Был с голодухи еле жив,
Ан глядь - Фортуне приглянулся,
Стал паном, спесью весь надулся,
Таких немало видим див!

А там, на легоньком дубочке,
Что весь разубран в пух и прах,
Лежал в расстегнутой сорочке
С турецким чубуком в зубах
Цинарис - атаман картежный,
Фигляр, обманщик, плут безбожный,
С собой сплошь жуликов ведет;
Коль с Турном он не совладает
Мечом, так в карты обыграет,
И по миру князек пойдет.

А вон, укрывшись епанчою,
В очках и с книгою в руках,
Пан Купавон перед толпою
Судачит о своих правах.
Он слыл повсюду за юриста
И чин имел канцеляриста.
Из Глухова был родом он
И, на войне чтоб поживиться,
А кстати и чинов добиться,
Вступил в Энеев легион.

А вон сидит ворчун сварливый,
Беззубый, тощий как скелет,
Невзрачный, лысый, говорливый -
То выкрест и брехун Авлет.
Он во второй раз поженился,
Да, глядь, опять в расчетах сбился
И сызнова впросак попал;
Чтобы от бабы отвязаться,
Пришлось в солдаты записаться,
Где, послужив, шпионом стал.

Еще там есть до полдесятка
Челнов со всякой мелкотой;
В ней никогда нет недостатка,
Хоть бьют их много, что ни бой.
А точно сколько всех - не знаю,
Хоть муза, - а не отгадаю,
По пальцам тоже не сочту;
На счетах сроду не училась,
С реестрами я не возилась,
Что вижу, то вам и плету.

Уже Стожар меж звезд поднялся,
Уже и книзу повернул.
Кто под скамейкой спать собрался,
А кто под буркою уснул.
Иные меж собой болтали
Или онучи полоскали.
Начальствующих в войске лиц
Не видно было. Все убрались
Домой и там за трубку взялись,
Разлегшись боком, навзничь, ниц.

Эней один не раздевался,
Эней один за всех не спал -
Все думал, все смекнуть старался,
И так и этак мозговал,
Чтоб Турну закатить горячих,
Царя Латина околпачить,
Угомонить его народ.
Так, в думах смутных изнывая,
Бог знает мыслью где летая,
Вдруг видит дивный хоровод.

Не рыбы плыли то, не раки,
А так, как бы кружок дивчат;
В воде плескались, как собаки,
Мяуча, как семья котят.
Эней, дрожа и отступая
И "Да воскреснет" вслух читая,
Нимало делу не помог.
Чудесницы гурьбой веселой
Хватали за мотню, за полы.
Эней на палубу прилег.

Тогда одна из них скакнула,
Как бы блоха или сверчок,
И к уху самому прильнула;
Эней услышал голосок:
"Не бойся, злого не затеем,
Не раз с персоною твоею
Троянский мы возили род;
Аль нас не узнаешь, сердешный?
Мы тот сосняк, дубняк, орешник,
Из коих твой построен флот.

Турн было и до нас добрался,
Едва не все челны спалил,
Да старичок Зевес вмешался

И нас в русалок обратил.
Тут без тебя вершилось злое,
Чуть-чуть дитя твое родное
Души не отдало богам.
Спасай троянцев от напасти;
Врагов ты должен рвать на части,
Ты сам, - поверь моим словам".

Так молвив, за нос ущипнула
Энея, чтобы ободрить,
Русалочкам хвостом махнула,
Вперед быстрей велела плыть.
Русалки челноки толкали,
Дорогой наилучшей гнали.
И только начался восход,
Эней узрел свой стан в осаде
И крикнул в гневе и досаде,
Что Турну вспорет он живот.

Потом, рукой мотню сжимая,
Богов олимпских помянул
И, мать на помощь призывая,
Без страха в воду сиганул.
За ним Паллант, за ним вся сволочь
Прыг-прыг с челнов Энею в помощь,
И строятся рядами в бой.
Эней кричит: "Вперед, пехота!
Неверных сокрушим с налета,
Налево марш, вали за мной!"

Когда троянцы увидали,
Что князь на помощь к ним спешит,
За вал всем скопом побежали -
Земля от топота гудит.
Летят и все уничтожают,
Как мух рутульцев убивают;
Турн встал средь поля сам не свой;
Глазами битву озирает,
Истошным голосом взывает:
"А ну, ребятушки, за мной!

Коль в драку влезли - не виляйте.
Настал великой битвы час!
Дома, детей и жен спасайте,
Все, все, что дорого для вас!
Не отдадим ни пяди даром,
Ответим на удар ударом.
Ужели мы трусливей их?
Нам боги милость предвещали,
Вперед! Уже троянцы сдали,
Не милуйте боков чужих".

Приметя суетню во флоте,
Турн войско к берегу ведет
И, ерзая, как чорт в болоте,
Знай о поживе всем поет.
Рутульцев выстроил рядами,
А сам с отборными полками
Он на троян пустился вскачь;
Кричит, коня на месте крутит,
Не рубится, а как бы шутит,
Вертляв, как чорт, к тому ж силач.

Эней был сам лихой рубака,
Кровавый бой ему не нов.
Затейщик первый всякой драки,
Медведей видел и хорьков.
Легко на огоньке обжечься,
Но не впервой Энею сечься,

Видал он всяких мастаков.
На Турна взгляд косой кидая
И на рутульцев наступая,
Без удержу крестил врагов.

Фарона первого погладил
По шее острым палашом
И в мир иной его спровадил, -
Тот покатился кувырком.
Потом Лихаса так притиснул, -
Тот рухнул наземь и не пискнул;
За ним без головы Кисей
Кулем на землю повалился;
Глядь, Фар с ним рядом очутился,
Расплющил и его Эней.

Свирепствуя в подобном роде,
Эней рутульцев потрошил
И делал из людей уродов
Иль насмерть, как ягнят, душил.
Впервые в битву вовлеченный,
Паллант кричал, как оглашенный,
Аркадян к бою побуждал,
По фронту бегал, суетился,
Как в стаде жеребец бесился,
Потел, вертелся, бушевал.

Тут Даг, рутулец прелукавый,
В Палланте видя новичка,
Хотел добыть дешевой славы,
Дать по зубам ему тычка;
Но наш аркадец изловчился,
Рутулец с жизнью распростился,
В аркадцах закипела кровь!
Один другого обгоняют,
Врагов, что камыши, ломают,
Вот истых подданных любовь!

Паллант Эвандрович с наскока
Гибсона пикою достал,
Хватил в висок над правым оком,
Гибсон, как скошенный, упал.
За этим вслед такая ж кара
И лютого постигла Лара.
Там Ретий мчит - лихой ездок!
Паллант его схватил за ноги
И двинул головой о дроги,
Аж мозг из головы потек.

Как бес ярится, злобой пышет
Агамемнона сын Талес,
Он землю топотом колышет,
Ну как бы в гневе сам Зевес;
Вокруг себя все сокрушает,
Фарет с ним в сшибке погибает,
Дух испускает Демоток,
Расплющил, как блоху, Ладона,
К Палланту подскочил с разгона,
Крича: "Сглотну в один глоток!"

Паллант - отменный молодчина -
Стоит недвижим, словно дуб,
И ждет: что там за образина
Грозит сгрести его за чуб.
Дождавшись, сколько было духу
Влепил такую сплеуху,
Талес аж вверх ногами встал.
Паллант, рутульца отвозивши,
Потом на горло наступивши,

Всего ногами истоптал.

Засим Авента хвать по заду,
Поставил раком напоказ;
И тут же, за Авентом кряду,
Заснул навек отважный Клавз.
Так лютовал, не зная страху,
Паллант, лупя рутульцев смаху,
И все аркадцы-молодцы.
Турн бедный потерял отвагу,
Увидя, что не мед, а брагу
Ему подносят храбрецы.

Потом, взбесясь, он мчит пред войском,
Ревя, как раненый кабан,
Гарцует на коне геройски,
Что там против него Полкан!
Прямехонько к Палланту мчится,
Зубами щелкает, ярится,
Не сводит глаз с его лица.
Уже и сабелькой махает,
Коню на шею припадает,
Хитрит, как кот, ловя скворца.

Паллант, как от борзой лисица,
Вильнул и полоснул мечом
Что было сил по пояснице, -
Турн дрогнул и повел плечом.
Паллант, вздохнуть не дав минуты,
Оборотясь к рутульцу круто,
Хватил что было силы в лоб.
Но Турн нимало не смутился,
Он весь кольчугою обшился,
Как шелухой турецкий боб!

Так Турн, Палланта подпустивши,
Наотмашь палицей мазнул,
Потом, за кудри ухвативши,
С коня в беспамятстве стянул.
Из раны кровь ручьем хлестала,
Глаза и губы заливала,
И череп треснул, как орех.
Как травка, скошенная в поле,
Погиб Паллант по божьей воле,
Не испытав земных утех.

А Турн победною пятою
Труп бездыханный попирал
И ладанкою золотою,
С Палланта снятой, помахал.
Потом в седло, как птица, взвился,
Над мертвым панычом глумился
И так аркадянам сказал:
"Аркадцы! Лыцаря возьмите
И в дар Эвандру отнесите
За то, что на меня восстал!"

Аркадцы, понеся утрату,
Галдеж великий завели,
Клялися учинить расплату,
Хотя бы все костьми легли;
На щит Палланта положили,
Лохматой буркою прикрыли,
Из боя выволокли в стан.
О смерти князя все рыдали,
Злодея Турна проклинали.
Но где ж троянский наш султан?

Что там за шум, за гомон слышен?

Что за смятенье вижу я?
Кто землю-матушку колышет?
Что это там за толчея?
Как буря по степи бушует,
Как яростно вода бунтует,
Когда порогами летит,
Так пан Эней по полю мчится
Палланта смерть отметить стремится,
От гнева весь дрожмя дрожит.

Бегите, гады, на опушку,
Вам больше света не видать!
Эней такую даст понюшку -
За Стиксом будете чихать.
Как бешеный, Эней крутился,
Как вол взбесившийся, озлился,
Врагов, как молния, разил.
Махнет мечом - врагов десятки
Лежат, задравши к небу пятки,
Всех встречных на куски крошил!

В запале налетел на Мага,
Как на цыпленка ястреб злой;
Пропал навеки Маг бедняга,
Пришлось сбираться в мир иной;
Он смерти, как огня, боялся,
В ногах Энеевых валялся,
Просил живьем в неволю взять,
Но пан Эней, копье пустивши
И грудь врага насквозь пробивши,
Других помчался догонять.

Поп полковой, задравши ряску,
Прочь удирал, не чуя ног;
Ему такую дал он таску,
Что тот на землю мертвым лег.
Погиб тут также храбрый Нума,
Сереста - Нуминого кума
С Тарквитом вместе доконал.
Камерта сшиб с коня лихого,
Спровадил в ад Ансула злого
И Луку пузо распластал.

Пока Эней, с земли сметая
Рутульцев, сеет смерть вокруг,
Калеча или убивая
Врагов враз по десятку штук,
Лигар с Лукуллом в таратайке
Несутся вскачь к троянской шайке,
Чтоб недруга конями смять.
Но тут к братанам смерть доспела,
Их души, вылетев из тела,
Пошли к Плутону погулять.

Вот так Эней наш управлялся
Средь полчищ злых своих врагов,
Кроша рутульцев, пробивался
В стан осажденных земляков.
Троянцы ворота раскрыли,
К чертям латинян протурили,
С Энеем, наконец, сошлись.
Здоровались и обнимались,
Расспрашивали, целовались,
А там и за винцо взялись.

Иул, как комендант исправный,
Выходит из толпы вперед
И, будучи средь войска главным,
Энею рапорт отдает.

Эней Иула выхваляет,
К груди геройской прижимает,
В уста целует молодца;
Энея сердце трепетало
И, трепеща, ему вещало,
Что сын продолжит путь отца.

В то время Зевс, зело подпивши,
Весь разомлев, припал к жене
И, морду на плечо склонивши,
Лизался, нежась в тишине;
И чтоб во всем ей быть любезным,
Сказал: "Гляди, головорезы
Спешат от Турна удирать;
Венера дрянь перед тобою,
Ей-ей, всех краше ты собою;
Всяк тянется тебя достать.

Мое бессмертие ярится,
Я жду роскошных ласк, дрожа.
Тебе Олимп и свет дивится,
Юпитеру ты госпожа.
Захочешь - все получишь сразу,
Весь мир ждет твоего приказу,
За поцелуй твой, ангелок..."
Тут стиснул так старик Юнону,
Чуть оба не свалились с трона,
И Зевс разбил себе висок.

Юнона - козырь-молодица.
Ее никто надуть не мог.
Юпитер, старая лисица,
Ей ведом вдоль и поперек.
"О свет очей, - она сказала, -
Олимпа старый подлипала,
Заткни медовых слов ручей!
Уж ты давно меня не любишь,
А только пьяный и голубишь,
Прочь убирайся, дуралей!

Что там лукавить предо мною,
Я не девчонка в двадцать лет,
Зачем морочить чепухою
Богов, людей и белый свет.
Пускай все будет так, как хочешь,
Скажи лишь, что конец отсрочишь
Для Турна, дашь ему пожить,
Чтоб мог он с батькой повидаться
И перед смертью попрощаться, -
О большем не хочу просить".

Так молвив, в муженька вцепилась,
Обняв до судорог в руках,
И с ним на лавку повалилась,
Аж свет померк у них в глазах.
Размяк Зевес, как после пару,
И, вылакав горилки чару,
На все свое согласье дал.
Юнона с ним, резвясь, играла,
Слегка подмышкой щекотала,
Так, что Юпитер задремал.

Олимпские в любую пору
И их громоразящий пан
Нагими шлялись без зазору,
Не глядя на высокий сан.
Юнона с неба улизнула,
На землю нагишом махнула,
Оделась парнем в тот же час,

Взяла в подмогу Асмодея,
Обличье приняла Энея
И прямо к Турну понеслась.

Пан Турн тогда зело гневился,
Всех приходящих в шею гнал,
Злясь, что в бою не поживился,
Энею не накостылял.
Вдруг призрак самого
Энея В одежде бедного
Сихея Явился Турна задирать.
"А ну, - кричит, - босяк лядащий,
Никчемный, пьяница пропащий,
Гей в поле, силу попытать!"

Увидел Турн перед собою
Лицо заклятого врага,
Что, измываясь, кличет к бою,
Мол, трусишь, шкура дорога!
Пан Турн, как сатана, озлился,
Холодным потом весь облился,
От гнева страшно застонал.
Теснит он призрак, тот виляет,
Стремглав от Турна удирает.
И Турн вдогонку поскакал.

Вот-вот догонит он злодея,
Вот-вот его насквозь проткнет;
Коня Турн лупит, не жалея,
Истошным голосом орет:
"Врешь, не уйдешь! Дойму скотину!
Мечом исполосую спину!
Лависи ввек тебе не знать;
Не с ней - с могилой повенчаю
И воронов потешу стаю,
Что труп твой налетят клевать!"

Меж тем Энея призрак мчался
На берег, где стоял челнок;
Он будто бы врага боялся,
Он будто бы уйти не мог.
Потом в челнок махнул, спасаясь,
И Турн, погоней распаляясь,
Успел туда ж за ним вскочить,
Чтоб над Энеем поглумиться,
Чтоб вражьей кровушкой упиться
И первым рыцарем прослыть.

Тут вмиг челнок зашевелился
И сам собою вдаль поплыл;
А Турн по челноку носился,
Ликуя, что врага накрыл.
Юнона ж, обратясь в кукушку
И бросив Турнову ловушку,
Махнула напрямик в лесок.
Турн смотрит - лодка среди моря;
Едва не лопнул малый с горя,
Но сделать ничего не мог.

Пока Юнона так шутила,
Эней об этом и не знал;
Она его в тумане скрыла -
Для всех он невидимкой стал;
И сам ни зги не видел, злился,
Потом, прозрев, за меч схватился
И кинулся крушить врагов;
Убил он Лавза и Лутага,
Парфена уложил бродяга,
Немало посшибал голов.

Мезентий - атаман тирренский -
К Энею храбро подступил
И сразу поднял крик вселенский,
Что только, мол, Эней и жил.
"Вперед! - кричит. - Готовься к бою,
Лихие парни мы с тобою,
Нам в помощь не нужны друзья;
А ну!" И вот враги столкнулись,
Да так, что панцыри погнулись,
Мезентий же упал с коня.

Эней, не милуя чванливых,
В Мезентия всадил палаш;
Дух, выскочив меж слов бранчливых,
Пошел к нечистым на шабаш.
Эней победой величался,
С друзьями славно угощался,
Олимпу жертвы воскурив.
До ночи пили и гуляли,
Вповалку спьяну кучей спали,
Эней с горилки был чуть жив.

Рассветная звезда в окошко
Уже виднелась, как пятак
Или пшеничная лепешка,
И небо рделось, точно мак.
Эней уже троян сзывает
И с хмурым видом объявляет,
Что время мертвых погребать,
Чтоб все, обычаю послушны,
По-братски и единодушно
Шли трупы на костры таскать.

Потом Мезентия доспехи
На пень высокий насадил -
Не то чтоб для своей потехи,
А Марса этим ублажил.
Шишак надел и меч булатный,
Копье и щит работы знатной.
Пень рыцарем одет стоял.
Тогда к войскам он обернулся,
Прокашлялся, разок сморкнулся
И речь такую откатал:

"Трояне! Лыцари! Казаки!
Мужайтесь! Наша, вишь, берет;
Вот это чучело нам всякий
Латинский город отопрет.
Но прежде чем начнем мы биться,
Для мертвых надо потрудиться,
Чтоб души их нашли покой;
Погибших лыцарей прославить,
Палланта к батьке переправить,
Что лег здесь буйной головой".

Затем пошел в курень просторный,
Где труп царевича лежал,
Над ним аркадский подкоморий
Мух длинной веткой отгонял.
И плакальщицы так рыдали,
Как будто животом страдали;
Эней запричитал и сам:
"Увы, увы! Угас он, братцы,
А уж на что был мастер драться;
Угодно, вижу, так богам!"

Потом велел носилки сделать
И тростниковый балдахин

Для обескровленного тела,
Чтоб в них Паллант, Эвандров сын,
Ясновельможная персона,
В чертоги адские Плутона
Явился бы не как чумак.
Бабенки мертвого обмыли,
В кафтанец чистый нарядили,
За щеку сунули пятак.

Все было к выносу готово,
Когда философ пожелал
Надгробное отгрохать слово, -
Но сбился, темя почесал
И молвил: "Труп как есть не дышит,
Не видит то есть и не слышит,
Ох, ох! Увы! Он мертв! Аминь!"
Народ той речью умилился,
И горько-горько прослезился,
И бормотал: "Нечистый, сгинь!"

Потом над мертвым покадили
И вынесли его во двор,
Под балдахином положили,
Блеснул слезой Энея взор.
Покрыв добротным покрывалом, -
Кажись, тем самым одеялом,
Что от Дидоны взял Эней, -
Взвалили паныча на плечи
И понесли его далече,
В аркадский город Паллантей.

Потом, едва лишь вышли в поле,
Эней, над трупом наклонясь,
Сказал: "О, жизнь бурней, чем море,
И гибнет в ней и раб и князь.
Прости-прощай, дружок любезный,
Я отомщу рукой железной,
И Турн получит с барышом".
Потом Палланту поклонился,
Облобызал и прослезился
И к городу побрел шажком.

И вот едва домой вернулся
Наш грустный лыцарь пан Эней,
Ан, глядь, уже в сенях наткнулся
На присланных к нему гостей:
То прибрели послы Латина,
Мужи асессорского чина;
Один армейский капитан,
Что век по свету волочился
И по-фригийски научился, -
В посольстве том был драгоман.

Латинец старший в ихнем роде
Лицом к Энею важно стал
И в нашем, значит, переводе
Примерно так ему сказал:
"Не ворог тот, чья шкура бита,
И тот не враг, кто после битвы
На поле без души лежит.
Позволь тела убитой рати
Прибрать, чтобы земле предать их;
Пускай князь милость к нам явит".

Эней, к добру с рожденья склонный,
Сказал послам латинским так:
"Латинус рекс неугомонный,
А Турнус пессимус - дурак.
И кваре воевать вам мекум?

Латинуса я путо цекум
И дурнями, сеньорес, вас;
Латинусу рад пацем даре,
Пермитто мертвых закопаре,
И корам вас нет зла у нас.

Один есть Турнус ворог меус,
Так ерго дебет воевать;
Велит так фата, ут Энеус
Вам будет рекс, Амате зять.
Чтоб привести ад финем беллюм,
Свершим мы с Турнусом дуэллюм,
Зачем всех сангвис проливать?
Кто будет - Турнус иль Энеус,
Укажет глядиус, вель деус,
Латинским сцептро управлять".

Латинцы враз переглянулись,
По сердцу та им речь пришлась;
Друг с другом вмиг они стакнулись,
И вот Драксес вскричал: "О князь!
Для дел великих ты родился
И к нам недаром заявился!
Снесем Латину твой ответ,
Все, все подробненько расскажем
И истинно ему докажем,
Что дружба с Турном нам во вред".

Тут мировую заключили
На двадцать - двадцать пять деньков
И меж собою порешили,
Чтобы прислали мастеров
Латиняне помочь троянцам,
Злосчастным этим голодранцам,
В достройке скорой городка;
Да чтоб троянство порубило
Осинок, гожих на стропила,
Березки, сосняку, дубка.

А после началась гулянка,
И чарочка пошла кругом;
Побаски, хохоток и пьянка;
Скрепляли дружбу табачком.
Тут выпивали, там трудились,
С покойничками все возились,
В лесах и шум и стукотня.
В небоевое это время
Латинян и троянцев племя
Друг другу были как родня.

Теперь изобразить бы нужно
Эвандра отчую печаль,
И крик, и плач, и стон натужный,
Да сил достанет мне едва ль.
Не всякий, как Вергилий, сможет
Писать, чтоб с правдой было схоже,
А я ж до грусти не мастак:
Я слез и оханья не знаю
И сам не плачу, не скучаю;
По мне хоть век пусть будет так.

Как только алая денница
На небе начала вставать,
Так вся троянская станица
Убитых принялась таскать.
Эней с Трахоном разъезжали,
К трудам дружину понуждали,
Костры из мертвых воздвигать.
Соломой трупы оплетали

И масло с дегтем подливали,
Не раз, не два, а раз по пять.

Потом солому подпалили,
Вмиг пламя трупы обнесло;
Все "память вечную" завыли,
Дымком всю степь заволокло.
Тут кость, и плоть, и жир трещали,
Иные сало источали,
У тех растрескался живот;
И дым и смрад кругом носились,
Жрецы усердней всех трудились, -
Известен всем их алчный род.

Товарищи в сей жизни бренной,
Отцы, друзья, сыны, сваты,
Во имя памяти нетленной,
А кто и так, от суеты,
В огонь швыряли седла, сбрую,
Одежду, обувь дорогую,
Кто нес кафтан, кто поясок.
Секиры, палаши, дубины,
Онучи, лапти и братины
Летели, как снопы на ток.

Не только в поле дым курился, -
В Лавренте тоже чад стоял,
Народ вокруг костров толпился
И на чем свет стоит стенал.
Там батька горевал о сыне
И слал проклятья злой судьбине,
Ругал войну, ругал царя;
Тут девка, воя, убивалась,
Что без венца вдовой осталась,
Похоронив богатыря.

А жинки, распустивши косы,
Без свиток, яростной толпой,
Растрепаны, простоволосы,
Подняли несусветный вой.
По мертвым жалобно стонали,
Ревели, бились, причитали,
Латинский проклинали род;
Про Турна ж говорили смело,
Что за любовное он дело
Погубит даром весь народ.

Дрансес на свой манер хлопочет,
Кричит, что Турн - всех бед вина;
Мол, раз Эней с ним драться хочет,
Пусть выйдет - кончится война.
Но и у Турна был парняга -
Брехун, юрист, крючок, сутяга, -
Что дело Турна защищал;
Да и Аматины пролазы
Пустили разные рассказы,
Чтоб Турн ни в чем не уступал.

И вдруг от хана Диомеда
Латиновы послы пришли,
И видно было, что победных
Вестей с собой не принесли.
Старик Латин вельможным лицам
Велел немедля же явиться,
Что все и сделали тотчас;
Послов позвали для доклада,
И после должного обряда
Латин изрек такой приказ:

"Скажи мне, Венул справедливый,
О чем хан вел с тобою речь?
Кажись, ты парень не брехливый,
Таким тебя знавала Сечь". -
"Я подданный и раб твой верный,
Царю слуга нелицемерный, -
Так начал Венул, - не гневись!
Мужичья правда, брат, колюча,
А панская - красна, да гнуча;
Хан молвил (врать мне не корысть):

Не с мордою Латина драться
Против Энеевых людей;
Вам прежде нужно бы дознаться,
Каков в бою казак Эней.
Под Троей всыпал нам он знатно,
Спасая от судьбы превратной
Богов домашних и родню.
Он батьку спас в час грозной сечи,
На гору снес, взвалив на плечи;
Не затевайте с ним грызню.

С Энеем драться не рискуйте,
Его считаем мы святым;
И вашему царю втолкуйте,
Чтоб лучше помирился с ним.
Где нынче дети есть такие,
Чтоб кудри батьковы седые
Превыше ставили всего?
Понятно, я не враг Латину,
Но, чтя в Энее молодчину,
Не выйду супротив него.

Прощайте, домини латинцы!
Поклон мой вашему царю;
Возьмите-ка назад гостинцы,
Отправьте их богатырю
Энею, чтоб избегнуть бою". -
Тут Венул нос утер рукою
И смолк, упарившись вконец.
Латин, посла услыша речи,
Затрясся весь, как хвост овечий,
На плеши задрожал венец.

Потом от страха чуть очнулся,
Унял непрошенную дрожь,
Зевесу помолясь, надулся
И хмуро глянул на вельмож.
"Ну что, - спросил их, - поживились?
Вы с Диомедом всё носились,
А он вам фигу показал;
Сначала было б столковаться,
Как вам с Энеем расправляться,
Пока он холку не намял.

Теперь ума не приложу я,
Как мне пристроить чужаков;
Земли кусок изрядный, чую,
Отдам я им без лишних слов.
Отдам и сенокос у речки,
На Тибре рыбные местечки,
Эней пусть будет нам сосед;
А не захочет он остаться
И по свету пойдет шататься, -
Так мы и тут уйдем от бед.

А чтоб с Энеем сладить дело,
Пошлю послов десятков пять;
Подарки подберу умело,

Велю повидла, сала дать,
Сгодится в дар и осетрина,
Да пояс, да отрез люстрина,
Чтоб к празднику пошить кафтан,
Прибавим из Торжка сапожки
И дело сладим понемножку.
Как это все сдается вам?"

Драncес был страсть какой речистый
И князю Турну враг лихой;
Он, ус погладя, нос прочистя,
Дает царю ответ такой:
"Латин светлейший, мед устами
Твоими пить бы. Между нами
Всяк, верь мне, сердцем за тебя;
Да отозваться, вишь, не смеют,
Сидят, молчат, сопят, потеют
И маракуют про себя.

Пускай же злобный тот детина,
Что в эту нас втравил войну
И что надутой образиной
Как есть похож на сатану,
Что столько бед принес, паскуда,
Что столько загубил нам люда,
А в трудный час дал стрекача, -
Пусть Турн, что всеми верховодит
И за нос легковерных водит, -
С Энеем рубится сплеча.

Пускай не бродит в наших хатах,
Пускай царевне даст покой,
Пускай живет в своих палатах,
Да чтоб к Латину ни ногой.
А ты, Латин, наш царь тишайший,
Прибавь Энею дар сладчайший:
Лавинию ему отдай.
Той свадьбой ты нам мир даруешь
И раны царства уврачуешь,
А дочке с парнем будет рай.

Тебя ж, пан Турн, прошу покорно:
Забудь к Лавинии любовь,
Не мысли и не действуй вздорно
И пощади латинцев кровь.
Эней тебя лишь вызывает,
А нас, латинцев, не замает,
Иди, с троянцем поборись!
Довольно нам играть словами,
Яви бесстрашие делами,
Побить Энея ухитрись".

Услышав это, Турн взъярился,
От бешенства весь посинел;
Он словно в лихорадке бился,
Зубами в ярости скрипел
И крикнул: "Старый пустомеля!
Видать, ты одурел от хмеля,
Коль трусом храбреца зовешь
И небылицы измышляешь,
Народ своей брехней пугаешь
Да про меня безбожно врешь.

Я мог бы снять пред всем собраньем
Башку плешивую твою,
Да жаль марать такою дрянью
Честь богатырскую свою!
А ты, владыка юродивый!
Когда уж ты такой пугливый,

Что землю даришь чужакам,
Так раком полезай к троянцу
Да угождай во всем поганцу.
Он славный мир устроит вам!

А коли миру я помеха,
Коли Эней зовет на бой
И смерть моя вам всем потеха,
Не дорожу я и собой.
Посмотрим, кто кого ловчее;
Иду туда, где ждут злодея!
Иду сразиться с чужаком!
Пускай хоть станет он Бовою,
Меня не устрашит собою,
Я сам не плох махать мечом".

Пока в конгрессе так тягались,
Эней к Лавренту подступал;
На штурм троянцы собирались,
Всяк в нетерпении дрожал.
Услыша, что Эней явился,
Латин со страху обслюнился,
Стал с перепугу сам не свой.
"Вот вам и мир!" - Турн крикнул лютый
И, не теряя ни минуты,
Помчался в стан свой войсковой.

Опять галдеж, опять тревога,
Народ со всех сторон валит,
Кто всех бранит, кто молит бога,
Кто шепчется, кто голосит.
Вновь кавардак и чертовщина,
Вновь гнет в бараний рог Латина,
И царь скорбит от всей души,
Что не взял он в зятья Энея.
Сейчас сидел бы, сладко млея,
Окрошку ел бы да кныши.

Турн, вмиг доспехи боевые
Надев, летит троян крошить
И, разъярив дружины злые,
Бродяг Энеевых побить.
Коня пришпоря, что есть силы
Помчался он к войскам Камиллы
И стал ей тут же толковать:
Куда ей напирать с полками,
Мессапа ждать со старшинами,
Что подкрепят царицы рать.

Распорядившись, Турн помчался
На гору, чтоб за нею скрыть
Засаду, ибо собирался
Фригийцев тайно окружить.
Эней же, выстроив отряды,
Как строят войско для осады,
Отдал приказ на вал напасть.
И вот идут живой стеною,
Идут, чтоб счастье вырвать с бою
Или на поле брани пасть.

Троянцы дружно наступали,
Тесня везде своих врагов,
Не раз латинцев с боем гнали
До самых городских валов.
Но те вновь с силами сбирались
И от троянцев отбивались,
Друг друга били в пух и прах,
Таскали за чубы, тузили
Скакали, петушились, выли,

Аж пена билась на губах.

Но вдруг Арунт убил Камиллу.
Тут на латинцев страх напал:
Утратили и дух и силу,
Кто как и кто куда бежал.
Троянцы в их толпу вмешались,
Лупили в спины, измывались,
К стенам Лаврента гнали их.
Латинцы ворота закрыли,
Своих укрыться не пустили,
Чтоб с ними не впустить чужих.

Когда дошли до Турна вести,
Как пан Эней врагов пушил,
Едва не сдох князек на месте
И харю мерзкую скривил.
Потом, беснуясь от досады,
Выводит войско из засады,
Покинув спешно гору, лес;
И только вышел на равнину,
Как сам увидел всю картину
И войск троянских перевес.

И тут же Турн узнал Энея,
И Турна пан Эней узнал;
Их обуял дух Асмодея,
Один другого б разорвал;
Не обошлось бы тут без боя,
Когда б пан Феб от перепоя
Пораньше в воду не махнул
И не послал на землю ночи.
Тут всем смежило крепко очи,
И всяк буян тотчас уснул.

Лишь Турн, о бое вспоминая,
Всердцах зубами скрежетал
И, сдуру сделать что не зная,
Латину в ярости сказал:
"Пускай зловредные буяны,
Задрипанцы твои трояны,
Не отпираются от слов!
Иду с Энеем в поле драться,
В моих проступках оправдаться:
Убить и околеть готов.

Энея враз пошлю к Плутону
Иль сам погибну, так и знай,
Теперь мне жить уж нет резону,
Ему и девку отдавай..." -
"Ай, ай, - Латин тут отозвался,
С чего ты так разбушевался?
Что ж будет, коль и я озлюсь?
Мне, старику, врать неуместно,
Да и утаивать нечестно.
Вот слушай правду и не трусь.

Узнай, что есть судьбы веленье,
Что дочка замуж не пойдет
За земляка. Настигнет мщенье
Того, кто супротив дерзнет.
Меня Амата упросила
И так бока мои месила,
Что я Энею отказал.
Теперь ты сам раскинь мозгою,
Как справиться тебе с бедою,
Чтобы зазря ты не пропал.

Прошу тебя, оставь Лависю;

Иль мало панночек вокруг?
Ну, взял бы Муньку или Прысю,
На хутора бы сбегал, друг,
В Ивашки, в Мыльцы, в Пушкаревку,
В Будища или в Горбаневку,
Дивчат вокруг Полтавы тьма;
Хоть пруд пруди таким товаром;
Коли замужняя под пару -
И ту добудешь задарма".

Тут появилась вдруг Амата
И в Турна, как оса, впилась,
Лобзала в губы стратилата
Припав к плечу, от слез тряслась.
"Не трать, - сказала, - даром силы,
Сражаться не спеши, мой милый,
Коль ты помрешь - помру и я;
Нас боги без тебя покинут,
Латинцы и рутульцы сгинут,
И дочка пропадет моя".

Но Турн Амате не внимает,
Не признает ни слез, ни слов;
Гонца к Энею посылает,
Чтоб завтра биться был готов.
Эней и сам стремился к бою,
Чтобы могучею рукою
Снять Турну голову долой.
А чтоб по-честному сразиться,
Послал гонца уговориться,
Как завтра выходить на бой.

Назавтра чуть еще светало,
А уж народ валил толпой;
Все копошилось, все мелькало,
Всяк поспешал взглянуть на бой.
Уже и поле размеряли,
И землемеры забивали
Значки для армий, для полков.
Жрецы молитвы запевали,
Олимпским в жертву убивали
Баранов, поросят, козлов.

А войско стройными рядами
Шло быстрым шагом, как на бой.
Вились знамена над полками,
Всяк ратник чванился собой.
Вот армии на поле стали
В местах, что им отмежевали;
Меж ними плац свободный был;
Народ за войском копошился,
Всяк видеть смертный бой стремился,
Кричал, толкался что есть сил.

Юнона, как богиня, знала,
Что Турну суждено пропасть,
Но все ж усердно мозговала,
Чтоб злую отвести напасть;
Русалку кликнула Ютурну
(Она была сестрицей Турну),
Все рассказала второпях;
Быстрей велела изловчиться
И на все хитрости пуститься,
Чтоб Турна не разбили в прах.

Пока хитрила пара в небе,
Другая собиралась в бой,
Всяк обещал богам молебен,
Коль верх возьмет его герой;

Врагам всех зол и бед желали,
Рутульцы ж кисло размышляли,
Что Турн их может сплоховать,
Уж он как будто бы смутился,
Поеживался и кривился.
Не лучше ль бою помешать?

Тут враз Юнонина плюгавка
В рутульский подоспела стан;
Юлила меж рядов, как шавка,
Всех подбивая на обман.
Потом, оборотясь Камертом,
Она вертелась всюду фертом,
Шепча: "Срам Турна выдавать;
К лицу ль стоять вам сложа руки,
Натерпитесь без Турна муки,
Как станут цепи надевать".

Все войско хмуро бормотало.
Сперва тихонько, после враз
Заголосили: "Все пропало!"
Чтоб мир нарушить, в тот же час
Ютурна штуку отмочила:
Скворцами ястреба травила,
А заяц волка покусал.
Лаврентцы чудо толковали
И добрым знаменьем считали,
Толумний к битве подстрекал

И первый выстрелил в троянцев,
Голлипенка в момент убил,
А тот был родом из аркадцев;
Тут землякам стал свет не мил.
Схватив мечи, рванулись в сечу.
Отряд отряду мчит навстречу,
Звон сабель, палашей и пик,
Кричат, стреляют, с ног сбивают;
Лежат врастяжку, догоняют:
Все в кучу, в кашу сбилось вмиг.

Эней правдивый был парняга,
Увидевши такой афронт
И глядя, как врагов ватага
Переменила сразу фронт, Вскричал:
"Аль вы осатанели!
Не сами ль мира вы хотели?
Сразимся с Турном мы одни".
Тут стрелка вражья вдруг пропела
И накрепко в бедре засела,
Кровь брызнула, залив штаны.

Эней поспешно ковыляет,
Окровавленный, в свой шатер,
Его Асканий провожает,
Потупя в огорченье взор.
То видя, Турн развеселился,
Зачванился и расхрабрился;
Летит к троянцам, сея страх.
Бьет, рубит, наземь повергает,
Гора убитых вырастает -
Их не сварить и в ста котлах.

Всех прежде Фила с Тамарисом
На землю смаху повалил,
Потом Хлорея с Сибарисом
Он, как козявок, раздавил;
Наделал Турн переполоха:
Дарета, Главка, Ферсилога
Калеками гулять пустил,

Крестил мечом кого попало
И потоптал конем немало;
В крови, как в луже, Турн бродил.

Скорбела душенька Энея,
Что Турн троянцев так лупил,
Стонал он горше Прометея,
От раны кровью исходил.
Япид - цирюльник лазаретный,
Герой походов неприметный -
Вокруг Энея хлопотал:
В одну минуту парень прыткий
Заткнул за пояс полы свитки
И нос очками оседлал.

И, приступив немедля к делу,
Стрелу разглядывать он стал;
Прикладывал припарки к телу
И шилом в ране ковырял;
Лил в рану и смолу и сало, -
Увы, ничто не помогало:
Так наконечник вглубь засел.
Япид тянул его клещами,
Щипцами, крючьями, зубами,
Но вырвать так и не сумел.

Венера сильно заскорбела,
Услыша, как Эней стонал,
И тотчас принялась за дело,
В чем и Амур ей помогал.
Целебных трав они набрали,
Воды на травку поплескали
Да капли принялись цедить;
Всю эту дрянь перемешали,
Над нею что-то пошептали
И стали в рану зелье лить.

Таким лекарством чудотворным
Боль нехитро было унять
И наконечник стрелки черной
Из раны без труда достать.
Эней наш снова ободрился,
Горилкой малость подкрепился,
Прикрыл стальной кольчугой грудь.
Летит - загнать врагов в могилу,
Летит - вдохнуть в троянцев силу,
В них храбрости огонь раздуть.

С ним старшины и воеводы,
Озлясь, гурьбою вскачь летят;
Как в мельничных колесах воды,
Войска ревут, бурлят, кипят.
Эней лежачих объезжает
И беглецов не догоняет,
Он ищет, в бешенстве дрожа,
Повсюду Турна. Но Ютурна
Смекает, как бы братца Турна
Спасти от смертного ножа.

На хитрости ловки девчонки,
Когда их сердце защемит,
И в этом ремесле так тонки -
Сам бес их не перехитрит.
Ютурна с неба вниз шмыгнула,
Возницу Турна прочь спихнула
И стала погонять возок.
В тот день мотался Турн в телеге,
Конь, загнанный в горячем беге,
Уже носить его не мог.

Возком Ютурна управляя
Моталась всюду меж полков,
Как от борзых лиса, виляя,
Спасала Турна от врагов.
То перед войском выезжала,
То на другой конец скакала,
Но не туда, где был Эней.
Троянец, видя штуки эти
И трусость Турнову приметя,
Помчал вдогон стрелы быстрей.

Но как он ни скакал за Турном,
Чтобы не дать ему уйти,
Все ж хитроумная Ютурна
Его сумела провести.
К тому ж Мессап, заехав сбоку,
Коварно, со всего наскоку,
В Энея камень запустил;
Но тот, по счастью, увернулся,
И камень тела не коснулся,
А лишь с султана кончик сбил.

Эней, отваги не теряя,
Великим гневом распалясь,
На всем скаку своих скликая
И тихо Зевсу помолясь,
Всю армию в сраженье двинул,
Волною на врага нахлынул,
Всех кряду приказал рубить.
Тут всласть латинцев покрошили,
Рутульцев также тьму побили,
Но Турна! Турна б нам добыть!

Теперь я без стыда признаюсь,
Что трудно битву описать:
И как ни морщусь, ни стараюсь,
Чтоб гладко вирши рифмовать,
Но уж и сам теперь смекаю,
Что панихиду сочиняю
И роспись именам бойцов,
Что полегли на ратном поле,
Что гибли в битве поневоле,
По прихоти своих князьков.

Цетага, а за ним Толона
Эней в той битве уложил,
Потом Онита и Сукрона,
Танаис краткий век отжил.
Троянцев Гилла и Амика
Спихнула в пекло Турна пика...
Да где там всех пересчитать!
Враги, сражаясь, так смешались,
Так в кучу сбились, что кусались,
Не в силах руки вверх поднять.

Тут, дитятко свое жалея,
Венера из-за облаков
Вдохнула мысль в башку Энея -
Брать город, там крошить врагов.
Немедля овладеть столицей,
В ней отплатить за все сторицей,
Чтоб враг был в пух и прах разбит.
Эней полковников скликает,
Старшин поспешно собирает
И так с холма к ним говорит:

"Моих речей не устрашайтесь;
Решен Зевесом сей вопрос;

Немедля с войском отправляйтесь
Брать город, где паршивый пес,
Латин коварный, пьет сивуху.
Ударьте в город что есть духу.
Деритесь ружьями, дубьем;
С землею ратушу сровняйте,
Колите, бейте и стреляйте,
И лишь Амату взять живьем!"

Тут все оружьем забряцали,
Над войском прокатился гром;
Полки построились, помчали
К стенам Лаврента прямиком.
Огонь через валы швыряли,
На стены крепости влезали
И напустили тучи стрел.
Эней же, руки простирая,
Кричит, Латина укоряя:
"Ты, ты виновник страшных дел!"

Те, что в Лавренте оставались,
Увидя, что пришла беда,
До полусмерти испугались,
Не знали, утекать куда.
Тряслись от страха и потели,
Ворота отворять хотели,
Чтоб в город свой впустить троян.
Царя Латина громко звали,
На вал чуть не силком толкали,
Чтоб шел спасать своих мирян.

Амата глянула в оконце
И видит - в городе пожар,
От стрел, от дыма скрылось солнце...
Тут кинуло Амату в жар.
Нигде вокруг не видя Турна,
Царица завздыхала бурно,
На бедную дурман напал.
Смерть Турна видя мутным взором,
Подумала, что он с позором
Из-за нее навек пропал.

Все сразу стало ей постыло,
Осточертел ей белый свет,
Себя и всех богов костила,
И видно изо всех примет,
Что ум последний потеряла.
Одежды царские порвала,
Настал ее последний час:
Вкруг шеи пояс обкрутила,
За крюк железный зацепила -
И навсегда ушла от нас.

Когда Лавиния узнала
О смерти матери своей,
По-книжному "увы!" вскричала,
Потом - притворно, для людей -
Цветные платья изорвала,
Как галка, в черном щеголяла,
К лицу свой траур подобрав.
Пред зеркальцем весь день крутилась,
Кривиться жалобно училась
И мило всхлипывать в рукав.

Промчалась весть о деле тяжком
В народе, в городе, в полках;
Латин, как хлипкий старикашка,
Чуть удержался на ногах,
Потом бежать к воде пустился

И так уродски искривился,
Аж вчуже страшно поглядеть.
Всех смерть Аматы всполошила,
К печальным мыслям обратила,
Пришлось и Турну поскорбеть.

Когда о злой беде проведал
Лихой рутульский атаман,
Он мир земной проклятью предал,
И, точно раненый кабан,
Бежит, кричит, вертит руками,
Бранясь последними словами,
Латинцам и рутульцам бой
Веля остановить немедля.
И вот войска, как на обедню,
Утихомирясь, стали в строй.

Эней взыграл душой, услыша,
Что Турн согласен биться с ним;
Оскалил зубы, в поле вышел,
Копьем махая боевым, -
Прямой как тополь, величавый,
Бывалый, сильный, ловкий, бравый,
Такой, как был Нечеса князь;
Все на него глаза лупили,
Враги - и те его хвалили,
Вплотную вкруг него толпясь.

Как только выступила к бою
Завзятых пара удальцов,
То каждый, глянув пред собою,
Живьем врага был съесть готов.
Хвать-хвать - и сабли засвистели,
Чик-чик - и искры полетели,
Герои саблями крестят.
Турн, метя рубануть по шее,
Прочь епанчу сорвал с Энея,
Троянец отступил назад.

Но, вмиг очухавшись, сторицей
За епанчу он отплатил
И, налетев на Турна птицей,
Рутульцу саблю перебил.
Как тут спастись? Куда деваться?
Не лучше ль подобру убраться?
Нельзя без сабли воевать.
Турн отроду был парень прыткий,
И вот, откинув полы свитки,
Решил он стрекача задать.

Бежит пан Турн, к полкам взывает
И просит у своих меча;
Никто беднягу не спасает
От рук троянца-силача.
Вдруг, сызнова перерядившись
И снова перед ним явившись,
Сестра ему палаш сует;
И сабли снова засверкали,
И латы снова забренчали,
И каждый вновь наотмашь бьет.

Тут Зевс, не вытерпя, озлился,
Юноне с гневом так сказал:
"Аль ум твой сдуру помутился?
Аль хочешь, чтоб я таску дал?
Чтоб молния тебя спалила!
Беда, коль баба задурила!
Уже известно всем богам:
Эней на небе будет с нами

Кормиться теми ж пирогами,
Какие жалую я вам.

Бессмертного убить кто сможет
Иль даже рану нанести?
Зачем же в мире жертвы множить,
Чтоб Турна твоего спасти?
Ютурны знаю я проказы,
Теперь, по твоему приказу,
Она рутульцу меч дала.
Докуда ж будешь ты беситься,
На Трою и троянцев злиться?
Иль мало сделанного зла?"

Юнона в первый раз смирилась,
Без крика к Зевсу речь вела:
"Прости, мой пан, я провинилась,
Я прежде зла, глупа была;
Пускай Эней врага карает,
Трон у Латина отнимает,
Пускай свой род здесь поселит;
Но пусть, молю, латинцев племя
На вечное удержит время
Названье, веру, речь и вид".

"Согласен. Будет, как сказала", -
Зевес Юноне отвечал.
Богиня враз затанцовала,
А Зевс Метелицу свистал;
Все судьбы на весы кидали,
Ютурну в воду отослали,
Чтоб с братом Турном разлучить.
По книге судеб, что веками
Бессмертных писана руками,
Так должно было поступить.

Эней, махая длинной пикой,
На Турна прямиком идет
И в ярости вопит великой:
"Теперь конец тебе, урод!
Как ни вертись, как ни брыкайся,
Как шкурой подлой ни меняйся,
Хоть зайчиком, хоть волком стань,
Хоть в небо лезь, хоть прыгни в воду,
Тебя достану я, урода,
И размозжу в минуту, дрянь!"

Не устрашась надменной речи,
Турн ус беспечно закрутил,
Могучие расправил плечи,
В ответ Энею отмочил:
"Оставь пустые небылицы.
Еще ты не поймал синицы.
Тебя я, право, не боюсь.
Не мы, а боги, всякий знает,
Судьбой людскою управляют,
Пред ними только и смирюсь".

Так говоря, он повернулся,
Пятипудовый камень взял;
При этом Турн, как ерш, надулся;
Уже, гляди, не тем он стал.
Не та уж у рутульца сила,
Ему Юнона изменила,
А с тем пришел и силам крах.
Ему и камень изменяет,
Он до врага не долетает,
И тут объемлет Турна страх.

Меж тем троянец, выгнув спину,
Копье в ладони крепче сжал
И Турну, сукиному сыну,
На память вечную послал.
Копье звенит, свистит, трепещет,
И вот, как утку с лёта кречет,
Рутульца в бок с разлета бьет.
Простерся Турн ничком на поле,
Весь корчится от лютой боли,
Олимпских еретик клянет.

Полки латинцев ужаснулись,
Хватил рутульцев паралич,
Троянцы злобно усмехнулись,
На небе пили могарыч.
Турн, злую боль превозмогая,
К Энею руки простирая,
Роняя слезы, речь ведет:
"Анхизыч, жизни как подарка
Я не хочу, твоя припарка
За Стикс меня уволокет.

Но жив еще мой батька бедный,
Он стар, и немощен, и хил;
Я вижу жребий твой победный,
Да мне уж белый свет не мил.
Лишь об одном я умоляю,
Мольбу исполнить заклинаю:
Когда небытие вкусит
Моя душа, ты батьке тело
Мое отправь, за это дело
Что хочешь у меня проси".

Эней от речи той смягчился
И меч подъятый опустил,
Едва-едва не прослезился
И Турна было отпустил.
Вдруг видит - ладанка Палланта
Из золота и аграманта
У Турна свесилась с плеча.
Глаза Энея засверкали,
От гнева губы задрожали,
Себя не помня, сгоряча

Схватил он Турна за чуприну,
Вниз головой перевернул,
Потом за горло взял детину
И басом громовым рванул:
"Чужим некстати ты гордишься
И над Паллантом зря глумишься,
Имея думку быть живым.
Шалишь! Палланта тень взывает,
Не я, а он тебя карает;
Иди к чертям, дядьям своим!"

И с этим словом меч вонзает
В разинутый рутульца рот
И трижды в рану погружает,
Чтоб больше не было хлопот.
Душа рутульца отлетела,
Хоть и не очень-то хотела
В Плутонов дом под землю лезть.
Кто действует неосторожно,
Тому жить в счастье невозможно,
Особенно - коль совесть есть.

Комментарии

Часть первая

1.
Эней детина был проворный... - Э н е й - один из героев Троянской войны, воспетой Гомером в "Илиаде", сын богини Афродиты и Анхиза, троюродного брата повелителя троянцев Приама. В императорском Риме династию Цезарей возводили к Энею.

2. Когда спалили греки Трою... - Т р о я - древний город в Малой Азии, находившийся у Геллеспонта (Дарданельского пролива). В греческой мифологии основателем Трои считался правнук Зевса - Ил. Поэтому Трою называли также Илионом; отсюда название гомеровской "Илиады".

3. Но тут Юнона, сучья дочка... - Ю н о н а (в греческой мифологии - Гера) - богиня - покровительница браков, жена и одновременно сестра Юпитера, противница троянцев. Почти все божества римской мифологии могут быть соотнесены с божествами греческой мифологии. Так, греческий Зевс в римской мифологии звался Юпитером, Афродита - Венерой и т. д. Котляревский, как, впрочем, и Вергилий, использует имена богов и римской и греческой мифологии.

4. Давно уже она хотела... - Юнона давно преследует Энея и троянцев. В ней еще не изгладился гнев со времени Троянской войны, в которой она была на стороне греков, помогая им в войне против троянцев. Кроме того, она знает, что Энеев род (т. е. римляне) разрушит Карфаген, пользующийся ее покровительством.

5. И что Парис - покойный дядя... - П а р и с - сын повелителя троянцев Приама, один из героев "Илиады". По "Илиаде" Парис приходится Энею не дядей, а четвероюродным братом (см. "Илиада", песнь 20, стихи 230—240).

6. Ей яблочко в подарок дал. - Золотое яблоко, получившее впоследствии название "яблока раздора", дал Парис Венере. На этом яблоке было написано "прекраснейшей", и Парису предстояло решить, кому из трех богинь - Юноне (Гере), Венере (Афродите), Минерве (Афине) - его вручить. Парис отдал яблоко Венере, признав ее таким образом самой прекрасной из богинь, и этим навлек не только на себя, но и на всех троянцев гнев Юноны и Минервы. Во время Троянской войны эти богини, особенно Юнона, стали усердно помогать противникам троянцев - грекам.

7. И вот, когда шепнула Геба... - Г е б а - богиня юности, дочь Зевса.

8. И мчит к Эолу, как оса. - Э о л - бог ветров.

9. Красотку-девку всем на диво... - У Вергилия Юнона за эту услугу обещает Эолу в супруги нимфу Дейопею.

10. Борей с похмелья не проспится... - Б о р е й - северный ветер.
А Нот на свадьбе веселится... - Н о т - южный ветер.
Зефир - известный негодяй... - З е ф и р - западный ветер.
А Эвр в поденщики нанялся. - Э в р - восточный ветер.

11. Кричит Эней: мол, я Нептуну... - Н е п т у н (в греческой мифологии - Посейдон) - бог морской стихии.

12. И саламату, и пампушки... - С а л а м а т а (или соломата) - кисель или жидкая каша из муки с салом или маслом; п а м п у ш к и - род пышек. (Прим. И. Котляревского.)

13. И к Зевсу вихрем понеслась. - З е в с, или Зевес (в римской мифологии - Юпитер), - глава и повелитель всех олимпийских богов.

14. Остатки кварты допивал. - К в а р т а - мера жидких и сыпучих тел, немногим больше литра.

15. Как видно, он дойдет до Рима... - По Вергилию, Энею предначертано свыше прибыть в Италию и положить здесь начало существованию нового государства,

которое впоследствии будет названо Римом.

16. Хан станет вновь владыкой Крыма... - В 1783 году, при Екатерине II, было ликвидировано крымское ханство и Крымский полуостров присоединен к России.

17. Заедет по пути к Дидоне... - Д и д о н а - карфагенская царица. Вергилий рассказывает о ней следующую легенду: брат Дидоны Пигмалион, "слеп от алчности к злату", убивает ее мужа Сихея. Узнав об этом злодеянии, Дидона, забрав сокровища, бежит от брата на кораблях вместе со многими горожанами Тира, где она жила. Высадившись на северо-западном побережье Африки, она покупает здесь землю и основывает Карфаген.

18. Тот город Карфагеном звался... - К а р ф а г е н - большой торговый город, был основан финикийцами в начале IX века до нашей эры близ нынешнего города Туниса. В результате войн с римлянами, так называемых "пунических", Карфаген был стерт с лица земли.

19. И конопляную макуху. - М а к у х а (укр.) - жмыхи, выжимки из семян конопли после добывания масла.

20. Там путрю, и зубцы, и квашу... - П у т р я (укр.) - род толокна; з у б ц ы (укр.) - род кушанья из очищенных зерен ячменя, сваренных или поджаренных; к в а ш а (укр.) - соложенное тесто. (Прим. И. Котляревского.)

21. И просто водку, и калганку... - К а л г а н к а - настойка на калгане, лекарственной траве, корень которой употребляется в народной медицине при желудочных болях.

22. Бандура горлицу бренчала, Сопелка зуба задувала... - Б а н д у р а - украинский народный музыкальный инструмент; с о п е л к а (укр.) - свирель; г о р л и ц а, з у б - украинские песни.

23. А после танцев варенухи... - В а р е н у х а (укр.) - водка или наливка, сваренная с сухими плодами, медом и пряными кореньями.

24. Иные журавля плясали... - Ж у р а в л ь, или журавель (укр.), - свадебный танец.

25. Иные резались в хлюста... - Х л ю с т (укр.) - вид карточной игры.

26. С Олимпа свесясь, глянул вниз... - О л и м п - главная вершина гор на севере Греции, считавшаяся в греческой мифологии местопребыванием богов. Позднее, в эпоху Рима, нередко употребляется в значении неба, места, где обитают боги.

27. Вбежал Меркурий - запыхался... - М е р к у р и й (в греческой мифологии - Гермес) - бог, покровитель торговли, ремесел и путешественников; глашатай и гонец Юпитера.

28. О, если б довелось Дидону Увидеть в муках Купидону... - К у п и д о н (в греческой мифологии - Эрот) - сын Венеры, бог любви.

29. Камыш, уложенный костром... - К о с т е р (укр.) - особым образом уложенные связки высушенного камыша.

Часть вторая

30.
У них он звался Палинур... - П а л и н у р - кормчий Энея.

31. Живет там добрый царь Ацест. - А ц е с т - троянский герой, прибывший после разрушения Трои в Сицилию и основавший там город Сегесту.

32. Троянцы налакались тюри... - Т ю р я - примитивное кушанье: крошеный хлеб в квасе или в воде с солью.

33. Хлеб, бублики, кныши явились. - К н ы ш, или кныша (укр.), - род хлеба с завернутыми внутрь краями, смазанный свиным салом или конопляным маслом.

Кутью из ячменя сварили... - К у т ь я - кушанье из крупы с медом, которое едят на поминках и в рождественский сочельник.
Сыты из меда насытили... - С ы т а - вода, подслащенная медом.

34. Когда пропели "Со святыми"... - т. е. "Со святыми упокой", начальные слова похоронной молитвы православной церкви.

35. На кобзах тренькали слепцы. - К о б з а - старинный украинский музыкальный инструмент.

36. Боец Дарес - горлан, задира... - Д а р е с, или Дарет, - один из участников Троянской войны.

37. Тут Бахус пьяный объявился... - Б а х у с, или Вакх (в греческой мифологии - Дионис), - бог вина и виноделия.

38. Там с Марсом в уголке шепталась... - М а р с (в греческой мифологии - Арес) - бог войны.

39. Уселся рядом с Ганимедом... - Г а н и м е д, согласно греческой мифологии, необычайной красоты юноша, сын царя Троса; был похищен Зевсом на Олимп, где на пирах богов стал виночерпием.

40. В домашних туфлях шасть к Ирисе... - И р и с я, т. е. Ирида - олицетворение радуги, вестница богов.

41. Тож и Плутон, ваш братец вздорный... - П л у т о н (в греческой мифологии - Аид) - бог подземного царства, брат Юпитера.
Как с Прозерпиной в пекло сел... - П р о з е р п и н а (в греческой мифологии - Персефона) - дочь Юпитера, похищенная Плутоном, который стал ее супругом.

42. Его Невтесом величали... - Н е в т е с, т. е. Навтес, или Навт, был выучен, как говорит Вергилий, самой богиней мудрости Минервой чудесам волшебства.

43. Как ты к тому же крестный батька... - По мифологии Венера родилась из пены морских волн.

44. По-нашему звался Тарас. - Т а р а с, паромщик - так переиначивается автором вергилиевский Палинур.

Часть третья

45.
О Сагайдачном напевали... - С а г а й д а ч н ы й - кошевой запорожского войска в начале XVII века, известный походами в Турцию; здесь имеется в виду народная песня про него.

46. Как под Полтавой шведов били... - Полтавское сражение (1709 год), во время которого шведы были наголову разбиты Петром I.

47. Как под Бендерами стояли... - Б е н д е р ы - город в Молдавии, знаменит несколькими сражениями, происходившими под его стенами во время русско-турецких войн XVIII - XIX вв. В 1789 году русские войска под командованием Потемкина осадили Бендеры - в то время турецкую крепость, - и ее гарнизон капитулировал.

48. Как без галушек помирали... - Поселившись в Бендерах, Потемкин жил необычайно роскошно, в то время как недостаток провианта вызывал болезни и голод в русской армии, осаждавшей в это время Измаил.

49. Земелька Кумской называлась... - К у м ы - приморский город в Кампании (Италия), древняя греческая колония.

50. В панфила, в дурачка и в пары... - Названия карточных игр.

51. Узнай, я кумская Сивилла... - С и в и л л а - пророчица, жрица

Аполлона.

Я Феба, слышь ты, попадья... - Ф е б (в греческой мифологии - Аполлон) - бог света, поэзии и искусств, также бог пророчества; в Троянской войне был на стороне троянцев.

52. А татарва как налетела... - Татары (крымские) начали совершать набеги на Украину с 1735 года, когда началась война с Турцией.

53. Орфей - на что уж был никчемный... - О р ф е й - мифологический греческий певец и музыкант. Он прельщал своей игрой иа кифаре (или лире) даже диких зверей. Орфею пришлось спуститься в подземное царство, где он сумел пением и игрой расположить к себе всех тамошних обитателей.

54. А Геркулес, когда ввалился... - Г е р к у л е с (в греческой мифологии - Геракл) - мифологический герой, знаменитый своей необыкновенной физической силой и храбростью. Совершил двенадцать необычайных подвигов, об одном из которых здесь упоминается: он спустился в подземное царство за адским чудовищем - трехглавым псом Цербером.

55. Та речка Стиксом называлась... - С т и к с - в греческой мифологии река подземного царства.

56. Им гашник лыко заменяло... - Г а ш н и к - шнурок, веревочка, тесьма для завязки шаровар.

57. Хароном перевозчик звался... - Х а р о н - мифологический перевозчик теней умерших через реку Стикс. Харон не доставлял в подземное царство теней тех людей, тела которых не были преданы погребению. По этой причине он не перевозит, например, Палинура.

58. Три головы у пса на шее... - Речь идет о трехглавом псе Цербере, охранявшем вход в подземное царство.

59. Штафирки, воины лихие... - Ш т а ф и р к а (от нем. staffieren, т. е. наряжать) - в прошлом пренебрежительное название любого невоенного, штатского человека.

60. С восьмою заповедью вместе... - Из так наз. Моисеевых заповедей - восьмая заповедь запрещает воровать.

61. И что тут значит наш статут... - С т а т у т (лат.) - основной закон, уложение.

62. И толковал монад явленье... - М о н а д а (греч.) - единица, неделимое вещество; термин древнегреческой философии.

63. С касторкою и спермацетом... - С п е р м а ц е т - старинное лекарство, изготовлявшееся из китового жира.

64. И сам Вернигора Мосей. - События античного мифа развертываются у Котляревского на Украине - в обстановке современной ему действительности. В поэме упоминаются села и местечки на Полтавщине, упоминаются и соотечественники Котляревского, лично ему хорошо известные; когда Эней в аду встречает троянцев, некогда принимавших участие в его похождениях, в их числе оказывается и некто Вернигора Мусий; по словам Стеблин-Каминского, этот Вернигора - "действительно существовавшее в Полтаве лицо, кажется сапожник Котляревского"; когда Эней вместе с Паллантом плывет на помощь осажденным троянцам, челном, в котором сидел Эней, правил некто Тигренко - сын шинкаря из находящегося близ Полтавы села Стеховки. (И. Еремин, фрагмент статьи.)

У Вергилия же Эней встречается в подземном царстве с тенями погибших героев Троянской войны и с сыном Приама - Деифобом.

65. Как баба с мордой криворотой... - У Вергилия в этом месте описывается Тезифона, одна из фурий, "мстящая за убийство".

66. Есть в пекле, мол, судья Эак... - Э а к (греческая мифология) - сын Зевса и Эгины, дед Ахилла, после своей смерти ставший одним из трех судий в подземном царстве.

67. Тут вдруг ворота отворились... - По Вергилию, Эней попадает в Элизий - рай, который, по мнению древних, также находился в подземном царстве.

68. Настойку сдабривал бодян... - Б о д я н - трава, анис звездочный.

69. Ни тех, что воют: "паки-паки"... - П а к и (церк.-слав.) - опять, еще. Начальные слова молитвы; здесь автор имеет в виду церковнослужителей.

70. Случились в пекле вечерницы... - В е ч е р н и ц ы (укр.) - посиделки, вечеринка деревенской молодежи.

Болтали, в ворона играли... - В о р о н - детская игра, в которой "ворон" хватает детей, а мать защищает их.

Колядки и веснянки пели... - К о л я д к и - рождественские песни; в е с н я н к и - песни, которые поются молодежью ранней весной.

71. Была одна, как говорится, Девчонка - прямо ухорез... - Здесь автор отступает от повествования Вергилия. У последнего сам Анхиз пророчествует Энею о будущем. Котляревский следует за Осиновым. (См. Н. П. О с и п о в. Вергилиева Энейда, вывороченная наизнанку, ч. III, песнь 7-я.)

72. И положила трав пучок - Что в Константинов день сорвала... - К о н с т а н т и н о в д е н ь - церковный праздник в конце мая в честь византийского императора, основателя Царьграда (Константинополя).

73. Покуда сам не поцелует Униженно чужих лаптей... - намек, что римляне будут господствовать до того времени, пока не попадут под власть папы, главы католицизма.

Часть четвертая

74.

Харча как три не поденькуешь... - На обычном языке это значит: "Денька как три не похарчишь" и т. д. Котляревский в двух строфах воспроизводит бурсацкий жаргон, так называемую "видоизмененную речь". Делается это следующим образом: половина одного слова переносится в другое, из которого, в свою очередь, переносится слог-два в первое слово. Так, вместо "возиться с чепухою" получалось "чепухиться с возитою", вместо "новости узнаешь" - "узнасти новаешь" и т. п.

75. Царица здешняя Цирцея... - Ц и р ц е я (греческая мифология) - злая волшебница, дочь Гелиоса - солнца. Она жила на сказочном острове Эя и безжалостно превращала попадавших на ее остров путников в животных. Так, например, спутников Одиссея она превратила в свиней.

76. И "не позволям" позабудет... - намек на так называемое "liberum veto" на сеймах шляхетской Польши, дающее право каждому члену сейма сорвать принятие решения одним возгласом "не позволям", т. е. "протестую".

77. Пред нами Тибр. Теперь держись! - Тибр - одна из крупнейших рек Италии. На Тибре стоит Рим.

78. Когда-то мать его, Мерика... - М е р и к а, или Марика, - одна из нимф, мать царя Латина. В мифологии нимфы играли роль второстепенных богинь, олицетворявших силы природы.

Влюбилась в Фавна, да, гляди-ка... - Ф а в н (в греческой мифологии - Пан) - бог гор, лесов и полей; охранитель стад.

79. Слова свои на "ус" кончают... - У с (us) - окончание многих латинских слов.

80. Троянцы в лад, до обалденья Тму, мну, здо, тло твердить взялись. - Т м у, м н у, з д о, т л о - сочетания букв из старинных букварей.

81. И доминусом величали... - Д о м и н у с (лат.) - господин.

82. Достали рейнских с кардамоном... - Р е й н с к о е вино, в которое для аромата прибавлялся кардамон.

Как Александр царишку Пора... - Прославленный древнегреческий полководец

Александр Македонский (IV век до нашей эры) победил войска индийского царя Пора.

Мамая как чернец побил... - В битве на Куликовом поле (1380 год) особенно отличился чернец (монах) - богатырь Пересвет.

Бова с Полканом как сходился... - Б о в а и П о л к а н - герои сказочных повестей XVII века.

Как Соловей-разбойник жил... - С о л о в е й-р а з б о й н и к - один из персонажей былин о русском богатыре Илье-Муромце.

Как в Польшу Железняк ходил. - Ж е л е з н я к - руководитель крестьянского восстания против панской шляхты на Правобережной Украине (в середине XVIII века).

Француза был портрет Картуша... - Л у и К а р т у ш - знаменитый французский разбойник начала XVIII века.

Против него стоял Гаркуша... - С е м е н Г а р к у ш а - прославленный украинский повстанец конца XVIII века, весьма популярный в народе своей борьбой с помещиками и богачами.

И Ванька-Каин впереди. - В а н ь к а-К а и н - известный в XVIII веке вор, являвшийся одновременно сыщиком московского сыскного приказа. Он вылавливал мелких воришек и укрывал за соответствующую мзду крупных грабителей.

83. И шелком шушуна скрипела... - Ш у ш у н - название женской верхней одежды.

84. Энеус, ностер магнус панус... - Н о с т е р (лат.) - наш; м а г н у с (лат.) - великий.

И славный троянорум князь... - Т р о я н о р у м - троянский; орум (orum) - окончание родит. падежа множ. числа латинского II склонения.

Ад те, о рекс! Прислал нунк нас. - А д т е (лат.) - к тебе; р е к с (лат.) - царь, король; н у н к (лат.) - теперь.

Рогамус, домине Латине... - Р о г а м у с (лат.) - мы просим; д о м и н е (лат.) - господин.

Наш капут общий да не сгинет... - К а п у т (лат.) - голова, предводитель.

Пермитте жить в стране твоей... - П е р м и т т е (лат.) - разреши, позволь.

Хоть за пекунии, хоть гратис... - П е к у н и и (лат.) - деньги; г р а т и с (лат.) - даром.

Мы благодарны будем сатис... - С а т и с (лат.) - довольно.

Бенефиценции твоей. - Б е н е ф и ц е н ц и я (лат.) - благодеяние, милость.

О рекс! Будь нашим Меценатом... - М е ц е н а т - римский богач, живший в I веке до нашей эры, покровительствовавший искусствам. Имя это стало нарицательным.

И ласкам туам окажи... - Т у а м (лат.) - твою.

О оптиме! Не откажи... - О о п т и м е (лат.) - о наилучший.

Энеус принцепс есть проворный... - П р и н ц е п с (лат.) — предводитель.

Формозус, сильный и упорный... - Ф о р м о з у с (лат.) - красивый.

Увидишь сам инномине! - И н н о м и н е (лат.) - лично.

Вели акципере подарки... - А к ц и п е р е (лат.) - принять.

85. При Хмеле выткан он царе... - Х м е л ь - персонаж народных сказок.

86. Кажись, их от пендосов взяли... - П е н д о с ы - шутливое прозвище греков, от греч. слова "пенте" - пять, мера.

87. Хлебали дружно вкусный взвар... - В з в а р - род компота: сушеные фрукты и ягоды, сваренные и подслащенные изюмом и медом.

88. Корыто опошнянских слив, Орехов киевских каленых, Полтавских пундиков слоеных, Яиц три сотни, варенец, Коров, бугаев из Липянки, Сивухи бочку из Будянки, Сто решетиловских овец. - О п о ш н и, Л и п я н к и, Б у д я н к и, Р е ш е т и л о в с к - название городов и селений Полтавской губернии; п у н д и к — род пирожного (прим. И. Котляревского); в а р е н е ц - круглые или четырехугольные раскатанные кусочки теста, сваренные в воде.

89. Чтоб злую ведьму Тезифону... - Т е з и ф о н а - одна из фурий - богинь мщения.

90. А на перекладных гнала. - Н а п е р е к л а д н ы х - т. е. на почтовой повозке, для которой меняли лошадей на определенных станциях.

Тройные платит пусть прогоны... - П р о г о н - плата за езду на почтовых лошадях.

91. Потом приказ дал драгоману... - Д р а г о м а н (араб.) - официальный переводчик при посольстве.

92. Лависе на Петра сырок... - На Петра - т. е. к дню св. Петра, "Петрову дню".

93. У нянюшки был мопсик белый... - В поэме Вергилия война между жителями Лации и троянцами начинается из-за убийства ручного оленя, принадлежавшего пастуху царя Латина Тирру. Котляревский следует здесь за Осиповым, в поэме которого конфликт начинается из-за болонки, принадлежавшей старухе - царской мызнице.

94. Ей под нос асафету клали... - А с а ф е т, или, вернее, асафетида, - резко пахнувшее смолистое вещество, употреблявшееся раньше в медицине как средство против судорог.

95. Кто будет наш провиантмейстер? И кто, скажите, кригс-цалмейстер? - П р о в и а н т м е й с т е р и к р и г с ц а л м е й с т е р - интендантские должности в русской армии XVIII века.

96. Бояр всех в ратушу собрать. - Р а т у ш а - городская дума, местное городское самоуправление.

97. О муза, панночка Парнаса! - На горе П а р н а с, согласно греческой мифологии, жили музы, богини искусств, дочери Зевса и Мнемозины - богини памяти.

98. Патенты дали старшинам. - П а т е н т ы - свидетельства на право получения чина.

99. Хорунжие усы крутили... - Х о р у н ж и й - чин в казачьих войсках, соответствовавший чину корнета или подпоручика в других родах войск.
Тянул понюшку есаул... - Е с а у л - офицерский чин в казачьих войсках, соответствовавший чинам ротмистра и капитана в других родах войск.
Урядники и атаманы... - У р я д н и к - унтер-офицер в казачьих войсках; атаман - начальник, название различных военных и административных должностей в казачьих войсках.

100. Бывало, каждый полк казацкий, Полтавский, Лубенский, Гадяцкий... - названия казацких полков по названию мест объясняются тем, что в старое время на Украине "полк" обозначал не только войсковую, но и административную единицу.

101. Мушкетов древних и кремневок... - М у ш к е т - старинное тяжелое ружье крупного калибра с фитильным замком; к р е м н е в к а - старинное ружье с кремневым запалом.
Пищали, копья, кулеврины, И груды палиц, пик, рушниц... - П и щ а л ь - в старину в России пушка, а затем длинное и тяжелое ружье, заряжавшееся со ствола; к у л е в р и н а - старинная пушка; р у ш н и ц а - род старинного ружья.

102. В какое войско, сотню, лаву... - Л а в а - подразделение кавалерии в казачьих войсках. Также - способ атаки у казаков - охват противника в конном рассыпном строю.

103. Везде жолнерство завелось. - Ж о л н е р (польск.) - солдат-пехотинец в польской армии.

104. Для Януса - двойного бога... - Я н у с - древнее римское божество, покровитель дверей и ворот, бог "входов" и "выходов", начала и конца в широком смысле этого слова, бог времени. Изображался с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны: к прошлому и будущему. Святилище Януса в Риме как бы служило показателем мира и войны. В мирное время двери его были закрыты, а с началом войны они открывались.

105. Давно, в златые дни Астреи... - А с т р е я - богиня справедливости.

106. К Ардее-городу спеша. - А р д е я - столичный рутульский город. (Прим. И. Котляревского.)

Мезентий впереди Тирренский... - М е з е н т и й Т и р р е н с к и й - этрусский тиран, живший на берегу Тирренского моря. Был изгнан своими согражданами.

Авентий вслед за ним плетется... - А в е н т и й - рожден от жрицы Реи и Геркулеса. (Прим. И. Котляревского.)

107. Их атаман был Покатилос, А есаул - Караспуло. - П о к а т и л о с, К а р а с п у л о - переиначенные имена италийских героев Катилла и Коранта, упоминаемых Вергилием.

108. Цекул, Вулкана сын невзрачный... - Ц е к у л - основатель города Пренесты в Лации. "Цекул рожден от Вулкана". (Прим. И. Котляревского.) Цекул - союзник Турна.

Так с Дорошенко Сагайдачный... - Д о р о ш е н к о - гетман Украины в XVII веке.

109. Мезап разбойник с войском шел. - М е з а п - предводитель ряда этрусских племен.

110. Аврунцы тут и сидикяне, Калесцы и ситикуляне... - Наименование различных италийских племен.

111. Сынок Тезея Ипполит... - В поэме Вергилия участвует "Ипполита отпрыск" - Вирбий, а не сам сын Тезея Ипполит. Последнего Котляревский ввел в свою поэму по примеру Осипова, который в "Вергилиевой Энейде, вывороченной наизнанку" уделил много места пересказу мифологической истории об отвергнутой любви Федры к ее пасынку Ипполиту.

112. Звалась та дева-царь - Камилла... - К а м и л л а - италийская амазонка - предводительница племени вольсков.

Часть пятая

113.
Восстанет Альба - дивный град. - А л ь б а-Л о н г а - город в Центральной Италии.

К аркадянам скорей сбирайся... - А р к а д я н е - жители Аркадии, в Греции. Здесь идет речь о тех аркадянах, которые переселились в Италию.

114. Его к Эвандру понесли... - Э в а н д р - царь аркадский. (Прим. И. Котляревского.)

115. Я кошевой Эней, троянец... - К о ш е в о й - начальник коша (лагеря), т. е. всего войска.

116. Фортуна не в его кармане... - Ф о р т у н а - богиня случая и счастья.

117. Как злого Кака он убил... - К а к - мифологический великан, извергавший изо рта пламя. Его отцом был Вулкан. Как был убит Геркулесом за похищение у него четырех быков Гериона.

118. Она тишком к Вулкану кралась... - В у л к а н (в греческой мифологии - Гефест) - сын Зевса и Юноны, не любимый ею; бог огня, покровитель кузнечного ремесла и сам искусный кузнец. Этот бог был хром и некрасив.

119. Вулкан к Киприде подольщался... - К и п р и д а - одно из имен Венеры.

120. Шишак, палаш и щит покрою... - Ш и ш а к - металлический шлем с острием, вершина которого увенчивалась обычно небольшой шишкой; п а л а ш - прямая и длинная тяжелая сабля с широким лезвием, обоюдоострым к концу.

121. Махнула в Пафос отдыхать... - П а ф о с - город на острове Кипр; был известен храмом и оракулом Венеры.

122. Добавил: "В Лидию зайдите..." - Л и д и я - область на западном берегу Малой Азии.

123. Невдалеке стоял Телешик... - Т е л е ш и к, или Телесик, - герой народной украинской сказки.

Он плакал и глотал кулешик... - К у л е ш и к, или кулеш, - жидкая кашица, похлебка.

Она звалась - Жеретия. - Ж е р е т и я - гадюка, ползающая по деревьям.

Катигорох, Иван-Царевич... - К а т и г о р о х, И в а н-Ц а р е в и ч - герои русских народных сказок.

Услужливый Козьма-Демьян... - К о з ь м а-Д е м ь я н - Косма и Дамиан (III в. н. э.) — братья врачи, жившие близ Рима.

И славный рыцарь Марципан. - М а р ц и п а н - герой одной из широко распространенных в России в XVIII веке рыцарских повестей.

124. Спешат к Цибеле на поклон. - Ц и б е л а - мать богов, она же богиня луны и плодородия.

125. Купить ей сбитню на алтын... - С б и т е н ь, или збитень, - горячий напиток из воды, меда и водки.

126. Сатурнович, вступись за маму... - В римской мифологии отцом Юпитера считался бог Сатурн, а в греческой мифологии отцом Зевса — бог неба Уран.

127. Мою ты знаешь гору Иду... - И д а - горная вершина на западном берегу Малой Азии.

И лес, где в капище алтарь... - К а п и щ е - языческий храм.

128. В тот час Иул рядил с панами... - И у л - другое имя сына Энея Аскания, как родоначальника дома Юлиев.

129. Сказав так, первому Раменту... - Рамент - царь и гадатель, как сообщает о нем Вергилий.

130. Творишь пеккатум, фратер милый... - П е к к а т у м (лат.) - преступление; ф р а т е р (лат.) - брат.

Морс неповинному несешь. - М о р с (лат.) - смерть.

Я стультус, лятро и негодник... - С т у л ь т у с (лат.) - глупый; л я т р о (лат.) - вор, разбойник.

Неквиссимус и греховодник... - Н е к в и с с и м у с (лат.) - негоднейший, мерзейший.

131. И плошка Фебова взошла... - П л о ш к а Ф е б о в а - солнце, поскольку Феб считался богом солнца.

Велел тревогу бить в клепало... - К л е п а л о - металлическая доска, в которую били, как в колокол.

132. Старух лягает пусть Пегас. - П е г а с - в греческой мифологии крылатый конь, рожденный из крови чудовища - Медузы. От удара копыта Пегаса возник источник муз - Гиппокрена, вода которого вдохновляет поэтов.

133. Собою каждый Голиаф... - Г о л и а ф (библ. миф.) - великан, которого убил из пращи подросток (впоследствии иудейский царь) Давид.

Один брат звался Битиасом, Был ростом вровень он с Тарасом, Что Кочубею услужал... - Т а р а с - слуга полтавского помещика К о ч у б е я, близкого знакомого Котляревского.

134. И от лихого стратилата... - С т р а т и л а т (греч.) - предводитель войска, начальник.

135. Но тут обозный генеральный... - О б о з н ы й г е н е р а л ь н ы й - в казацком войске начальник артиллерийского обоза.

Часть шестая

136.

Ты знаешь, для чего троянцев Злым грекам попустил побить... - потому что сын троянского царя Приама Парис похитил жену греческого царя Менелая - прекрасную Елену.

137. Кто проклял бедного фригийца... - Ф р и г и е ц - житель Фригии в Малой Азии. Вергилий также часто называет Энеевых троянцев фригийцами.

138. Терпели горше Прометея... - П р о м е т е й - один из ярчайших образов греческой мифологии. Титан Прометей похитил с неба огонь и передал его людям, за что разгневанный Зевс велел приковать его к скалам Кавказа, где каждый день орел клевал ему печень. Эти мучения продолжались до тех пор, пока Геракл не освободил Прометея.

139. Цитерская пройдоха, шлюха... - Ц и т е р а, вернее - Китерея, или Киферея, - один из эпитетов Венеры от одноименного названия острова, где находился храм Венеры и где был сильно развит культ этой богини.

140. Наивничает, как Сусанна... - С у с а н н а - добродетельная жена (библ. миф.).

141. На шведском стану я кургане... - Ш в е д с к и й к у р г а н, или "шведская могила", - своеобразный памятник в честь Полтавской битвы, находящийся под Полтавой.

142. Шинкарь и плут из-под Полтавы... - И з-п о д П о л т а в ы - из Стехивки, небольшого селения близ Полтавы. (Прим. И. Котляревского.)

143. А вон, укрывшись епанчою... - Е п а н ч а - старинный длинный и широкий плащ.
Пан Купавон перед толпою... - К у п а в о н - по Вергилию - сын Кикна, обращенного в лебедя, в то время как он оплакивал сгоревшего Фаэтона.

144. Уже Стожар меж звезд поднялся... - С т о ж а р - название разных (по местностям) созвездий: Плеяд, Тельца, а также Большой и Малой Медведиц с Полярной звездой в центре.

145. И "Да воскреснет" вслух читая... - "Д а в о с к р е с н е т" - начальные слова молитвы, якобы заставляющей отступиться нечистую силу.

146. Поп полковой, задравши ряску... - У Вергилия в этом месте идет речь о жреце Гемониде.

147. Взяла в подмогу Асмодея... - А с м о д е й - главный демон (библ. миф.).

148. Над ним аркадский подкоморий... - П о д к о м о р и й - придворный сановник в старой Польше.

149. За щеку сунули пятак. - В античности существовало верование, что души умерших должны были платить перевозчику Харону за переправу через реку Стикс. Поэтому полагалось класть мертвецу в рот монету, которой он смог бы расплатиться с Хароном.

150. В аркадский город Паллантей. - П а л л а н т е й - столица царя Эвандра. (Прим. И. Котляревского.)

151. Мужи асессорского чина... - А с е с с о р с к и й ч и н - незначительный гражданский чин в царской России.

152. А Турнус пессимус - дурак. - П е с с и м у с (лат.) - наихудший.
И кваре воевать вам мекум? - К в а р е (лат.) - зачем, почему; м е к у м (лат.) — со мной.
Латинуса я путо цекум... - П у т о (лат.) - считаю, полагаю; ц е к у м (лат.) - слепой.
И дурнями, сеньорес, вас... - С е н ь о р е с (лат.) - старшие, здесь: господа.
Латинусу рад пацем даре... - П а ц е м (лат.) - мир; д а р е (лат.) - дать.
И корам вас нет зла у нас. - К о р а м (лат.) - перед; здесь - в отношении.
Один есть Турнус ворог меус... - М е у с (лат.) - мой.
Так ерго дебет воевать... - Э р г о (лат.) - следовательно; д е б е т (лат.) - должен.
Велит так фата, ут Энеус... - Ф а т а (лат.) - судьба; у т (лат.) - чтобы.
Чтоб привести ад финем беллюм... - А д ф и н е м б е л л ю м (лат.) -

войну к концу.

Зачем всех сангвис проливать? - С а н г в и с (лат.) - кровь.

Укажет глядиус, вель деус... - Г л я д и у с (лат.) - меч; в е л ь (лат.) - или; д е у с (лат.) - бог.

Латинским сцептро управлять. - С ц е п т р о (лат.) - скипетр, царство.

153. Онучи, лапти и братины... - Б р а т и н а - род ковша; употреблялась в старину на пирах для вина.

154. И вдруг от хана Диомеда... - Д и о м е д - предводитель аргосских воинов, один из храбрейших героев, принимавших участие в войне против Трои. После падения Трои прибыл в Италию, где основал несколько городов.

155. Он батьку спас в час грозной сечи... - Эней вынес Анхиза на руках из Трои, уже занятой врагами.

156. В Ивашки, в Мыльцы, в Пушкаревку... - селения в окружности Полтавы. (Прим. И. Котляревского.)

157. Русалку кликнула Ютурну... - Ю т у р н а - речная нимфа, сестра Турна.

158. Толумний к битве подстрекал... - Т о л у м н и й - прорицатель у рутулов.

159. Япид - цирюльник лазаретный... - Я п и д, у Вергилия Иапиг, - любимец Феба, дальняя родня Энея.

160. К тому ж Мессап, заехав сбоку... - М е с с а п - предводитель ряда этрусских племен.

161. По-книжному "увы!" вскричала... - Ирония по адресу писателей-сентименталистов, любивших часто употреблять в своих сочинениях подобные "чувствительные" междометия.

162. Такой, как был Нечеса князь... - Под именем Грицко Н е ч е с а был записан в реестре запорожского войска князь Потемкин.

163. Вдруг видит - ладанка Палланта Из золота и аграманта... - А г р а м а н т (устар.) - плетеная или стеклярусная тесьма.

В. П. Петушков

Подготовка текста - Лукьян Поворотов